АЙЗЕК АЗИМОВ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

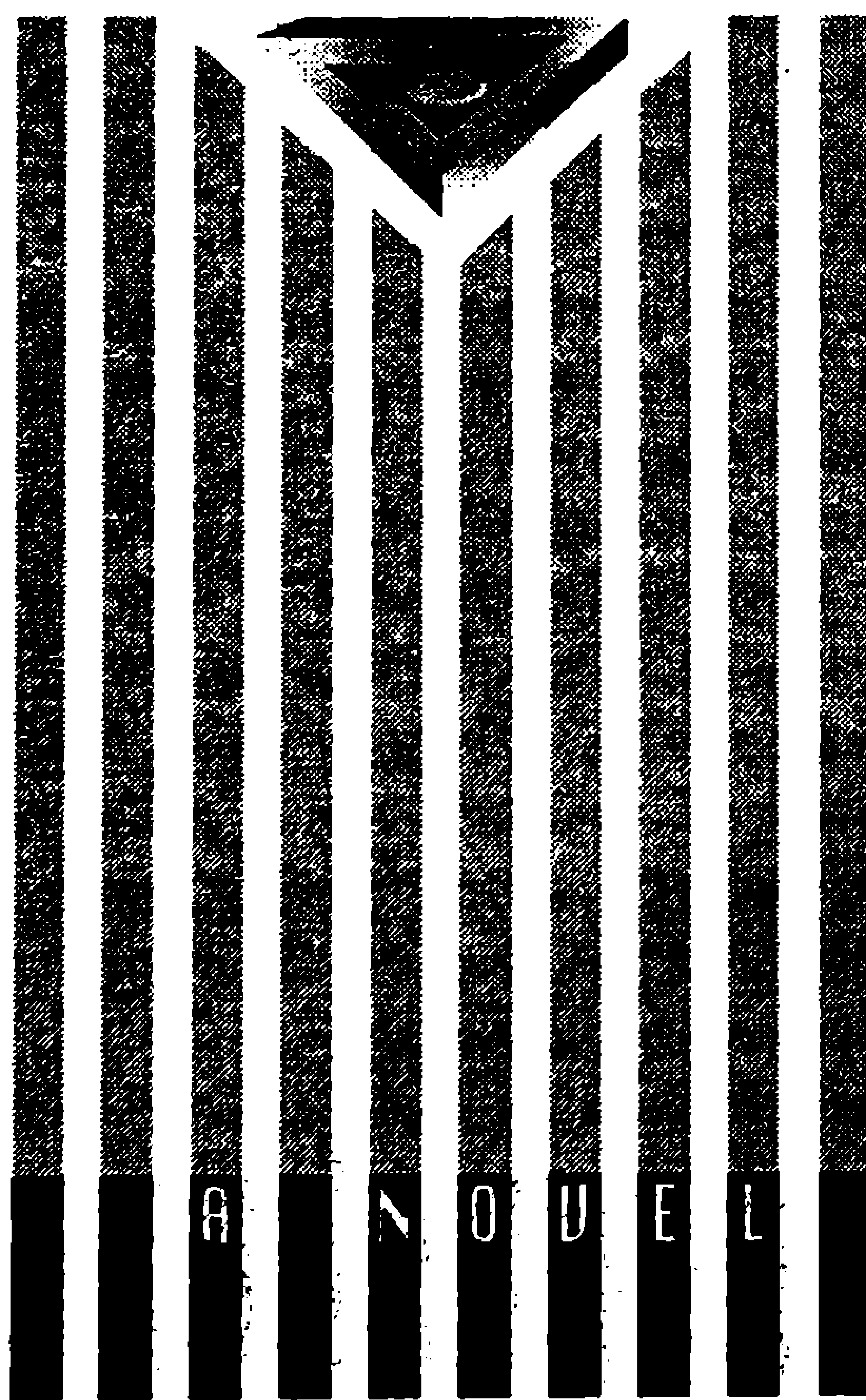
ФАНТАСТИКА

ISAAC ASIMOV

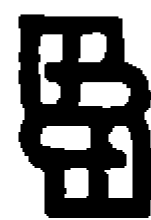
THE CURRENTS OF SPACE

АЙЗЕК АЗИМОВ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
А35

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серийное оформление И.А. Озерова

Азимов Айзек

А35 Космические течения: Роман / Пер. с англ. О.И. Перфильева; Послесл. Г. Елисеева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 287 с.

ISBN 5-9524-0360-3

В истории Галактики наступил переломный момент — человечество достигло такого уровня развития, что готово бороться с космическими проявлениями могущественной природы. Космоаналитик с планеты Земля подвергается воздействию психозонда. В результате он теряет память и проводит дни на планете Флорина, где выращивают особое растение, имеющее громадную ценность на галактических рынках. Неожиданно землянин начинает вспоминать, что он знает некую тайну о будущем Флорины. Планета должна погибнуть, и ее гибель связана с космическими течениями....

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2003
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-9524-0360-3

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Фантастический роман

Пролог

ГОД НАЗАД

Человек с Земли принял решение. Явилось оно не сразу, долго зрело, но в конце концов стало несокрушимым.

Он вот уже несколько недель не ощущал под ногами надежной палубы своего корабля, не видел вокруг ледяной тьмы пространства. Сначала он думал послать краткое сообщение в местный отдел Межзвездного Космоаналитического Бюро (МКБ) и тотчас вернуться в космос. Но тут его задержали.

Все это здорово смахивало на тюрьму.

Он допил чай и, взглянув на человека, сидевшего по другую сторону стола, отчеканил:

— Я больше не намерен здесь оставаться!

Другой человек тоже принял решение. Явилось оно не сразу, долго зрело, но в конце концов стало несокрушимым, хоть на это ушло много, очень много времени. Ответа на первые письма не последовало. С тем же успехом все затраченные усилия могли бы ухнуть в недра какой-нибудь звезды.

Впрочем, этого и следовало ожидать: как-ни-как сделаны только первые шаги.

Само собой, в дальнейшем никоим образом не следует упускать из виду землянина. Человек повертел в кармане гладкий черный стержень.

— Вы не улавливаете всей деликатности проблемы, — заметил он.

— Какие могут быть сомнения, когда речь идет о гибели планеты? — удивился землянин. — Я хочу, чтобы вы сообщили подробности всему Сарку, всем его жителям.

— Мы не можем. Вы ведь понимаете, какую это вызовет панику.

— Сначала вы говорили, что в состоянии сделать это.

— По зрелом размышлении я пришел к выводу, что это не практично.

Землянин совсем помрачнел:

— А представитель МКБ так и не появился...

— Я знаю. Там все слишком заняты разработкой надлежащих мер разрешения этого кризиса. Еще день-другой...

— Опять «день-другой»! У вас это вечный припев! Неужели все настолько заняты, что не могут уделить мне ни минутки? Никто не удосужился хотя бы заглянуть в мои расчеты!

— Я предлагал передать им ваши вычисления, но вы отвергли мою помощь.

— И не отступлюсь. Либо они приходят ко мне, либо я к ним, — отрезал землянин. — Вы не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю вам.

— Ничего подобного, я ведь вижу, что не верите. Вижу! Вы пытаетесь меня успокаивать. Вы не способны понять моих расчетов, по-

скольку вы не космоаналитик. Более того, я думаю, вы не тот, за кого себя выдаете. Кто вы такой?

— Ну вот, вы совсем разнервничались!

— Еще бы! Все это удивляет? Или вы думаете: «Ах, бедняга! Еще один свихнувшийся в космосе!» По-вашему, я тронутый, да?

— Чепуха!

— Нет, вы и вправду так думаете. Вот потому-то я и хочу повидаться с представителями Межзвездного Бюро. Они мигом выяснят, сумасшедший я или нет.

Собеседник землянина вспомнил о принятом им решении.

— По-моему, вам нехорошо. Давайте я помогу, — предложил он.

— Нет, вы мне ничем не поможете! — истерически крикнул землянин. — Потому что я сейчас уйду. Если вы рассчитываете остановить меня, то убейте, да только не посмеете, ведь тогда на вашей совести будет кровь населения целой планеты!

Собеседнику тоже пришлось перейти на крик, иначе землянин его бы просто не услышал.

— Да не убью я вас! Поймите, я не собираюсь вас убивать. В этом нет никакой надобности!

— Вы меня просто свяжете, — подхватил землянин. — И оставите тут! Значит, план таков? А что вы будете делать, когда Бюро начнет меня разыскивать? Я должен регулярно посылать сообщения, как вам известно.

— В Бюро знают, что у меня вы в безопасности.

— Правда? А известно ли там вообще, что я опустился на планету? Получено ли мое первое сообщение?

Голова кружилась. Тело начало деревенеть.

Собеседник встал, чувствуя, что пора исполнять задуманное. Он медленно обогнул длинный стол, приближаясь к землянину.

— Это для вашего же блага, — успокаивающе пробормотал он и достал гладкий стержень.

— Психозонд! — прохрипел землянин, едва ворочая языком. Он попытался встать, но руки и ноги не слушались. — Чай был отравлен! — сквозь зубы выдавил он.

— Отравлен, — признал собеседник. — А теперь послушайте. Я не причиню вам вреда. Вам и в самом деле трудно понять всю щекотливость вопроса, особенно сейчас, когда вы так возбуждены. Я просто избавлю вас от тревоги. Всего-навсего успокою.

Землянин уже не мог говорить. Оставалось только сидеть и тупо думать: «Великий Космос! Меня опоили!» Всем существом он рвался бежать или позвать на помощь, но тело безвольно поникло.

А тот, другой, уже подошел вплотную, остановился и посмотрел на жертву сверху вниз. Землянин вскинул глаза — глазные яблоки пока еще двигались.

Психозонд действовал автоматически: следовало только присоединить его к нужным точкам черепа. Землянин с ужасом следил за прибором, пока мышцы глаз не онемели окончательно. Он не чувствовал, как острые тонкие проводки проникают сквозь кожу и впиваются в чувствительные участки мозга.

Скованный молчанием разум продолжал вопить: «Нет, вы не понимаете! Это целая планета, населенная людьми! Неужели до вас не доходит, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов?»

Слова опоившего его человека звучали глухо, как если бы доносились из дальнего конца бесконечного извилистого туннеля.

— Вам не будет больно. Через час вы почувствуете себя хорошо, очень хорошо. И вместе со мной посмеетесь над всей этой историей.

Потом опустился мрак и окутал все плотным покровом. Полностью он уже так никогда и не рассеялся. Даже на то, чтобы кое-где прорвать эту завесу, ушел год.

Глава 1
НАЙДЕНЫШ

Рик отложил ложку и вскочил. Его так трясло, что пришлось опереться о голую молочно-белую стену.

— Я вспомнил! — крикнул он.

Все уставились на него; неразборчивое обеденное бормотание стихло. Одинаково тусклые глаза на безупречно чистых, гладко выбритых и неестественно бледных при искусственном освещении лицах не выражали особого интереса — скорее, это было лишь инстинктивной реакцией на неожиданный звук.

— Я вспомнил свою работу! — продолжал Рик. — У меня была работа!

Кто-то буркнул: «Заткнись!», а еще чей-то голос добавил: «Сядь!»

Потом все опять отвернулись и привычно забормотали. Рик невидящим взглядом скользнул вдоль стола. Он слышал слова «сумасшедший Рик», видел, как кое-кто пожимает плечами, а один из сотрудников вертит пальцем у виска. Но все это не имело значения.

Он медленно сел, взял свою ложку со слегка заостренными краями и зубчиками спереди — неуклюжее приспособление, с помощью которого удавалось кое-как резать, черпать и накладывать пищу. На ручке стоял номер, но не это занимало сейчас мысли Рика — номер он и так знал наизусть. У всех остальных тоже были эти опознавательные знаки, но, кроме того, у каждого имелось имя. Только не у него. Все работники плантации звали его Рик, поскольку на местном жаргоне это означало нечто вроде недоумка. А многие не стеснялись присовокуплять к этому эпитет «чокнутый».

Но может, теперь он будет вспоминать все больше и больше? Ведь с тех пор как появился на фабрике, Рик впервые вспомнил хоть что-то из случившегося прежде. Если б он только мог как следует подумать!

Есть вдруг как-то совсем расхотелось. Рик воткнул ложку в желеобразный брикет из мяса и овощей, отодвинул тарелку и, закрыв глаза ладонями, кончиками пальцев ухватился за волосы и сильно, до боли потянул, словно пытаясь таким образом глубже проникнуть в ту яму, из которой память выхватила одно-единственное воспоминание, да и то смазанное и непонятное.

Когда звук колокола оповестил всех о конце обеденного перерыва, Рик разрыдался.

Вечером, когда Рик шел с фабрики, его догнала Валона Марч. Рик не сразу заметил ее присутствие, уловив лишь звук шагов, подстраивающихся под его собственные. Наконец он остановился и посмотрел на девушку. Волосы ее, довольно неопределенного оттенка между русым и каштановым, были заплетены в две толстых

косы и скреплены магнитными заколками с дешевыми, тусклыми зелеными камешками. Одевалась Валона в простое хлопчатобумажное платье. Впрочем, здесь, в теплых краях, этого вполне хватало. Рик тоже довольствовался майкой без рукавов и матерчатыми штанами.

— Я слышала, за обедом что-то произошло, — сказала Валона.

Она, как и все, выговаривала слова с резким простонародным акцентом. Рик же смягчал гласные и слегка гнусавил. Эта его манера вечно служила поводом для шуток и передразниваний, но Валона уверяла, что все ерничанье окружающих — от недомыслия.

— Ничего особенного, Лона, — пробормотал Рик.

— Но я слышала, ты что-то вспомнил, — настаивала девушка. — Это правда, Рик?

Она тоже называла его Риком за неимением лучшего. Он не мог вспомнить свое настоящее имя, хоть и отчаянно пытался и Валона помогала изо всех сил. Однажды, раздобыв где-то рваную адресную книгу, она прочитала Рику все имена. Но ни одно из них не вызвало в нем отклика.

Рик посмотрел девушке в глаза.

— Мне придется уйти с фабрики, — сказал он.

Валона нахмурилась. На ее круглом, широкоскулом лице мелькнула озабоченность.

— Не думаю, что ты можешь так поступить. Это было бы неправильно.

— Я должен больше узнать о себе.

Валона облизала губы:

— Лучше не надо.

Рик отвернулся. Он понимал, что девушка искренне беспокоится о нем. Это она устроила его

на фабрику. Рик не умел обращаться с такими, как здесь, машинами. То есть, может, и умел когда-то, но не мог вспомнить. В любом случае Лона добилась, чтобы Рику, слишком слабому для тяжелого физического труда, позволили пройти техническую подготовку без предварительной оплаты. А еще прежде, в те кошмарные дни, когда Рик только тихо поскуливал и не знал, для чего предназначена пища, девушка ухаживала за ним и кормила. Она спасла ему жизнь.

— Я должен, — вздохнул он.

— Опять болит голова, Рик?

— Нет. Я и вправду что-то вспомнил. Я вспомнил, какая работа была у меня раньше... Раньше!

Рик не знал, стоит ли ей рассказывать об этом. Он огляделся. Теплое, ласковое солнце зайдет за горизонт не раньше чем через два часа. Вокруг фабрики рядами тянулись унылые спальные домики для рабочих, но Рик знал, что, если взойти на холм, перед ними во всей красе раскинутся багряные и золотые поля.

Ему нравились эти просторы. Их вид с самого начала успокаивал его. Даже до того, как Рик узнал, что эти цвета называются «багряный» и «золотой»; до того, как выяснил, что такое цвет; до того, как сумел выразить свои чувства иначе, нежели невразумительным мычанием. И головные боли тут всегда проходили быстрее. В те дни Валона часто брала по выходным диамагнетический скутер и увозила Рика подальше от поселка. Они парили в футе над дорогой, скользя на мягкой подушке антигравитационного поля, а вокруг расстилались плантации и не было никаких признаков человеческого жилья, лишь ветер бросал в лицо пьянящий аромат цветов кирта.

Потом они садились на землю в гуще цвета и запаха и делили на двоих пищевой брикет. А солн-

це нежно сияло над головой, пока не наступало время возвращаться.

Рик очень живо представил себе те дни.

— Пойдем в поля, Лона, — предложил он.

— Уже поздно.

— Прошу тебя. Только выйдем из поселка.

Девушка в задумчивости теребила кошелек, пристегнутый к голубому поясу из мягкой кожи — единственному украшению, какое она могла себе позволить.

Рик взял ее за руку:

— Пойдем!

Через полчаса путники свернули с шоссе на извилистую, посыпанную песком дорогу. Между ними повисло тяжелое молчание, и Валона почувствовала, как ее вновь охватывает давний страх. Она не знала, какими словами выразить свои чувства, а потому никогда не пыталась.

Что, если Рик оставит ее? Он такой маленький! Ростом не выше самой Валоны, а весит, наверное, даже меньше. И до сих пор во многих отношениях беспомощен, как ребенок. Но до того, как Рику стерли память, он, по всей видимости, был образованным человеком. Да, он получил хорошее образование и наверняка занимал куда более высокое место в жизни.

Валону же учили только читать и писать, да еще управляться с фабричным оборудованием, но она понимала, что не все люди настолько ограниченны. Взять хотя бы старосту — он благодаря своим знаниям очень помогает им всем. А еще в поселок иногда приезжали с инспекцией и сами сквайры. Близко Лона с ними никогда не сталкивалась, но, выехав однажды на выходной в город, видела издали группу невероятно важных, красиво одетых господ. Порой работникам выпадала возможность послушать, как говорят обра-

зованные люди. Они изъяснялись совсем по-другому: речь звучала более плавно и мягко, и в ней было много длинных слов. И вот, по мере того как к Рику возвращалась память, он все чаще говорил именно так.

Когда он произнес первые слова, Лона испугалась. Это произошло неожиданно, после долгих бессвязных жалоб на головную боль. И сказал он их как-то странно. Лона не раз пыталась поправить Рика, но он не захотел меняться.

Даже тогда девушка испугалась, что он вспомнит достаточно много и сразу бросит ее. Ведь она всего-навсего Валона Марч. В поселке ее еще называли Большой Лоной. Замужем она никогда не была и вряд ли выйдет. Так что оставалось только с досадой смотреть на парней, танцующих с другими девушками по праздникам и в выходные. Лона уродилась слишком крупной, чтобы жеманничать и строить глазки.

И ребенка ей никогда не видать. Все женщины одна за другой рожали детишек, а она могла лишь подойти и полюбоваться красным, безволосым существом с крохотными глазенками, беспомощно сжатыми кулачками и слюнявым ротиком...

«Теперь твоя очередь, Лона».

«А ты когда родишь, Лона?»

Она только отворачивалась, ни слова не сказав в ответ.

Но когда здесь появился Рик, он был точь-в-точь как ребенок. Его надо было кормить, не оставлять без присмотра, выводить погулять на солнышко и убаюкивать, когда головная боль не давала уснуть.

За ней бегали стайки ребятишек и смеялись: «У Лоны жених! У Большой Лоны парень с приветом! Сыночек Рик!»

Позже, когда Рик уже мог ходить самостоятельно (увидев его первый шаг, Лона испытала такой прилив гордости, как будто ее подопечному и впрямь был всего один, а не тридцать один год, если судить по внешности) и гулял по улицам поселка, дети бегали вокруг, громко хохоча, и вытворяли разные глупости, чтобы посмотреть, как взрослый мужчина испуганно закрывает глаза, и сутулится, и лопочет, словно маленький. Сколько раз Лона выбегала из дому и разгоняла мучителей, потрясая внушительными кулаками.

А кулаков ее побаивались и взрослые. В тот день, когда Лона привела Рика на фабрику, она одним махом свалила с ног мастера, позволившего себе ляпнуть какую-то непристойность на их счет. Совет фабрики наложил на нее недельный штраф и даже собирался послать дело в городской суд сквайров, но, по счастью, вмешался староста и сумел убедить членов совета, что девушку бессовестно оскорбили.

Поэтому Лоне хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она прекрасно понимала, что не может ничего дать Рику, более того, с ее стороны нечестно желать, чтобы он навсегда остался беспомощным и лишенным разума, но никто и никогда еще не зависел от Лоны до такой степени. И она смертельно боялась, что снова останется одна.

— Ты и вправду вспоминаешь, Рик? — наконец спросила она.

— Да.

Они остановились посреди поля, наблюдая, как лучи заката углубляют алые тона бескрайних плантаций. Вскоре подует легкий вечерний ветерок, а оросительные каналы, разделившие поля на большие квадраты, уже обретали густой пурпурный тон.

— Я могу доверять тем знаниям, что ко мне возвращаются, Лона. Ты сама это видела. Например, ты не учила меня говорить. Я вспомнил слова сам. Правда?

— Да, — выдавила она.

— Я даже помню то время, когда еще не мог говорить и ты выводила меня в поля. Новое я запоминаю всегда. Вчера я вспомнил, как однажды ты поймала для меня киртовую муху. Ты держала ее в ладонях, а потом придвинула их к моим глазам, чтобы я мог полюбоваться, как мерцают в темноте пурпурные и оранжевые огоньки. Я рассмеялся и попробовал достать муху из ловушки, но она улетела, и я заплакал. Тогда я понятия не имел, что это киртовая муха, да и вообще ничего не знал, но теперь мне это совершенно ясно. А ты ведь никогда мне об этом не рассказывала, Лона?

Она кивнула.

— И это было на самом деле, правда? Я все точно запомнил?

— Да, Рик.

— А теперь я вспомнил кое-что из прошлого. Ведь должно же у меня быть это прошлое, Лона!

Да, и оно, несомненно, было. Но от мыслей об этом у Лоны теснило сердце. Та жизнь Рика была не такой, совсем не похожей на их нынешнюю. Он пришел из другого мира. Лона знала это, поскольку единственным словом, которого он так и не вспомнил, было «кирт». И ей пришлось объяснять, что так называется самая важная вещь на Флорине.

— И что же ты вспомнил? — полюбопытствовала она.

Радостное возбуждение Рика тотчас спало. Он замялся.

— Особого смысла в этом нет, Лона. Просто у меня когда-то была работа, и я знаю какая. По крайней мере, отчасти.

— И что ты делал?

— Я анализировал Ничто.

Девушка резко повернулась и посмотрела ему в глаза, потом поднесла было ладонь ко лбу, но Рик сердито отшатнулся.

— У тебя не болит голова, Рик? — спросила она. — Болей не было уже несколько недель.

— Со мной все в порядке. И не суетись ты так! — Заметив, как грустно она поникла, Рик поспешно добавил: — Я вовсе не хотел сказать, что меня это раздражает. Просто я не хочу, чтобы ты зря волновалась.

Ее лицо просветлело.

— А что такое «анализировать»?

Он знал слова, каких она и в жизни не слыхивала. Представив, насколько образованным человеком когда-то был Рик, Лона почувствовала себя полным ничтожеством.

Он ненадолго задумался.

— Это значит... ну, в общем, «разбирать на части». Скажем, как разбирают сортировщик, чтобы выяснить, почему сканирующий луч сбивается с настройки.

— Ах вот как... Но послушай, Рик, какая же это работа — разбирать на части ничего?

— Я не говорил «ничего». Я сказал «анализировал Ничто». С большой буквы «Н».

— Да разве это не одно и то же?

Вот он и настал, тот самый момент. Рику ее слова начинают казаться глупыми. Скоро он бросит ее, отвернется с презрением.

— Конечно нет. — Рик глубоко вздохнул. — Боюсь, что не смогу тебе это объяснить. Я больше ничего не помню. Но работа была очень важной. Я чувствую. Нет, я никак не мог быть преступником!

Валона вздрогнула. Ей ни в коем случае не следовало говорить ему об этом. Девушка пыта-

лась найти себе оправдание, что предупредила Рика только ради его собственной безопасности, но теперь подумала, не поддалась ли просто-напросто желанию еще крепче привязать его к себе.

Это случилось, когда Рик впервые заговорил. От неожиданности Валона так испугалась, что даже не посмела рассказать об этом старосте. В следующий выходной она взяла из своих сбережений пять кредитов (раз ее все равно никто не возьмет замуж, о приданом задумываться не стоило) и повезла Рика в Город — к доктору. Имя и адрес врача она записала на бумажке, но, несмотря на это, им пришлось проплутать целых два часа, отыскивая нужный дом среди огромных колонн, поддерживающих Верхний Город, залитый благодатными лучами солнца.

Лона настояла, чтобы доктор внимательно осмотрел пациента и проделал все необходимые исследования, хотя ей самой и эти манипуляции, и причудливые инструменты внушали изрядный страх. Когда врач положил голову Рика между двумя металлическими пластинами и она засияла, словно киртовые мухи в ночи, девушка подпрыгнула от ужаса и попыталась вмешаться. Но доктор вызвал двоих охранников, и они вытолкали сопротивлявшуюся Лону за дверь.

Полчаса спустя высокий доктор вышел в приемную с самым мрачным видом. Лона чувствовала себя неловко в его присутствии, поскольку врач был сквайром, хоть и лечил людей в Нижнем Городе. Но выражение его глаз его было мягким, можно сказать — даже сочувственным. Врач вытер руки небольшим полотенцем и тотчас бросил его в корзину, хотя Лоне ткань казалась идеально чистой.

— Когда ты встретила этого человека? — спросил он.

Валона осторожно рассказала о встрече, опустив подробности и перечислив только самые необходимые факты. О старосте и патрульных она и не заикнулись.

— Выходит, ты ничего о нем не знаешь?

Девушка покачала головой:

— Я не знаю, что с ним было раньше.

— Этого человека подвергли психозондированию, — объяснил доктор. — Ты слышала, что это такое?

Лона уже собиралась снова покачать головой, но тотчас испуганно замерла.

— Это ведь то, что делают с сумасшедшими, доктор? — выдохнула девушка.

— И с преступниками. Психозондирование необходимо, чтобы изменить их психику для их же собственного блага. Это помогает вылечить больной мозг или изменить те его части, что толкают человека грабить и убивать. Понимаешь?

Лона поняла.

— Рик никогда ничего не крал и никому не причинял вреда, — покраснев, ответила она.

— Ты зовешь его Риком? — Похоже, доктора это позабавило. — Послушай, ты ведь не знаешь, что этот человек делал до того, как ты его встретила? По состоянию его мозга трудно судить о прошлом. Зондирование было глубоким и грубым. Я даже не могу сказать, какая часть разума потеряна безвозвратно, а какая лишь затуманена шоком. Полагаю, со временем кое-что восстановится, как и речь, но не все. Этого Рика необходимо держать под наблюдением.

— Нет-нет! Он должен оставаться со мной. Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Врач нахмурился, но тон его вдруг смягчился:

— Я думаю о тебе, девушка. Вдруг из сознания этого человека удалено не все плохое? Ты же не хочешь, чтобы он когда-нибудь обидел тебя?

Тут медсестра вывела Рика, успокаивая его воркованием, как младенца. Рик, держась за голову, бессмысленно смотрел в пространство, пока взгляд его не остановился на Валоне. Рик тотчас протянул к ней руки и жалобно вскрикнул:

— Лона!

Она кинулась навстречу и, крепко обняв, положила голову несчастного себе на плечо.

— Рик не обидит меня, — сказала она доктору. — Никогда и ни за что.

— О нем конечно же следует сообщить, — задумчиво отозвался врач. — Не понимаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— И тогда Рика отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да.

— Пожалуйста, доктор, не делайте этого. — Она поспешно достала платок, в который завязала пять блестящих монет. — Возьмите все, доктор. Я позабочусь о Рике. Он никому не навредит.

Доктор посмотрел на зажатые в руке Лоны кредиты:

— Ты работаешь на фабрике, не так ли?

Лона кивнула.

— Сколько тебе платят в месяц?

— Два и восемь десятых.

Доктор собрал монеты и встряхнул в ладони, прислушиваясь к звону металла, а потом протянул их Лоне:

— Забери это, девушка. Не стоит.

Она в полной растерянности спрятала деньги.

— И вы никому не скажете, доктор?

— Боюсь, что придется. Таков закон.

В поселок Лона возвращалась с тяжелым сердцем, не видя ничего вокруг и отчаянно прижимая к себе Рика.

Через неделю в новостях по гипервидению сообщили о докторе, погибшем в катастрофе из-за временных неполадок на местной гироскопической трассе. Имя погибшего показалось Лоне знакомым, и ночью, у себя в комнате, она отыскала бумажку, где записала адрес врача. Да, погиб именно он.

Лоне стало жаль доктора, потому что он казался хорошим человеком. Когда-то один рабочий дал ей адрес, сказав, что этот врач по-доброму относится к простым людям и всегда старается предотвратить несчастные случаи на производстве. И с Лоной он говорил заботливо. Но все же радость перевешивала печаль. Врач наверняка не успел послать сообщение о Рике властям. По крайней мере, в поселок никто с инспекцией не являлся.

Позже, когда Рик начал кое-что понимать, Лона рассказала ему о докторе, чтобы он оставался в поселке и не искал неприятностей.

Рик потряс ее за плечо, и Лона очнулась от воспоминаний.

— Ты что, не слышишь меня? Я не мог быть преступником, если у меня была такая важная работа!

— Может, ты сделал что-то не так? — неуверенно пробормотала она. — И большие люди иногда ошибаются. Даже сквайры...

— Я уверен, что ничего дурного не совершил. Разве ты не думаешь, что я должен доказать это всем? Другого выхода нет. Мне надо оставить фабрику, уйти из поселка и найти доказательства.

Лона почувствовала, как ее охватывает панический страх.

— Рик! Это опасно! Зачем тебе что-то доказывать? Даже если ты анализировал Ничто, почему это так важно?

— Потому что я вспомнил кое-что еще.

— Что?

— Я не хочу говорить тебе об этом, — прошептал Рик.

— Ты должен кому-нибудь это сказать. Вдруг снова забудешь?

Рик схватил ее за руку:

— Верно. Ты ведь никому не расскажешь, Лона? Ты станешь моей памятью на случай, если я опять все забуду?

— Конечно, Рик.

Он поглядел вокруг. Мир был воистину прекрасен. Валона как-то говорила, что над Верхним Городом, высоко в небе, сияет и переливается огромная надпись: «Из всех планет Галактики Флорина — прекраснейшая!»

И сейчас, видя тронутые закатом пурпурно-золотые поля, Рик всей душой чувствовал, что это правда.

— То, что я вспомнил, ужасно, но, если я что-то вспоминаю, это всегда верно. Так вот, сегодня, в конце дня... я вспомнил...

— И что же?

Он пристально, с неизбывным ужасом посмотрел на Лону:

— Всех на этой планете ждет гибель. Всех, кто живет на Флорине.

Глава 2
СТАРОСТА

Мирлин Теренс доставал с полки фильмокнигу, когда у двери тенькнул звонок. На мгновение его округлое лицо задумчиво нахмурилось, но тотчас вновь обрело привычное сдержанно-любезное выражение. Пригладив уже не слишком густые соломенные волосы, он крикнул: «Минуточку!»

Потом вернул на место фильм и, нажав кнопку, закрыл полку панелью, неотличимой от поверхности стены. Для простых работников и фермеров — тех, с кем Теренсу приходилось иметь дело, чтение книг было привилегией, а для него — источником гордости, ведь он происходил из их среды хотя бы по рождению. Чтение и фильмы скрашивали серые будни повседневности, прогоняли усталость. И все-таки не следовало держать фильмокниги на виду у жителей поселка.

Это могло бы только осложнить дело, сковав и без того не слишком поворотливые язычки. Потом они наверняка стали бы хвастать книгами своего старосты, но во время разговора сам Теренс для них выглядел бы кем-то вроде сквайра.

Ну и оставались еще сквайры. Правда, в высшей степени невероятно, что кто-то из них вздумает посетить его жилище, но, если бы сквайр увидел у Теренса полку с фильмокнигами, это показалось бы ему крайне неуместным. Закон давал старостам определенные привилегии, но кичиться ими явно не стоило.

Теренс, снова крикнув: «Иду!» — шагнул к двери, запахивая на ходу ворот рубашки. Даже одевался он теперь вроде сквайров. Иногда староста почти забывал, что родился на Флорине.

У порога стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь:

— Входи, Валона. Садись. Время отбоя уже прошло. Надеюсь, патрульные тебя не видели?

— Вроде бы нет, староста.

— Что ж, будем уповать на лучшее. Ты и так под подозрением.

— Да, староста. Я очень благодарна за все, что вы для меня сделали.

— Не стоит того. Садись. Хочешь чего-нибудь поесть или выпить?

Лона села на краешек стула и, выпрямив спину, покачала головой:

— Нет, спасибо, староста. Я уже поела.

Среди жителей поселка предложить что-нибудь гостю считалось хорошим тоном, но принять предложение — крайне дурным. Теренс знал это и уговаривать не стал.

— Так в чем же дело, Валона? Опять Рик?

Валона кивнула — похоже, она никак не могла подобрать слова и объяснить, что случилось.

— Неприятности на фабрике? — спросил Теренс.

— Нет, староста.

— Опять головные боли?

— Нет, староста.

Теренс подождал, прищурившись и внимательно глядя на позднюю гостью.

— Валона, ты же не думаешь, будто я сумею отгадать, что с тобой случилось? Объясни, в чем дело, а то я не смогу тебе помочь. А надо полагать, ты пришла просить помощи. Так?

— Да, староста, — признала девушка и вдруг выпалила: — Но я даже не знаю, как и сказать вам... Все это звучит как-то дико...

Теренсу захотелось похлопать ее по плечу, но он знал, что от его прикосновения Валона только съежится. Сейчас она сидела, по обыкновению стараясь спрятать непомерно большие руки в складках платья. Староста, однако, заметил, что ее короткие сильные пальцы подрагивают.

— Что бы это ни было, я тебя выслушаю.

— Староста, вы помните, как я рассказала вам о докторе и о том, что он говорил?

— Да, Валона. Тогда я предупредил, чтобы ты ничего подобного больше не делала без моего ведома. А ты об этом помнишь?

Глаза Валоны испуганно расширились. Она без всяких напоминаний воочию видела его тогдашний гнев.

— Я больше никогда так не поступлю, староста. Только я хотела сказать, вы тогда обещали сделать все, чтобы помочь мне спасти Рика.

— Можешь не сомневаться. А что, о нем спрашивали патрульные?

— Нет. Ох, староста, неужели они спросят?

— Ничего подобного, не беспокойся. — Теренс терял терпение. — Ну давай же, Валона, объясни мне, в чем дело.

На глазах у Лоны выступили слезы.

— Староста, Рик сказал, что уйдет от меня. Я хочу его остановить.

— А почему он решил уйти?

— Рик сказал, что начал вспоминать.

На лице Теренса отразилось крайнее любопытство. Он подался вперед и едва не схватил Лону за руку.

— Вспоминать? Что именно?

Теренс помнил тот день, когда нашли Рика. Он увидел толпу детей у одного из оросительных каналов на краю поселка. В воздухе тотчас

зазвенели тоненькие голоса: «Староста! Староста!»

Теренс подбежал к детям:

— В чем дело, Рейзи?

Прибыв в поселок, он прежде всего постарался выучить имена детей. Это позволило намного упростить общение с их матерями, да и всю работу в первые месяцы.

Вид у Рейзи был довольно кислый.

— Поглядите туда, староста, — пробормотал мальчишка.

Он указывал на какую-то копошащуюся бледную массу. Это был Рик. Другие дети наперебой вопили что-то не вполне вразумительное. Наконец Теренс понял, что они играли в какую-то игру, где нужно бегать, прятаться и ловить друг друга. Они хотели объяснить ему правила игры, рассказать, кто чего достиг к тому моменту, когда она была прервана, и спросить, кого следует назвать победителем в таком случае. Но все это старосту не волновало.

Рейзи, черноволосый двенадцатилетний мальчик, услышал какое-то «хныканье» и стал осторожно подкрадываться к источнику этих звуков. Он думал, там затаилась зверюшка вроде полевого крота, а стало быть, неплохая добыча. Но вместо этого нашел Рика.

Столь странное зрелище внушало детям и любопытство и ужас одновременно. Перед ними лежал полуголый мужчина, пускал слюни и слабо повизгивал, беспорядочно дергая руками и ногами. Мутные голубые глаза бесцельно блуждали, а подбородок покрывала темная щетина. На мгновение его взгляд упал на Теренса, и в нем промелькнуло нечто осмысленное. Потом мужчина медленно приподнял руку и засунул в рот большой палец.

Кто-то из ребят рассмеялся:

— Вы только поглядите, староста. Он сосет пальцы!

Незнакомец, корчась всем телом, закричал. Лицо покраснело и сморщилось. Потом крик перешел в жалобные стоны без слез, но палец так и оставался во рту. По сравнению с другими, покрытыми засохшей грязью пальцами он казался до неприличия мокрым и розовым.

Теренс стряхнул оцепенение.

— Ладно, ребята, — сказал он, — нечего бегать по киртовому полю. Этак вы повредите посадки. Сами знаете, что вам будет, если попадетесь рабочим с плантаций. Идите отсюда и помалкивайте о том, где играли и что видели. А ты, Рейзи, сбегай к доктору Дженкусу и попроси его прийти сюда.

Улль Дженкус больше всего годился на роль врача в этом поселке. Какое-то время учился оказывать элементарную помощь в клинике настоящего городского доктора. Поэтому Дженкуса освободили от работы на фабрике и на полях. И справлялся он неплохо: мог измерить температуру, дать лекарство, сделать укол и, самое главное, умел определить, когда больного необходимо отправить в городскую больницу. Без этого доктора-недоучки многие несчастные, заболев менингитом или заработав острое воспаление аппендикса, страдали бы очень сильно, но не долго. Тем не менее мастера, как водится, недовольно ворчали, обвиняя Дженкуса в пособничестве симулянтам.

Дженкус помог старосте уложить незнакомца в повозку и как можно незаметнее доставить в поселок. Потом они вместе отмыли его от засохшей и затверделой грязи, но расчесать волосы не удалось, так что Дженкус просто сбрил их и тщательно осмотрел все тело.

— Вроде бы никаких признаков болезни, староста. Он сыт. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. А вы как думаете, куда его теперь девать?

Он задал этот вопрос обреченным тоном, отнюдь не надеясь, что Теренсу известны ответы на все вопросы. Староста отнесся к такому недоверию философски. Поселок недавно лишился главы, к которому жители привыкли за последние пятьдесят лет, а потому любой сравнительно молодой преемник должен был преодолеть период недоверия и сомнений. В этом не было ничего личного, и Теренс понимал психологию своих подопечных.

— Боюсь, я тоже не знаю, — отозвался он.

— Парень даже ходить не умеет. Ни шагу не сделает. Впору таскать, как младенца. Как будто он все забыл.

— Может, после болезни?

— Да вроде такого не бывает. Правда, есть всякие там психические болезни, да только в них я вообще ничего не смыслю. Я бы отослал его в Город. А вы видели наш Город, староста?

Теренс улыбнулся.

— Я здесь всего месяц, — скромно заметил он.

Дженкус вздохнул и достал носовой платок.

— Да... Наш старый староста — хороший был человек. Берег нас и управлялся со всем отлично. Я живу тут больше шестидесяти лет и ни разу не видел этого парня. Видать, из другого поселка.

Дженкус с рождения был склонен к полноте и вдобавок вел сидячий образ жизни, а потому отличался дородностью и, естественно, старался ограничиваться короткими фразами, а в перерывах пыхтел и вытирал пот со лба большим красным платком — впрочем, без особого толку.

— Просто не представляю, что сказать патрульным, — добавил он.

Патрульные, как и следовало ожидать, появились очень скоро. Ребята рассказали о происшествии родителям, те передали новость знакомым. Жизнь в поселке шла тихо и размеренно. Любое, пусть столь незначительное событие казалось чем-то из ряда вон выходящим, и о нем поспешили доложить «кому следует». Патрульные, конечно, вряд ли могли чем-то помочь, но слушали они весьма охотно.

Люди из так называемого Флоринианского Патруля не были не только уроженцами Флорины, но даже соотечественниками сквайров с планеты Сарк. В Патруль набирали наемников — платили вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок, не обременяя голову излишней заботой о сородичах или патриотическими устремлениями.

На сей раз патрульных было двое; пришел также и мастер с фабрики, невероятно гордый сознанием собственного мизерного величия. Служаки действовали равнодушно, с несколько скучающим видом. Взглянуть на безмозглого дурачка полагалось по долгу службы, но это было далеко не самым интересным занятием.

— Сколько времени вам нужно на опознание? Кто этот человек? — спросил один из них у мастера.

Тот энергично замотал головой:

— В первый раз вижу. Он не отсюда!

Патрульный повернулся к Дженкусу:

— У него были документы?

— Нет, господин. Только обрывки тряпки. Я сжег ее во избежание инфекции.

— Что с ним?

— Да вроде всю память отшибло.

Теренс отвел патрульных в уголок. Поскольку оба скучали, то договориться не составило особого труда. Тот, что задавал вопросы, убрал блокнот:

— Ну ладно. Не стоит даже записывать. Нам до этого дела нет. Избавьтесь от него как-нибудь.

И патрульные ушли.

Но мастер остался. Лицо его покрывали веснушки, голову — огненно-рыжая шевелюра, а под носом воинственно щетинились усы. Прослужив мастером пять лет, он всегда руководствовался строгими принципами, полагая, что ответственность за выполнение плана на участке лежит исключительно на нем.

— Послушайте, — напористо начал он. — Так что же с ним делать? Чертовы лодыри у меня совсем не работают, а только языки чешут!

— Отправим в городскую больницу, думаю так, — пропыхтел Дженкус, вовсю орудуя платком. — Я тут ничего не могу поделать.

— В Город? — ужаснулся мастер. — А платить кто будет? На кого запишут расходы? Парень ведь не наш, да?

— Вроде так, — согласился Дженкус.

— Тогда почему мы должны платить? Найдите его хозяев. Пусть они и раскошеливаются.

— А как мы узнаем, откуда он? Может, вы объясните мне как?

Мастер задумался, усердно водя языком по кромке колючих усов.

— Тогда избавимся от него. Как и велели патрульные.

— А как вы себе это представляете? — подключился к обсуждению Теренс.

— Да ему самому лучше быть мертвым, — ответил мастер. — Это будет только милосердием с нашей стороны.

— Нельзя же убить человека, — возразил Теренс.

— Тогда, вероятно, вы найдете другой выход?

— Может, о парне позаботится кто-нибудь из поселка?

— Кто станет присматривать за таким? Вы, что ли?

Теренс пропустил откровенную дерзость мимо ушей:

— У меня и без того хватает забот.

— Все люди заняты. Не буду же я отвлекать рабочих от дела, чтобы они возились с идиотом!

Теренс вздохнул, стараясь подавить раздражение.

— Давайте найдем разумный путь, мастер. Если вы не выполните план за этот месяц, я, пожалуй, спишу огрехи на то, что один из ваших людей присматривал за несчастным больным, и постараюсь все уладить со сквайрами. В противном случае я скажу, что не знаю, почему вы сорвали план, — при том условии, конечно, что вы не управитесь к сроку.

Мастер окинул его злобным взглядом. Староста пробыл тут всего месяц, а уже встревает в дела тех, кто провел на фабрике всю жизнь. Однако сквайры уже поставили несколько отметок в личной карточке мастера, и не стоило открыто перечить старосте.

— Но кто возьмет это на себя? — спросил он, терзаясь нехорошим предчувствием. — Я не могу. У меня трое детей и жена нездорова.

— Я и не думал обременять вас.

Теренс посмотрел в окно. Теперь, когда патрульные ушли, тихо перешептывающаяся толпа подступила к дому старосты. В основном собрались подростки, слишком юные для работы. Но

пришли также люди с ближних ферм и рабочие из других смен.

Теренс заметил высокую и сильную девушку, стоявшую чуть поодаль от прочих. Приехав в поселок, староста не раз наблюдал за ней. Крепкая, умелая, трудолюбивая. Под маской неудачницы скрывает природную сообразительность. Родись такая мужчиной, ее точно избрали бы для обучения на старосту, но женщина на это рассчитывать не могла. Родители умерли, никаких беспокойных претендентов на руку и сердце не наблюдается. То есть одиночка без особых надежд на будущее.

— А как насчет этой? — спросил он мастера.

Тот, выглянул в окно, зарычал:

— Проклятье! Она должна сейчас работать!

— Спокойней, — отозвался Теренс. — Как ее зовут?

— Валона Марч.

— Да, верно, теперь припоминаю. Позовите ее.

С тех пор Теренс стал неофициальным покровителем этой весьма необычной пары. Он старался выделить им дополнительное питание, талоны на одежду и раздобыть все необходимое двум взрослым людям (одному из них незарегистрированному), чтобы как-то существовать на жалованье одного. Староста помог Рику бесплатно учиться на фабрике и уладил последствия стычки Валоны с одним из мастеров. Смерть городского доктора избавила его от необходимости предпринимать что-то еще, но Теренс тем не менее, оставался начеку.

Поэтому вполне естественно, что Валона пришла к нему поделиться новыми тревогами. А староста, в свою очередь, был вправе ожидать ответа на любые вопросы.

Валона все еще колебалась.

— Рик сказал, что все в этом мире погибнут, — наконец выдохнула она.

Теренс удивился:

— А он не объяснил каким образом?

— Нет, Рик не знает, как это произойдет. Он сказал, это всплыло из прошлого, из тех времен, когда был не таким... ну, в общем, не как сейчас. У Рика была важная работа, это он тоже помнит, но я не могу понять какая.

— Рик как-нибудь ее описывал?

— Да, он говорил, что ана... анализировал Ничто, с большой буквы «Н». — Валона, подождав новых вопросов, поспешно добавила: — «Анализировать» — это разбирать на части... вроде того как...

— Я знаю, девочка, — тихо сказал поглощенный собственными раздумьями Теренс.

Валона взволнованно вскинула глаза:

— Так вы понимаете, что Рик имел в виду, староста?

— Более-менее да, Валона.

— Но как можно делать что-то с Ничем?

Теренс встал и чуть заметно улыбнулся:

— А разве ты не знаешь, что большую часть Галактики составляет как раз Ничто?

Девушка ничего не поняла, но безропотно согласилась: староста ведь очень образованный человек. И тут ее вдруг охватила гордость за то, что Рик еще образованнее.

— Пойдем. — Теренс протянул Валоне руку.

— Куда, староста?

— А где Рик?

— Дома, — ответила девушка. — Спит.

— Вот и хорошо. Я провожу тебя. Ты ведь не хотела бы ночью одна наткнуться на патрульных?

Ночью поселок казался вымершим. Фонари единственной улицы, разделявшей спальный район на две части, едва мерцали. В воздухе ощущались первые признаки того легкого и теплого дождя, что выпадал едва ли не каждую ночь. От него не нужно было прятаться.

Валона еще никогда не выходила так поздно, и теперь ее охватило беспокойство. Она дрожала от звука собственных шагов, боясь вот-вот услышать топот патрульных.

— Да не иди же на цыпочках, Валона, — велел Теренс. — Я с тобой.

В ночной тишине его голос прозвучал так громко, что девушка чуть не подпрыгнула. Зато она сразу прибавила ходу, чего и добивался староста.

В домике Валоны было так же темно, как и во всех остальных, и пришлось идти осторожно. Теренс родился и вырос в точно такой лачуге, и, хотя с тех пор он успел пожить на Сарке, а потом переехать в трехкомнатный дом с водопроводом, здешняя скудость обстановки пробудила в нем щемящее чувство ностальгии. В одной-единственной комнате с гладким цементным полом помещалось все необходимое для жизни — кровать, комод, два стула и шкаф в углу.

В кухне нужды не возникало, так как все работники питались на фабрике; ванная также отсутствовала, поскольку за домиками выстроились душевые. В мягком и ровном климате окна можно было не стеклить, опасаясь непогоды. Легкие навесы или карнизы служили достаточной защитой от легких ночных дождей.

Освещая путь карманным фонариком, прикрытым ладонью, Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен потрепанной ширмой. Эту

ширму он сам раздобыл для Валоны, когда Рик стал меньше походить на ребенка и больше — на взрослого. Из-за ширмы доносилось ровное дыхание спящего.

Теренс кивком указал в ту сторону:

— Разбуди его, Валона.

Она постучала по ширме:

— Рик, Рик! Детка!

За ширмой тихонько вскрикнули.

— Это я, Лона, — успокаивающе проговорила девушка.

Они прошли за ширму, и Теренс осветил фонариком сначала себя и Валону, потом Рика.

Тот заслонил глаза рукой:

— Что такое?

Теренс сел на краешек постели, заметив, что Рик лежит на стандартной койке. Не так давно староста отыскал для него старую, расшатанную кровать, но Валона, очевидно, решила спать на этой рухляди сама.

— Рик, — сказал Теренс. — Валона говорит, ты начинаешь кое-что вспоминать.

— Да, староста. — Рик всегда был почтителен с Теренсом, самым важным из знакомых ему людей. Впрочем, со старостой вежливо обращался даже управляющий фабрикой. Рик без колебаний повторил то немногое, что ему удалось вспомнить за день.

— А после разговора с Валоной ты больше ничего не вспомнил? — осведомился Теренс.

— Нет, староста.

Теренс в задумчивости помассировал пальцы.

— Ладно, Рик. Тогда спи.

Валона вышла из дома вслед за Теренсом. Она изо всех сил старалась скрыть волнение, но губы дрожали, и девушке пришлось смахнуть с ресниц слезы.

— Так он уйдет от меня, староста?

Теренс взял ее за руки.

— Пора тебе повзрослеть, Валона, — сурово заметил он. — Рик должен отправиться со мной кое-куда ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона, сейчас самое главное, чтобы Рик вспомнил как можно больше.

— Значит, все на Флорине погибнут, как он сказал? — вырвалось у Валоны.

Теренс еще крепче стиснул ее руки:

— Не говори об этом никому, Валона. Иначе патрульные заберут Рика навсегда, можешь не сомневаться.

Он повернулся и медленно побрел домой в глубокой задумчивости, не чувствуя, как дрожат от озноба руки. Промаявшись час в бесплодных попытках заснуть, Теренс решил воспользоваться наркополем. Это был один из немногих саркийских приборов, что он привез на Флорину, когда стал старостой. Прибор плотно облегал голову, как шапочка из черного фетра. Теренс настроил его на пять часов и включил контакт.

Староста еще успел поуютнее устроиться в постели, прежде чем поле замкнуло мозговые центры, погрузив его в мгновенный сон без сновидений.

Глава 3
БИБЛИОТЕКАРЬ

Они оставили диамагнетический скутер на стоянке за пределами Города. В Городе скутерами пользовались редко, а Теренс не хотел привле-

кать лишнее внимание. На миг он представил жителей Верхнего Города, разъезжающих в диамагнетических машинах и на антигравитационных гирокораблях. Но то Верхний Город. Он сильно отличается от Нижнего.

Рик ждал, пока Теренс запрет кабинку, приложив к замку пальцы. В новом комбинезоне, который заставил его надеть староста, он чувствовал себя немного неуютно. Без особого желания он побрел за Теренсом под одну из гигантских опор, поддерживающих Верхний Город.

У всех остальных городов на Флорине были имена, но этот называли просто Городом. Работников и крестьян, живших там и по соседству, другие обитатели планеты почитали везунчиками. В Городе располагались самые лучшие больницы с превосходными врачами, там было множество заводов, лавок, торгующих спиртным, и даже кое-какие зачатки роскоши. Однако сами горожане чувствовали себя не слишком счастливыми. Они жили в тени Верхнего Города.

Верхний Город, как и следует из его названия, располагался наверху, ибо Город был двойным, разделенным по горизонтали пятьюдесятью квадратными милями цементосплава, покоящимися на двадцати тысячах стальных опорных столбов. Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, под солнцем, — сквайры. В Верхнем Городе с трудом верилось, что находишься на Флорине. Население его составляли исключительно саркиты и немногочисленные патрульные. Это был высший класс в буквальном смысле слова.

Теренс знал, куда идти. Он шагал быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его одежду старосты со смесью зависти и негодования. Рик старался не отставать, но так как ноги у него были короче, то и походка получалась не-

много дерганой. Он почти не помнил предыдущего визита в Город. И теперь все казалось другим. Тогда небо покрывали тучи. Сегодня сияло солнце, проникая сквозь открытые пространства в цементосплаве и образуя световые колодцы, по сравнению с которыми Нижний Город выглядел еще темнее. Теренс и Рик пересекали солнечные лучи в размеренном, почти гипнотическом ритме.

На солнышке, наслаждаясь теплом, в креслах на колесах сидели старики. В основном они передвигались, следуя за светилом, но порой засыпали и оказывались в тени, пока их случайно не разбудит скрип колес. Кое-где матери с колясками перегораживали большую часть световых колодцев.

— Ну, Рик, держись, — предупредил Теренс. — Мы поднимаемся.

Они подошли к сооружению, занимавшему весь промежуток между четырьмя колоннами до самого Верхнего Города.

— Мне страшно, — сказал Рик.

Он догадывался, что это такое — лифт, поднимающий людей и грузы наверх.

Лифты, разумеется, были необходимы, поскольку всю продукцию производили внизу, а потребляли наверху. Химическое сырье и необработанные продукты доставлялись в Нижний Город, а готовые пластиковые и металлические контейнеры переправляли в Верхний. Большую часть прислуги селили внизу, а наверху оставались только горничные, садовники, шоферы и строители.

Теренс не обратил внимания на слова Рика. Куда больше его занимало собственное учащенное сердцебиение. Нет, это, конечно, не страх, а скорее удовольствие от мысли, что он поднимается наверх. Сейчас он ступит на священный це-

ментосплав, будет шагать по нему, собирая пыль Верхнего Города. Как старосте, Теренсу дозволялось там бывать. Для сквайров он оставался уроженцем Флорины, но, во всяком случае, мог гулять по цементосплаву когда вздумается.

О Галактика, как же он их ненавидел!

Теренс собрался с мыслями, перевел дух и нажал кнопку вызова. Ненависть ни к чему хорошему не приведет. Много лет он провел на Сарке — на том самом Сарке, центральной планете и родине сквайров, и привык не показывать своих чувств. Не следует забывать об этой давней привычке. Особенно сейчас.

Послышалось тихое гудение лифта, опускавшегося на первый уровень, и вскоре вся стена перед ними ушла вниз.

Туземец-лифтер скорчил недовольную гримасу:

— Всего двое...

— Да, двое, — кивнул Теренс и вошел в лифт.

Рик последовал за ним.

Лифтер и не подумал двинуться с места, чтобы нажать кнопку и закрыть дверь.

— Думаю, вам придется подождать двухчасовой смены, — обронил он. — Я вовсе не обязан ездить вверх-вниз ради каких-то ничтожных двух посетителей. — Лифтер аккуратно сплюнул, стараясь попасть на цемент нижнего яруса, а не на пол кабины. — И кстати, где ваши рабочие карточки? — добавил он.

— Я староста, — отрезал Теренс. — Вы что, не видите, как я одет?

— Да какая разница? Слушай, по-твоему, я стану рисковать работой только потому, что ты где-то стянул одежку? Ну, так где твоя карточка?

Теренс без лишних слов предъявил документы, каковые местным жителям полагалось всегда

носить с собой, — регистрационный номер, сертификат на работу, налоговые квитанции. Лифтер взял темно-малиновую лицензию старосты и быстро ее проглядел.

— Ну ладно, если ты ее и стащил, то это уже не моя забота. Я пропущу тебя, хотя, по-моему, староста — это всего-навсего еще одно дурацкое название для тех же туземцев. А как насчет этого? — Он указал на Рика.

— Он со мной, — ответил Теренс. — Так мы будем подниматься или позовем патрульных, чтобы они напомнили тебе закон?

Этого Теренсу как раз хотелось избежать, но он бросил угрозу как можно более надменным тоном.

— Да ладно, не кипятись.

Стена встала на место, и кабина рывком метнулась вверх. Лифтер что-то проворчал себе под нос.

Теренс ухмыльнулся. Вот так всегда! Работники Верхнего Города кичились своим положением и старательно подчеркивали его, с особым тщанием соблюдая все правила и всячески демонстрируя превосходство над своими же сородичами. Остальные флориниане называли гордецов «верхними» и выплескивали на них всю накопившуюся ненависть, поскольку к сквайрам их весьма доходчиво научили испытывать благоговейный ужас.

Они преодолели всего тридцать футов по вертикали, но дверь открылась в совершенно иной мир. Как и во всех городах Сарка, здесь царило ослепительное буйство красок. Стены жилых домов и общественных зданий пестрели сложной многоцветной мозаикой. Вблизи она выглядела бессмысленной путаницей, но издали поражала мягкими сочетаниями красок, меняющих оттенки с изменением угла зрения.

— Пойдем, Рик, — скомандовал Теренс.

Рик во все глаза смотрел по сторонам. Ничего живого, ни единого растения! Сплошной камень разных оттенков. Он и не подозревал, что дома могут быть такими огромными. Что-то зашевелилось в памяти. На секунду мелькнула мысль, что громадные здания — вовсе не диковинка... Однако память снова умолкла.

Мимо промчался экипаж.

— Это сквайры? — прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть на них. Стриженые темные волосы, широкие развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких тонов — от синего до фиолетового, короткие бархатные штаны и высокие чулки, сияющие так, словно их сделали из медной проволоки. Рика с Теренсом не удостоили ни малейшим вниманием.

— Молодые, — проворчал староста. Он не видел их так близко с тех пор, как покинул Сарк. Там с ним тоже никто не церемонился, однако на Сарке сквайры были у себя дома. А вот здесь, в тридцати футах над адской бездной, — не место для рая. Теренс снова сжался, подавляя опасную дрожь ненависти.

Сзади раздалось шипение двухместной машины. Это была новая модель, со встроенным воздушным управлением. В данный момент она зависала в двух дюймах над дорогой. Блестящее гладкое дно со всех сторон загибалось вверх, чтобы снизить сопротивление воздуха. Но трение воздуха о металл издавало характерный звук, извещавший о приближении патрульной машины.

Эти двое были рослыми, как и все патрульные: скуластые лица, прямые и длинные черные волосы, чуть смугловатая кожа. Для местных жителей все патрульные выглядели одинаково. Бле-

стящие черные мундиры с яркими серебристыми пряжками и пуговицами совсем сглаживали отличия, подчеркивая единообразие.

Один из патрульных остался за пультом, другой легко перепрыгнул через низкий борт машины.

— Документы, — потребовал он заученным тоном и, просмотрев бумаги, тут же вернул Теренсу. — Что вы тут делаете?

— Хочу посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

Патрульный повернулся к Рику:

— А ты?

— Я… — начал Рик.

— Он мой помощник, — перебил Теренс.

— Но у него нет привилегий старосты, — возразил патрульный.

— Я поручусь за него.

Наемник пожал плечами:

— Твое дело. У старост есть кое-какие привилегии, но они не сквайры. Не забывай об этом.

— Да, офицер. Кстати, не могли бы вы подсказать мне дорогу к библиотеке?

Патрульный тонким дулом игломета указал направление. Отсюда библиотека казалась ярким пятном киновари; на верхних этажах красный цвет переходил в темно-малиновый. С каждым шагом малиновый цвет опускался все ниже.

— По-моему, это на редкость безобразно, — с неожиданным пылом высказался Рик.

Теренс окинул его удивленным взглядом. На Сарке он привык к многоцветью, но сейчас и ему кричащие краски Верхнего Города показались немного вульгарными. Можно подумать, Верхний Город решил перещеголять все собственно саркийские. На Сарке живут не только аристократы. Есть и люди не намного богаче среднего флоринианина. А тут собрались сливки общества, верхушка обще-

ственной пирамиды. И здание библиотеки было тому особенно ярким свидетельством.

Она была выше почти всех библиотек Сарка, хотя такие размеры явно не соответствовали потребностям Верхнего Города, а это лишний раз говорило о дешевизне местных рабочих рук. Теренс остановился на изогнутом пандусе, ведущем к главному входу. Цвета были подобраны так, чтобы создать иллюзию ступенек, и сбитый с толку Рик едва не споткнулся, зато псевдолестница придавала зданию архаичный вид, традиционно присущий храмам науки.

Главный зал оказался огромным, холодным и почти пустым. Библиотекарша, сидевшая за единственным столом, напоминала маленькую, чуть сморщенную горошину в непомерно разбухшем стручке. Увидев посетителей, она привстала.

— Я староста, — поспешно объяснил Теренс, — обладаю особыми привилегиями. И отвечаю за этого туземца.

Он достал бумаги и приблизился к библиотекарше, вытянув руку.

Женщина выпрямилась, строго взглянула на посетителей и, взяв из одной щели металлический жетон, передала Теренсу. Староста сильно нажал на него большим пальцем правой руки. Библиотекарша забрала жетон и опустила его в другую щель, где тотчас слабо замерцал фиолетовый свет.

— Комната двести сорок два, — проскрипела библиотекарша.

-- Благодарю вас.

Комнатки на втором этаже удивили Рика полным отсутствием разнообразия и сходством со звеньями бесконечной цепи. Кое-где матовые по-

лупрозрачные двери были закрыты, но большинство комнат пустовали.

— Двести сорок два, — отстраненно пробормотал Рик.

— В чем дело, Рик?

— Не знаю. Мне как-то не по себе.

— Ты когда-нибудь бывал в библиотеке?

— Не знаю.

Теренс нажал пальцем на алюминиевый диск, пять минут назад настроенный на отпечаток его пальца. Стеклянная дверь отворилась, и они вошли. Дверь скользнула на место и мгновенно стала матовой, как будто внутри опустили жалюзи.

Комната представляла собой квадрат шесть на шесть футов без окон и каких-либо украшений. Освещал ее рассеянный искусственный свет, а воздух очищала вентиляция. Тут не было ничего, кроме стенда, протянувшегося от стены до стены, и простой скамьи без обивки и спинки, стоявшей между дверью и стендом. На стенде располагались три экрана, чья тускло мерцающая поверхность была установлена с наклоном тридцать градусов. Перед каждым виднелась панель управления.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Теренс, садясь на скамью и опуская мягкие пухлые пальцы на одну из панелей.

Рик сел рядом.

— Книги? — предположил он.

— Да. — Казалось, Теренс чем-то обеспокоен. — Это библиотека, так что твоя догадка не лишена оснований. Ты знаешь, как работать с экраном?

— Нет. Кажется, не знаю, староста.

— Правда? Подумай немного.

Рик сосредоточился.

— Нет, извините, староста, не выходит...

— Тогда я тебе покажу. Смотри! Вот ручка с надписью «каталог», а ниже напечатан алфавит. Для начала нам нужно посмотреть энциклопедию, поэтому мы доходим до буквы «Э» и нажимаем кнопку.

Теренс проделал соответствующие операции. Холодный экран ожил, и на нем черным по желтому возникли надписи. Освещение в комнате приугасло. Перед всеми экранами, точно языки, выдвинулись подставки, и каждую из них освещал узко направленный луч.

Теренс повернул тумблер, и подставки вернулись в углубления.

— Нам не нужно делать записи, — пояснил он. — А теперь мы перейдем к списку на «Э», поворачивая вот эту ручку.

Перед глазами поплыл длинный алфавитный список материалов, заглавий, авторов, каталожных номеров, и наконец возникли плотные колонки многочисленных томов энциклопедии.

— Надо нажать цифры и буквы нужной книги на этих маленьких кнопках, и она появится на экране, — вдруг сказал Рик.

Теренс повернулся к нему:

— Откуда ты знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен. Просто, по-моему, это так.

— Ну хорошо, назовем это разумной догадкой.

Он набрал сочетание букв и цифр. Экран погас, затем вновь осветился. Теперь там было написано: «Энциклопедия Сарка, том 54. Кибернетика — Криология».

— А теперь читай, Рик, — велел Теренс. — Я не хотел бы что-то вбивать тебе в голову, а потому не скажу, что пришло мне на ум. Я хочу,

чтобы ты просмотрел этот том и сказал мне, если заметишь что-нибудь знакомое. Понятно?

— Да, староста.

— Вот и ладно, но не спеши.

Минуты текли и текли. Внезапно Рик вздохнул и вернулся к началу параграфа.

Теренс, прочитав заголовок, как будто повеселел:

— Ну, теперь-то ты вспомнил? Это была не случайная догадка? Ты действительно вспомнил?

Рик энергично кивнул:

— До меня все это дошло. Как-то сразу. — Статья была посвящена космоанализу. — Я понимаю все, о чем тут написано, — пробормотал Рик. — Так, посмотрим, посмотрим...

Он с трудом сдерживал нетерпение, и Теренс тоже начал волноваться.

— Смотрите, — сказал Рик, — они и об этом написали!

Он стал читать вслух с некоторым трудом, но куда более гладко, чем следовало ожидать от человека, чьим единственным учителем была Валона. В статье говорилось:

«Нечего удивляться, что по характеру космоаналитики часто бывают интровертами, плохо приспособленными к общению с окружающими. Нормальному (в полном смысле этого слова) человеку было бы трудно посвятить почти всю сознательную жизнь созерцанию пугающей межзвездной пустоты. По всей видимости, именно из этих соображений Космоаналитическое Бюро сделало своим девизом странноватую фразу «Мы изучаем Ничто».

Рик едва не вскрикнул.

— Так ты понял, что прочитал? — спросил Теренс.

Рик посмотрел на него горящим взглядом:

— Да, там написано «Мы изучаем Ничто». Я это помню. Я был одним из них.

— Космоаналитиком?

— Да! — крикнул Рик и тут же тихо добавил: — У меня болит голова.

— Из-за воспоминаний?

— Наверное. — Он вскинул голову и нахмурился. — Я должен вспомнить больше. Была какая-то опасность. Ужасная опасность! Просто не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик. — Теренс изучающе смотрел на него, взвешивая каждое слово. — Просмотри каталог и найди сведения по космическому анализу. Может, ты и найдешь какую-то подсказку.

Рик снова повернулся к экрану. Он заметно дрожал. Теренс подвинулся, чтобы дать ему побольше места.

— Как насчет «Трактата о космоаналитических приборах» Врейта? — спросил Рик. — Подойдет?

— Выбирай сам.

Рик набрал номер каталога, и экран озарился ярким и ровным светом. А потом появилась надпись: «По поводу интересующей вас книги обратитесь, пожалуйста, к библиотекарю».

Теренс протянул руку и выключил экран.

— Лучше попробовать что-нибудь другое, — вздохнул он.

— Но... — Рик, немного помедлив, подчинился. После недолгих поисков он выбрал «Состав космоса» Эннинга.

На экране опять вспыхнула надпись с просьбой обратиться к библиотекарю.

— Проклятье! — воскликнул Теренс и поспешно отключил экран.

— В чем дело? — удивился Рик.

— Ни в чем. Не произошло ничего особенного, не волнуйся. Я просто не совсем...

На стене над экранами было вмонтировано закрытое решеткой переговорное устройство. И Теренс с Риком застыли, услышав тонкий и сухой голос библиотекарши:

— Комната двести сорок два! Есть ли кто в комнате двести сорок два?

— А что вам угодно? — отозвался Теренс.

— Какую книгу вы заказывали?

— Нам пока больше ничего не нужно, спасибо. Мы просто проверяли механизм.

Наступило молчание, как будто на том конце провода что-то обсуждали. Потом вновь зазвучал еще более скрипучий голос:

— У меня отмечено, что вы заказывали «Трактат о космоаналитических приборах» и «Состав космоса». Это верно?

— Мы нажали случайные номера, — ответил Теренс.

— Могу ли я поинтересоваться, что побудило вас заказать эти книги? — Голос был неумолим.

— Я же объяснил, что нам они не нужны... Прекрати! — Последнее замечание относилось к Рику — он начал тихонько всхлипывать.

После очередной паузы из динамика донеслось:

— Если вы спуститесь в приемную, то получите доступ к обеим книгам. Нужно только заполнить бланк.

Теренс схватил Рика за руку:

— Пойдем!

— Может, мы нарушили правила? — дрожащим голосом пробормотал Рик.

— Ерунда. Так мы идем?

— Разве мы не будем заполнять бланк?

— Нет, получим книги в следующий раз.

Теренс быстро вышел из комнаты, подталкивая Рика. Но как только они спустились в главный зал, их окликнула библиотекарша:

— Эй, подождите! — Женщина встала и обошла стол. — Одну минутку! Минутку!

Ни староста, ни Рик не остановились.

Внезапно перед ними вырос патрульный:

— Похоже, вы чертовски спешите, парни.

Сзади подбежала запыхавшаяся библиотекарша:

— Это ведь вы были в двести сорок второй комнате?

— Могу я узнать, почему нас задержали? — сурово осведомился Теренс.

— А разве вы не заказывали кое-какие книги? Мы можем их вам выдать.

— Уже поздно. В следующий раз. По-моему, я достаточно ясно сказал, что мне сейчас не нужны книги. Я вернусь завтра.

— Наша библиотека удовлетворяет любые запросы в любое время, — настаивала библиотекарша. — Книги будут вам предоставлены всего через несколько секунд.

На поблекших щеках проступил румянец. Женщина торопливо пошла к небольшой двери, и та распахнулась навстречу.

— Патрульный, если вы не возражаете... — начал Теренс.

Но служака достал довольно длинный и тяжелый нейрохлыст. В зависимости от обстоятельств его использовали и как дубинку, и как парализатор.

— Ну что ребята, почему бы вам не присесть, не расслабиться и не подождать даму? Соблюдайте правила вежливости.

Этот наемник не выглядел ни молодым, ни проворным. Скорее всего, он просто дослуживал

срок контракта в тихой и спокойной библиотеке. Однако оружие в руках он держал уверенно, а от напускной любезности на смуглом лице бросало в дрожь.

Теренс обливался холодным потом, так что струйки стекали и по спине. Он понял, что недооценил опасность положения. Слишком он был уверен в своих силах, в том, что сумеет держать все под контролем. Поэтому и потерял бдительность. Да еще это проклятое желание попасть в Верхний Город, будь оно неладно, походить по коридорам библиотеки, как настоящий саркит...

На мгновение старосте показалось, что сейчас он способен совершить самый отчаянный поступок — напасть на патрульного, но до этого дело не дошло.

Сначала Теренс уловил какое-то неясное движение за спиной патрульного. Тот стал поворачиваться, но опоздал. Наемника подвела замедленная реакция — он, как-никак, был немолод. Нейрохлыст вырвали из рук и, прежде чем патрульный успел закричать, приложили к виску. Наемник упал.

Рик издал радостный вопль, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми чертями Сарка, Валона!

Глава 4
БУНТОВЩИК

Теренс почти сразу опомнился и с криком «Быстро!» скользнул к двери.

На какой-то миг у него мелькнула мысль затащить обеспамятевшего патрульного в тень под

колоннами, что окаймляли главный зал, но времени на это явно не осталось.

Они выскочили на улицу, ярко освещенную полуденным солнцем. Буйные краски Верхнего Города приобрели рыжеватый оттенок.

Валона испуганно потянула спутников вперед, но Теренс ухватил ее за локоть. Он улыбался, но говорил свистящим шепотом:

— Не беги. Иди обычным шагом, следуя за мной. И придерживай Рика, чтобы не спешил.

Спутники двинулись вперед, но Теренс чувствовал себя так, точно сто лет продирается сквозь какую-то вязкую жидкость. Действительно ли из библиотеки за спиной слышен шум или только мерещится со страху? Теренс не смел повернуть голову.

— Сюда, — шепнул он. Указанный им знак над дорогой ослепительно сиял в небесах, словно пытался соперничать с полуденным светом флоринианского солнца. На нем переливалась надпись «Вход в амбулаторию».

Вверх по дорожке, потом — через боковой вход, по коридорам с кипенно-белыми стенами. За стеклопластиком асептических панелей поблескивали какие-то чужеземные приспособления.

Спутников заметила женщина в форме медсестры, нахмурилась и, немного подумав, пошла навстречу. Теренс не стал дожидаться, пока она подойдет, и резко свернул в один из боковых коридоров, затем в другой. Они шагали мимо других людей в форме, и всех, как заметил Теренс, явно удивляло присутствие посторонних. Обычно местные жители не слонялись по служебным коридорам верхних этажей больницы. Что же делать? Рано или поздно их неминуемо остановят!

Староста вдруг с замиранием сердца увидел скромную, едва заметную дверь с табличкой «На

нижние уровни». Дверь лифта! Он втянул за собой Рика и Валону. Легкое покачивание спускающейся вниз кабины показалось Теренсу самым приятным за этот день ощущением.

В Городе было три типа зданий. Большинство составляли постройки Нижнего Города, в основном — дома для работников не более трех этажей, фабрики и заводы по переработке отходов. Резко отличались от них внушительные сооружения Верхнего города — жилища саркитов, театры, библиотека, спортивные арены. Третий же тип зданий располагался на обоих уровнях — так, что войти в них можно было и снизу и сверху. К этой категории относились, например, станции патрульных или больницы.

Таким образом, из Верхнего Города в Нижний можно было спуститься на лифте амбулатории, минуя большие грузовые подъемники, медленно влекомые ленивыми операторами. Конечно, местным жителям это запрещалось, но в данном случае иного выхода просто не было — беглецы уже и так совершили не одно преступление.

На нижнем уровне они увидели столь же унылые стены больницы, хотя, по всей видимости, тут их мыли не так часто и тщательно. Кроме того, не было и удобных мягких сидений вдоль стен. В большой приемной толпились усталые мужчины и напуганные женщины. Единственная медсестра пыталась навести среди них хоть какой-то порядок, но без особого успеха.

Сейчас она налетела на пожилого, плохо выбритого мужчину, а тот теребил повязку на колене, отвечая на все вопросы монотонным извиняющимся голосом.

— Так на что же вы жалуетесь?.. Давно у вас эти боли?.. Обращались ли вы в больницу раньше

ше?.. Идет сюда кто попало со всякой ерундой! Сядьте спокойно и подождите. Сейчас выйдет доктор и выпишет лекарство.

После этого медсестра пронзительно крикнула «Следующий!» и, взглянув на настенные часы, что-то злобно пробормотала.

Теренс, Валона и Рик двигались сквозь толпу. Валона в привычном окружении флориниан явно взбодрилась и громко зашептала на ухо Теренсу, объясняя, почему оказалась в Городе:

— Я не могла не пойти за вами, староста. Я так боялась за Рика! Ну и, подумав, что вдруг вы его обратно не привезете...

— Как тебе удалось пробраться в Верхний Город? — бросил Теренс через плечо, нещадно расталкивая локтями соплеменников.

— Я увидела, как вы вошли в грузовой лифт, и, когда он опять спустился, сказала, что должна быть с вами... Мне разрешили подняться.

— Прямо так и разрешили?

— Ну, пришлось встряхнуть его пару раз...

— Тысяча чертей Сарка!.. — прорычал Теренс.

— Так уж вышло, — с несчастным видом вздохнула Валона. — Потом я увидела, как патрульный указал вам на большой дом, подождала, пока они уедут, и двинула следом. Но потом не посмела войти. Я не знала, что делать, и пряталась у входа, пока не увидела, как вас останавливает патрульный...

— Эй, вы там! — послышался резкий, нетерпеливый голос медсестры. Она приподнялась и постучала металлическим стилем по столу из цементосплава. Звук мгновенно перекрыл гул голосов, заставив всех собравшихся умолкнуть. — Да, вы! Куда собрались? Подойдите сюда! Вы не должны уходить, пока вас не обследуют. Дума-

ли, прикинетесь больными и вас освободят от работы? Немедленно вернитесь!

Но трое беглецов уже скользнули в полумрак Нижнего Города. Они оказались в гуще запахов и звуков того, что саркиты презрительно именовали Туземным Кварталом, хотя Верхний Город стоял на уровне крыш здешних домов. Валона и Рик все же испытывали огромное облегчение вне назойливого великолепия саркитских каменных громадин. Но Теренс по-прежнему беспокоился. Они позволили себе нарушить слишком много запретов, и опасность грозила отовсюду.

Эта мысль все еще вертелась в сознании, когда Рик воскликнул: «Смотрите!»

У старосты перехватило дыхание.

Пожалуй, это было самое страшное зрелище, какое доводилось видеть обитателям Нижнего Города. В один из воздушных колодцев опускалось нечто вроде гигантской птицы. Она совсем заслонила солнце, и царивший вокруг полумрак мгновенно сгустился. Но это была не птица, а один из бронированных экипажей патрульных.

Местные жители с криками бросились врассыпную. Возможно, у них не было особых причин пугаться, но побежали все. Только один человек, оказавшийся на пути экипажа, неторопливо отодвинулся в сторону. Незнакомец целеустремленно шел куда-то, когда его накрыла тень. Лицо его казалось оазисом спокойствия среди бури в пустыне. Человек этот не отличался высоким ростом, но ширина его плеч казалась почти гротескной. Один из рукавов его рубашки был разрезан чуть ли не до шва, обнажая руку толщиной с бедро обычного человека.

Теренс пребывал в замешательстве, а Рик и Валона ждали распоряжений от него. Тревога старосты перешла в нервное возбуждение. Если

удирать, то куда? А если остаться тут, как себя вести? Существовала и вероятность, что патрульные охотятся за кем-то другим, но, поскольку именно они полчаса назад напали на одного из наемников, вероятность эта с каждой секундой представлялась все более мизерной.

Широкоплечий незнакомец двигался к ним уверенным шагом. Поравнявшись с Теренсом, он на миг замер, словно решая, как поступить, а потом непререкаемым тоном бросил:

— Пекарня Хорова, второе здание направо, за прачечной.

В ту же секунду он повернулся и пошел прочь.

— Скорее, — зашипел Теренс.

Он побежал, обливаясь потом. Сквозь гам напуганных местных жителей доносились хриплые команды патрульных. Староста рискнул поглядеть через плечо: наемники, выпрыгивая из экипажа, рассыпались веером по всей округе. В том, что они без труда отыщут беглецов, Теренс нисколько не сомневался. В одеждах старосты он бросался в глаза не меньше, чем опоры, поддерживающие Верхний Город.

Двое патрульных бежали в их сторону. Теренс не знал, заметили его или нет, но это уже не имело значения. Патрульные столкнулись с широкоплечим незнакомцем, предлагавшим укрытие. Они оказались достаточно близко, чтобы староста услышал низкий рев мужчины и проклятия, изрыгаемые патрульными. Он живо схватил Валону с Риком и потянул за угол.

Пекарню Хорова он опознал по обшарпанной вывеске с буквами из едва мерцающего, тусклого пластика; кроме того, из открытой двери тянуло характерным запахом свежего хлеба. Беглецам не оставалось ничего другого, как войти.

Из внутреннего помещения, где светились радарные печи, выглянул старик. Не успел он поинтересоваться, что им здесь надо, как Теренс сам заговорил:

— Широкоплечий... — Он развел руками, показывая необычные габариты незнакомца, и одновременно с улицы донеслись крики: «Патрульные! Патрульные!»

Старик хрипло каркнул:

— Сюда! Живо!

— Сюда? — удивленно отпрянул Теренс.

— Это просто подделка.

Сначала Рик, потом Валона, а за ними и староста заползли в печь. Дальняя ее стена тут же с легким щелчком поднялась вверх. Беглецы, нырнув в проем, оказались в полутемной комнатушке.

Они ждали. Вентиляция здесь была скверной, а манящий запах выпечки стократно усиливал голод. Валона с улыбкой смотрела на Рика, время от времени похлопывая его по руке. Тот смотрел на нее отсутствующим взглядом. Только один раз смахнул пот с покрасневшего лица.

— Староста... — начала было Валона, но Теренс тотчас оборвал ее сердитым шепотом:

— Не сейчас, Лона. Пожалуйста!

Он провел тыльной стороной кисти по лбу, затем уставился на мокрые пальцы. Этак они совсем задохнутся!

Послышался щелчок потайной дверцы. В тесном помещении он прозвучал просто оглушительно. Теренс, не зная, что за этим последует, инстинктивно сжал кулаки.

В узкий лаз с трудом втискивал свой неимоверный торс широкоплечий незнакомец. Поглядев на Теренса, он усмехнулся:

— Пойдем. Драться мы не будем.

Теренс, успевший оценить его кулаки, слегка расслабился.

Широкоплечий явно пребывал не в столь блестящей форме, как при первой встрече с беглецами. Рубашка висела клочьями, а на щеке виднелся свежий рубец, багровеющий на глазах. Пристальный взгляд из-под тяжелых век окинул троих спутников.

— Они прекратили поиски, — сказал незнакомец. — Если вы проголодались, у нас тут найдется еда. Не бог весть что, но сойдет. Итак?

На Город опустилась ночь. Огни Верхнего Города освещали небо на многие мили окрест, но тьма Нижнего Города казалась жирной и липкой. Входную дверь и окна пекарни затянули плотными шторами, чтобы снаружи никто не заметил света лампы — зажигать их с наступлением комендантского часа не дозволялось.

После горячего ужина Рик почувствовал себя намного лучше. Головная боль отступила. Заботливо поглядев на щеку широкоплечего благодетеля, он робко спросил:

— Вам больно?

— Немного, — ответил тот. — Но это пустяки. В таком деле, как мое, это случается каждый день, — рассмеялся он, сверкнув устрашающих размеров зубами. — Им пришлось признать, что я ничего не натворил, только оказался на пути, когда кого-то ловили. А лучший способ убрать с дороги туземца... — Могучая рука поднялась и опустилась, как будто сжимая невидимую дубинку.

Рик, заморгав, отвел взгляд, а Валона нежно дотронулась до его плеча.

Широкоплечий выпрямился и цыкнул зубами, вычищая остатки ужина.

— Я — Мэтт Хоров, но обычно меня зовут просто Пекарь. А вы, ребята, кто такие?

— Ну... — протянул Теренс.

— Ясно, — отмахнулся Пекарь. — Чем меньше я знаю, тем спокойнее для всех. Может, и так, но кое в чем я все-таки заслуживаю доверия. Я ведь спас вас от патрульных, правда?

— Да. Спасибо. — Теренс никак не мог придать голосу оттенок признательности, а потому поспешно добавил: — Как вы узнали, что гонятся именно за нами? Вокруг бегало довольно много людей.

Широкоплечий Пекарь улыбнулся:

— Но ни у кого из них не было таких лиц, как у вас. Точь-в-точь из мела.

Теренс попробовал улыбнуться в ответ, но результат явно оставлял желать лучшего.

— Не представляю, почему вы рисковали ради нас жизнью. Тем не менее благодарю вас. Само собой, одной благодарности здесь мало, но в данный момент у меня больше ничего нет.

— И не нужно. — Пекарь прислонился к стене. — Я частенько так поступаю. Вы ли, другие — не важно. Если патрульные за кем-то гонятся, я стараюсь помочь преследуемому. Ненавижу патрульных.

Валона глубоко вздохнула:

— А вам за это не попадает?

— Конечно. — Он указал на пораненную щеку. — Но меня такой мелочью не остановишь. Я специально поставил поддельную печь, чтобы патрульные не поймали меня в случае беды и не применили более суровые меры.

Глаза Валоны широко распахнулись от испуга и восхищения.

А Пекарь продолжал:

— Знаете, сколько на Флорине сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? От силы тысяч двадцать. А нас, местных жителей, — пятьсот миллионов. Если бы мы все объединились против них... — Он выразительно щелкнул пальцами.

— И мы бы с голыми руками пошли против иглометов и лазерных пушек, — фыркнул Теренс.

— Ну да, — согласился Пекарь. — Думаю, нам пришлось бы раздобыть кое-какое оружие, вот и все. Но вы, старосты, живете слишком близко к саркитам и привыкли их бояться.

Валона испытала очередное потрясение. Разрушилась вся ее система ценностей. Сначала этот человек дрался с патрульными, а сейчас спорит со старостой и даже насмехается над ним. Когда Рик потянул за ее рукав, девушка мягко отвела его руку и посоветовала лечь спать. Валона только рассеянно взглянула на него — уж очень хотелось послушать этого удивительного Пекаря.

— Сквайры рассчитывают не только на иглометы и лазерные пушки, — говорил меж тем Хоров. — Они вынуждены опираться на сотни тысяч старост. Только с их помощью сквайрам удается держать в кулаке Флорину.

Теренса эти слова явно обидели, но Пекарь и не подумал отступать.

— Возьмем, к примеру, вас, — продолжал он. — Довольно красивая одежда. Аккуратная и удобная. Помимо того, бьюсь об заклад, дома у вас припрятаны полка с фильмокнигами и личный скутер. Комендантский час на вас не распространяется. Вам даже позволено гулять по Верхнему Городу. Сквайры без веских причин вас не остановят и не накажут.

Однако Теренс тоже не собирался сдавать позиции и стоял на своем:

— Ну ладно. И чего же вы хотите от старост? Чтобы они стали драться с патрульными? К чему хорошему это приведет? Да, я слежу за порядком в своем поселке, забочусь о том, чтобы выполнялся план, но таким образом я оберегаю людей. Я всегда помогаю им по мере возможностей, насколько позволяет закон. Разве это ничего не стоит? Когда-нибудь...

— «Когда-нибудь»! А почему нам надо ждать каких-то лучших времен? Если мы с вами умрем, какая разница, кто будет править Флориной? Для нас, естественно.

— Представьте себе, — выпалил Теренс, — я ненавижу сквайров, может быть, куда больше вашего. И все-таки... — Он покраснел и умолк.

Пекарь рассмеялся:

— Валяйте, повторите еще раз. Я не съем вас за то, что вы не любите сквайров. Но каких же бед вы наделали, чтобы за вами гонялись патрульные?

Теренс молчал.

— Тогда я сам попробую догадаться, — хмыкнул Пекарь. — Когда патрульные набросились на меня, они были жутко обозлены. Причем искренне, а не в угоду сквайрам. Я хорошо их знаю и могу утверждать это наверняка. Следовательно, по-моему, произойти могло только одно: вы стукнули патрульного, сшибли с ног, а то и убили.

Теренс упорно молчал. Но это не испортило Пекарю хорошего настроения.

— Иногда помолчать полезно, но не стоит впадать в крайности, староста. Вам же понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают, — поспешно возразил Теренс.

— Патрульные наверняка видели вашу карточку в Верхнем Городе.

— Кто сказал вам, что я был в Верхнем Городе?

— Догадался и держу пари, что прав.

— На мою карточку смотрели не так долго, чтобы запомнить имя.

— Вполне достаточно, чтобы понять: вы староста. Оставалось только проверить, кого из старост сейчас нет в поселках. Телефонные провода давно жужжат по всей Флорине. Думаю, вы вляпались.

— Возможно.

— Не возможно, а точно. Хотите, я вам помогу?

Разговаривали вполголоса — Рик свернулся калачиком в углу и заснул. Валона слушала, глядя то на старосту, то на его собеседника.

Теренс покачал головой:

— Нет, спасибо. Я... я как-нибудь справлюсь сам.

Пекарь снова рассмеялся:

— Любопытно было бы посмотреть, каким образом. Не смотрите на меня сверху вниз только потому, что я не получил образования. Я многое умею. Вы можете поразмыслить об этом ночью. Вдруг да понадобится моя помощь?

Валона вглядывалась в темноту широко открытыми глазами. Постель представляла собой всего одно брошенное на пол шерстяное одеяло, но девушке было удобно, как на привычной жесткой койке. Рик спал на таком же одеяле в другом углу. После приступов головной боли он всегда засыпал как убитый.

Староста отказался от постели, и Пекарь в очередной раз засмеялся (похоже, он веселился

по любому поводу), потом выключил свет и сказал, что посидеть можно и в темноте.

Валона не могла сомкнуть глаз. Неужели она когда-нибудь еще раз заснет, после того как ударила патрульного?

Незаметно мысли девушки обратились к отцу с матерью. Лона помнила их очень смутно, успев позабыть за те годы, что жила одна. Но сейчас вдруг вспомнилось, как родители сидели по ночам и шептались, думая, что дочь спит. А порой к ним в темноте приходили какие-то люди.

Однажды ночью Валону разбудили патрульные и стали задавать вопросы, которых она не понимала, но все-таки пыталась отвечать. С тех пор она никогда не видела ни отца, ни мать. Девочке сказали, что они ушли, а на следующий день заставили работать, хотя все ее сверстники могли свободно гулять еще два года. Взрослые провожали Валону настороженными взглядами; а поиграть с другими детьми не разрешали даже после смены. Валона научилась жить сама по себе и почти не разговаривать с другими. Поэтому ее прозвали Большой Лоной, смеялись над ней и считали дурочкой.

Но почему сегодняшний разговор напомнил ей о родителях?

— Валона...

Голос прозвучал так близко, что дыхание говорившего коснулось ее волос, и настолько тихо, что девушка едва уловила шепот. От страха и неожиданности Лона съежилась под накинутой голое тело простыней, пока не поняла, что с ней говорит староста.

— Молчи и слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты меня слышишь? И все поняла?

Девушка протянула руку и коснулась запястья старосты, слегка сжав пальцы. Старосту, по всей видимости, вполне удовлетворил такой ответ.

— И следи за Риком. Не упускай его из виду. А еще... — Староста довольно долго молчал. — Не слишком доверяй этому Пекарю. Я о нем ничего не знаю. Понятно?

Лона услышала тихий шорох, потом еще более тихий и отдаленный скрип — видимо, староста открывал дверь. Валона приподнялась, опираясь на локоть, и замерла, внимательно слушая. Ничего — только дыхание Рика да ее собственное.

Девушка опять легла на одеяло, крепко закрыла глаза и стала обдумывать случившееся. Почему староста, знающий все на свете, сказал так о Пекаре, хотя тот ненавидит патрульных, а им, беглецам, спас жизнь? Почему?

Объяснение могло быть только одно. Пекарь стоял там заранее. В той суматохе, что царила вокруг, он действовал слишком быстро и уверенно. Похоже, им и впрямь подстроили ловушку, а Пекарь дожидался удобного момента, чтобы отвести преступников к себе.

Валона встряхнула головой. Нет, все это казалось очень странным. Но не предупреди Лону староста, ей бы и в голову не пришло усомниться в добрых намерениях Пекаря.

Молчание нарушил громкий и беззаботный оклик:

— Вот как? Все еще здесь?

Луч света выхватил из темноты лежащую под простыней девушку, и она на мгновение застыла, но вскоре расслабилась и натянула простыню до самой шеи. Луч переместился. Валона тут же узнала голос. Впрочем, мощное сложение фигуры, возникшей в отраженном от стен свете фонарика, не оставляло сомнений на сей счет.

— А мне-то показалось, что ты ушла вместе с ним, — заметил Пекарь.

— С кем, господин? — сонно пробормотала Валона.

— Со старостой. Ты сама прекрасно знаешь, что он ушел, девочка. Не надо притворяться.

— Староста обязательно вернется, господин.

— Так он обещал вернуться? В таком случае староста здорово ошибся. Патрульные наверняка его уже сцапали. Не очень-то он умен, этот твой староста, иначе догадался бы, что дверь открыта специально. А ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду старосту, — ответила Валона.

— Как хочешь. Только ждать придется очень долго. Но ты можешь уйти, когда вздумается.

Луч фонарика на долю секунды исчез, а потом скользнул по полу, осветив бледное, тонкое лицо Рика. От света веки его затрепетали, но глаза не открылись — Рик продолжал спать.

— Однако я не позволю тебе забрать с собой и его, — задумчиво сказал Пекарь. — Надеюсь, ты это понимаешь. Если захочешь уйти, для тебя дверь открыта, а для него — нет.

— Рик — всего лишь бедный, больной парень... — начала было Валона звенящим от страха голосом.

— Да? В таком случае я собираю бедных, больных парней, и этот останется здесь. Помни об этом!

Луч света замер на лице спящего Рика.

Глава 5
УЧЕНЫЙ

Доктор Селим Джунц кипел от нетерпения целый год, но это чувство время не охлаждает. Скорее наоборот. Тем не менее прошедший год

научил его, что Саркийскую Гражданскую Службу торопить нельзя, тем более что ее служащие по большей части были переселенными флоринианами, а потому бесконечно пеклись о своем достоинстве.

Однажды он спросил старика Эйбла, трангорианского посла, который прожил на Сарке так долго, что подметки его башмаков едва не пустили здесь корни: почему саркиты берут в государственные учреждения тех, кого бесконечно презирают?

Эйбл прищурил глаза над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц, — ответил он. — Политика. Вопрос прикладной генетической программы, осуществляемой с саркитской логикой. Сами по себе саркиты — незначительный народ и обрели вес лишь за счет контроля над неисчерпаемой золотой жилой — Флориной. Поэтому каждый год они снимают сливки с флорининских полей и поселков и привозят цвет флорининской молодежи на Сарк учиться. Посредственных выпускников сажают заполнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему умных отсылают обратно на Флорину, в города и поселки, как местных государственных служащих. Их называют старостами.

Доктор Джунц был прежде всего космоаналитиком, а потому не уловил сути объяснений и откровенно в этом признался.

Эйбл наставил на Джунца указующий перст, и зеленоватый свет из кубка отразился на пожелтевшем ногте, подчеркнув морщинки стариковской кожи.

— Из вас никогда не выйдет администратора. Рекомендаций вы от меня не получите, так и знайте. Дело в том, что благодаря такой программе са-

мые умные флоринiане всей душой преданы сар-китам, ибо, пока работают на благо Сарка, о них заботятся, а если выступят против хозяев, то в лучшем случае вернутся к обычному флорининанскому существованию. А это отнюдь не заманчивая перспектива, друг мой. — Посол залпом проглотил вино. — Более того, ни старостам, ни саркитским служащим не позволено вступать в брак, иначе они теряют свое положение. Даже внебрачные отношения с флорининанскими женщинами — отступничество. О саркийских женщинах вообще речи быть не может. Таким образом изымаются из обращения лучшие гены Флорины и ее жители постепенно низводятся до уровня лесорубов и водоносов.

— Но ведь этак саркиты когда-нибудь останутся и без государственных служащих?

— Этот вопрос возникнет потом.

Сейчас доктор Джунц сидел в одной из внешних приемных отдела по флорининанским делам и нетерпеливо ожидал, пока его вызовут, а тем временем мелкие флорининанские чиновники сновали по этому бюрократическому лабиринту.

Наконец перед космоаналитиком, упиваясь сознанием своего величия, вырос пожилой флорининанин:

— Доктор Джунц?

— Да.

— Идите за мной.

Вызывать посетителей можно было бы и поставив в приемной цифровое табло, а указать дорогу — используя флуоресцентные знаки, но там, где рабочая сила стоит дешево, никто не старается внедрять технические достижения. Кстати, Джунц на Сарке еще ни разу не видел женщин-служащих. Флорининанские женщины

оставались на своей планете, за исключением нескольких горничных, каковым также запрещалось вступать в брак.

Доктору указали на сиденье перед столом заместителя младшего секретаря. Статус чиновника указывала мерцающая надпись над столом. Ни один флоринианин, естественно, не мог рассчитывать на более высокую должность, чем клерк-заместитель, независимо от того, насколько важные дела проходят через его руки. Младший и старший секретари по флорининским делам были конечно же саркитами, но, хотя Джунц встречался с ними в обществе на званых обедах, в учреждении не увидел бы никогда.

Джунц сел, все еще изнывая от нетерпения, но вместе с тем радуясь, что так близко подошел к цели. Чиновник усердно разглядывал дело, перелистывая каждый пронумерованный листок с таким видом, как будто там содержались ответы на все тайны мироздания. Он был молод (видимо, только что окончил курсы) и, как все флориниане, бледнокож и светловолос.

Джунца охватила пришедшая от далеких предков, атавистическая дрожь. Сам он был родом с планеты Либэйр и, как все либэйриане, отличался густо-шоколадным цветом кожи. Во всей Галактике нашлось бы очень мало миров, где бы пигментация кожи обитателей планеты достигала таких крайностей. Обычно оттенки бывали смешанными.

Несколько молодых и радикально настроенных антропологов выдвинули гипотезу, будто люди, подобные, например, либэйрианам, появились в процессе параллельной эволюции. Ученые постарше отрицали подобные взгляды, согласно которым в процессе эволюции два вида могли сблизиться настолько, чтобы давать общее потом-

ство. По их мнению, еще на древней планете, прародине человечества, где бы она ни была, люди делились на группы, отличающиеся друг от друга пигментацией кожи.

Тем самым они не решали проблему, а просто отодвигали во времени, и Джунца не удовлетворяло ни то ни другое объяснение. Но все-таки иногда он задумывался над этим вопросом. На темных мирах ходили слухи о какой-то давней войне. Так, согласно одной либэйрианской легенде, люди разных цветов кожи воевали между собой, а сами либэйриане — потомки темнокожих, потерпевших поражение и скрывшихся на Либэйре.

Когда Джунц покинул родную планету и отправился на учебу в Арктурианский институт космических технологий, он выкинул из головы детские сказки. С тех пор вопрос пигментации серьезно обеспокоил его только один раз. Как-то он оказался по делам на одной из планет Центаврианского сектора. История этой планеты насчитывала многие тысячелетия, и местное население говорило на столь древнем языке, что он вполне мог быть диалектом мифического английского. Так вот, в том языке было слово, означавшее «чернокожий».

Но зачем это кому-то понадобилось? Ведь никто не обособляет таким образом, скажем, людей с голубыми глазами или кудрявых! Нет никаких причин...

Педантичный голос чиновника отвлек Джунца от раздумий:

— Согласно нашим записям, вы уже бывали в этом учреждении.

— Да, был, — довольно резко ответил доктор Джунц.

— Но не в последнее время.

— Именно так.

— Однако вы по-прежнему ищете космоаналитика, исчезнувшего, — чиновник пролистал несколько страниц, — одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад?

— Да, ищу.

— За все это время, — изрек служащий так сухо, точно старательно выцедил из голоса всякую эмоциональную окраску, — не поступало никаких сведений об этом человеке или фактов, доказывающих, что он может пребывать в той или иной части саркийской территории.

— Из последнего официального доклада следует, что он находился в космосе возле Сарка, — заметил ученый.

Чиновник поднял голову, голубые глаза окинули доктора Джунца внимательным взглядом, и флоринианин вновь зарылся в документы.

— Возможно, но это не является доказательством его пребывания на Сарке в настоящий момент.

«Не является доказательством!» Джунц стиснул зубы. То же самое все настойчивее твердило и Межзвездное Космоаналитическое Бюро на протяжении одиннадцати месяцев.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Думается, что ваше время следовало бы использовать более плодотворно, доктор Джунц. Бюро проследит за тем, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

И что они хотели сказать на самом деле? «Довольно бросать на ветер наши деньги, Джунц!»

Все это началось, как верно отметил педантичный служащий, одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад по межзвездному стандартному времени (кстати, для клерка было бы вполне естественно использовать местное время). За два дня до этого он высадился на Сарке с обычной

инспекцией местных отделов Бюро, каковая обернулась... тем, что Джунц делает сейчас.

Джунца встретил местный представитель МКБ — тощий юнец, запомнившийся главным образом тем, что непрерывно жевал какой-то эластичный продукт саркийской химической промышленности.

Инспекция уже почти завершилась, когда местный представитель, что-то вспомнив, засунул свою жвачку поглубже за щеку и небрежно обронил:

— Да, еще послание от одного из полевых сотрудников, доктор Джунц. Думаю, не очень важное. Вы ведь *их* знаете.

Услышав это пренебрежительное «*их*», Джунц бросил на парня негодующий взгляд. Он чуть не сказал, что пятнадцать лет назад сам был таким «полевым сотрудником», но, вспомнив, как с трудом вытерпел три месяца, предпочел промолчать. Зато именно гнев побудил его прочитать сообщение с надлежащей серьезностью.

Оно было кратким: «Пожалуйста, держите открытой кодовую линию связи с центральной штаб-квартирой МКБ вследствие возможной передачи чрезвычайно важного сообщения. Дело касается всей Галактики. Приземляюсь по кратчайшей траектории».

Представитель Бюро ухмыльнулся, и его челюсти вновь принялись ритмично жевать.

— Подумать только, «дело касается всей Галактики», — фыркнул он. — Это слишком даже для полевого работника. Я попробовал связаться с ним и выяснить, что это значит, но вразумительного ответа не добился. Он твердил, что какая-то страшная опасность грозит всем жителям Флорины.

Полмиллиарда жизней и все такое. Похоже на бред психопата. Честно говоря, я не хотел бы разбираться с ним один, когда он приземлится. А что вы скажете, доктор?

— У вас есть запись разговора?

— Да, сэр.

Поискав несколько минут, юнец обнаружил микрофильм. Джунц вставил его в читающее устройство и нахмурился:

— Это ведь копия?

— Оригинал я послал в Бюро Космических Перевозок, здесь, на Сарке. Мне показалось, что лучше бы его встретили на космодроме с машиной «Скорой помощи». Похоже, он не в самой блестящей форме.

Джунц склонен был согласиться, что так и есть. Когда космоаналитики-полевики выходили в отставку, психическое состояние ни одного из них нельзя было назвать нормальным. Джунц задумался.

— Погодите, — встрепенулся он. — По идее, ему следовало бы уже приземлиться, так?

Местный представитель явно удивился:

— Думаю, да, хотя мне никто не сообщал о его прибытии.

— Ладно, свяжитесь с БКП и уточните подробности. Психопат он или нет, но все сведения должны быть отмечены в наших записях.

На следующий день, перед тем как покинуть планету, Джунц на минутку заглянул в местное Бюро. У доктора были другие дела на других планетах, и он спешил. Уже в дверях он спросил, обернувшись через плечо:

— Как там наш полевой сотрудник?

— Ах да, я как раз хотел вам сказать, — отозвался местный представитель. — БКП ничего о нем не знает. Я потребовал проверить спектр

его гиператомных двигателей, но меня уверили, что этого корабля нет в ближнем космосе. Видно, полевик раздумал садиться.

Доктор Джунц решил отложить вылет еще на сутки. Утром он побывал в Бюро Космических Перевозок в Сарке, саркийской столице. Там ученый впервые столкнулся с флорининанскими бюрократами, и эта система возмутила до глубины души. Да, они получили сообщение о скорой посадке аналитика из МКБ. Но корабль, правда, так и не приземлился.

Но это важно, настаивал Джунц. Человек, по всей видимости, болен. Разве Бюро не получило запись его разговоров с местным представителем МКБ? Чиновники широко распахнули глаза. Запись? Никто ничего о ней не знает. Они извиняются, им очень жаль, что человек болен, но корабль МКБ не приземлялся и его нет в окружающем пространстве.

Джунц вернулся в гостиницу и попробовал привести мысли в порядок. Минул очередной срок вылета. Ученый попросил администрацию гостиницы предоставить ему другой номер, более удобный для длительного пребывания, а затем договорился о встрече с Лудиганом Эйблом, послом Трантора.

Следующий день Джунц провел за книгами по истории Сарка, и, когда настало время идти к Эйблу, в сердце его клокотало еле сдерживаемое бешенство. Нет, им это даром не пройдет!

Старый посол принял его как гостя, долго жал руку, вызвал механического бармена и не позволял говорить о делах, пока они не выпили по две рюмки. Джунц, пользуясь случаем собрать нужные сведения, спросил о Флоринианской Гражданской Службе и выслушал лекцию о прикладной генетике на Сарке. От этого его гнев только возрос.

Джунц часто вспоминал Эйбла таким, как увидел его в тот день; глубоко посаженные полузакрытые глаза под нависшими седыми бровями, острый нос, время от времени погружающийся в кубок с вином, впалые щеки, удивительная худоба и узловатый палец, медленно покачивающийся в такт какой-то неслышной музыке. Потом Джунц начал рассказывать, экономно излагая сухие факты. Эйбл слушал внимательно, ни разу не перебив.

Когда Джунц умолк, посол тихонько постучал пальцем по губам.

— Послушайте, доктор, а вы знаете этого исчезнувшего человека? — спросил он.

— Нет.

— И никогда с ним не встречались?

— С нашими полевыми работниками трудно встретиться.

— А бывали у него до этого какие-нибудь мании?

— Это первое сообщение такого рода, согласно отчетам в центральном штабе Межзвездного Бюро, если тут вообще уместно слово «мания».

— Если? — переспросил посол. — А зачем вы пришли ко мне?

— Чтобы вы помогли.

— Ну, это очевидно. Только в чем именно? Что я могу сделать?

— Давайте я объясню. Саркийское Бюро Космических Перевозок проверило практически все ближнее пространство, но не отыскало никаких следов энергетического спектра наших двигателей. Насчет этого они бы не стали нам лгать. То есть я вовсе не хочу сказать, что саркиты никогда не лгут, но точно не делают этого просто так, без причины. Кроме того, они знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. И что же?

— Только в двух случаях энергетический спектр нельзя обнаружить. Первый — когда корабля нет в ближнем пространстве, поскольку он вошел в гиперпространство и находится в другой области Галактики, второй — когда его нет в пространстве, так как он приземлился на планету. Я и мысли не допускаю, что наш сотрудник совершил гиперпереход. Если все его утверждения об опасности, нависшей над Флориной, и о ее всегалактической важности — просто бред душевнобольного, ничто не помешало бы ему опуститься на Сарк и доложить об угрозе. Он не мог просто так передумать и улететь. У меня пятнадцатилетний опыт в таких делах. Если же, допустим, полевик сделал такое заявление в здравом уме, он тем более не мог передумать и уйти из ближнего пространства.

Старый транторианец воздел перст и покачал им в воздухе.

— Значит, вы делаете вывод, что он где-то на Сарке?

— Вот именно. И опять же тут два варианта. Первый: если полевик во власти психоза, то он мог приземлиться где угодно вне космопорта. Возможно, он сейчас где-то бродит, больной и слабый умом. Это редкое явление даже для космоаналитиков, но порой случается. Как правило, если это так, психическое расстройство носит временный характер. После этого человек вспоминает прежде всего о работе, а затем к нему возвращаются и воспоминания личного характера. В конце концов, работа космоаналитика и есть его жизнь. Часто больного удается обнаружить, когда он заходит в публичную библиотеку и принимается искать литературу по космоанализу.

— Понятно. То есть вы хотите, чтобы я помог вам получить от совета библиотекарей сообщение о таких случаях?

— Нет, здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы кое-какие стандартные работы по космоанализу были переведены на спецхранение и всякого, кто спросит о них и не сумеет доказать, что он настоящий саркит, задержали и допросили. Библиотекари легко согласятся на это, поскольку или они сами, или их начальство сообразят, что такой план не даст результатов.

— Почему?

— Просто я уверен: наш человек высадился в космопорту Сарка, как и обещал, — Джунц заговорил быстрее, не в силах сдержать волну гнева, — и что его, больного или здорового, посадили в тюрьму, а то и убили по приказу саркийских властей.

Эйбл отставил почти допитый кубок:

— Вы шутите?

— Разве я похож на шутника? Что вы мне сами полчаса назад говорили о Сарке? Жизнь, благосостояние и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Последние сутки я посвятил изучению сведений о Сарке. Вывод: все богатство Сарка — киртовые поля Флорины. И вот появляется человек — не важно, психически больной или здоровый — с заявлением, что какое-то обстоятельство галактической важности грозит гибелью всем обитателям Флорины. Взгляните на копию последней передачи нашего полевика.

Эйбл взял обрывок ленты, брошенный ему на колени Джунцем, и вставил в читающее устройство. Текст он просматривал медленно, то и дело мигая потускневшими глазами и внимательно вглядываясь в экран.

— Не очень информативный отрывок, — наконец объявил он.

— Естественно. Сказано лишь, что есть опасность, причем огромных масштабов. Вот и все. Но это сообщение не следовало передавать саркитам. Даже пусть ученый ошибся, неужто саркийское правительство позволило бы ему распространять свое безумие, если это безумие, и кричать об опасности на всю Галактику? Не говоря о панике, что может охватить Флорину, о помехах в производстве кирта, ясно, что выплыла бы вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной. И представьте себе, чтобы всего этого избежать, достаточно отделаться от какого-то человека, ведь я не могу действовать на основании одной записи, и саркиты прекрасно об этом знают. Так остановится ли Сарк перед убийством? Планета, где проводят такие генетические программы, как вы описали, колебаться не станет.

— Так чего вы хотите от меня? Пока мне, честно говоря, не все ясно. — Эйбл казался невозмутимым.

— Выясните, убили его или нет, — сказал Джунц мрачным тоном. — У вас наверняка здесь отлично налажена разведка. Не стоит бродить вокруг да около. Я шляюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Постарайтесь докопаться до сути, пока я отвожу им глаза с библиотеками. А когда вы изобличите их как убийц, я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике не смеет рассчитывать на безнаказанность, убивая представителей Космоаналитического Бюро.

На этом их первая встреча с Эйблом закончилась.

Джунц был прав в одном. Саркийские чиновники держались очень любезно и благожелатель-

но, пока речь шла о библиотеках. Но в остальном он ошибался. Проходили месяцы, а люди Эйбла нигде на Сарке не могли отыскать следов исчезнувшего полевика — ни живого, ни мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал склоняться к тому, чтобы все бросить и улететь, но решил подождать конца двенадцатого месяца. И вдруг появился проблеск, но не от Эйбла, а от его собственного подставного лица, о котором почти забыл. Пришло сообщение из публичной библиотеки Сарка, и вот Джунц сидит перед столом флоринского гражданского чиновника в Бюро по делам Флорины.

Служащий завершил изучение дела, перевернув последний листок.

— Так чем могу быть полезен? — осведомился он.

Джунц заговорил медленно и четко:

— Вчера в четыре двадцать два пополудни мне сообщили, что флоринианский филиал публичной библиотеки Сарка задержал человека, пытавшегося заказать две стандартные работы по космоанализу, не будучи урожденным саркитом. С тех пор никаких сообщений из библиотеки не поступало.

Чиновник попытался что-то сказать, но Джунц, повысив голос, продолжал:

— В бюллетене теленовостей, принятом вчера в пять ноль пять пополудни на общественном аппарате в отеле, где я сейчас проживаю, сообщалось, что во флоринианском филиале публичной библиотеки Сарка совершено нападение на патрульного, каковой в данный момент пребывает в бессознательном состоянии, а также о том, что

ответственными за это считают троих лиц флоринианского происхождения и Патруль ведет преследование. В более поздней передаче новостей это сообщение не повторили. Я не сомневаюсь, что эти факты связаны между собой и тот, кого я разыскиваю, сейчас в руках Патруля. Я просил разрешения лететь на Флорину, но получил отказ. Я попросил флоринианские власти выслать указанного человека на Сарк, и никто не ответил. Поэтому я пришел в Бюро по делам Флорины, рассчитывая на содействие. Либо я полечу туда, либо его пришлют сюда.

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от служащих Межзвездного Космоаналитического Бюро, — бесцветным тоном проговорил чиновник. — Однако начальство уведомило меня, что вы, по-видимому, заинтересуетесь этим делом, и я получил соответствующие указания. Тот, кто, судя по сообщению, запрашивал упомянутые книги, а также двое его спутников — староста и флоринианская женщина действительно совершили нападение и разыскиваются Патрулем. Однако до сих пор их не задержали.

Джунца охватило горькое разочарование, и он даже не пытался это скрыть.

— Так они неизвестно где?

— Не совсем так. Их путь проследили вплоть до пекарни некоего Мэтта Хорова.

Джунц поразился:

— И беглецам позволили там оставаться?

— Давно ли вы беседовали с его превосходительством Лудиганом Эйблом?

— Не понимаю, какое это имеет отношение к...

— Нас уведомили, что вы часто посещаете посольство Трантора.

— Я не видел господина посла уже неделю.

— Тогда я посоветовал бы вам встретиться с ним. Мы оставили преступников в лавке Хорова, лишь учитывая щекотливость отношений с Трантором. Мне поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему вы, вероятно, не удивитесь, — тут на бледном лице служащего отобразилось нечто вроде усмешки, — давно известен нашему департаменту безопасности как агент Трантора.

Глава 6
ПОСОЛ

За десять часов до разговора Джунца с чиновником Теренс покинул пекарню Хорова. Он пробирался переулками среди хижин рабочих, касаясь рукой шершавых стен и осторожно пересекая открытые места. За исключением бледного света, кое-где струившегося из Верхнего Города, вокруг царила полная тьма. Единственным источником света в Нижнем Городе могли быть только фонарики патрульных, марширующих по двое и по трое.

Нижний Город расстилался перед старостой, подобно спящему ядовитому чудовищу, чьи скользкие кольца скрывались под блестящим покровом Верхнего Города. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, ведь продукцию для завтрашнего дня должны доставлять на склады, но не здесь, не в трущобах.

Теренс, услышав отдаленный звук шагов, свернул в пыльный закоулок (даже ночные дожди Флорины едва проникали в темные уголки под цементосплавом). В сотне футов от него показались огни фонариков, помелькали и исчезли.

Патрульные ходили по улицам всю ночь. Никаких других действий не требовалось. Внушаемого ими страха хватало, чтобы поддерживать порядок и без применения силы. Правда, под покровом тьмы можно было передвигаться довольно спокойно, но вряд ли кому-то хотелось бродить среди ночи. Продуктовые склады и мастерские хорошо охранялись; предметы роскоши Верхнего Города были вне пределов досягаемости, а красть друг у друга скудные пожитки не имело смысла.

Того, что на других планетах называли преступностью, здесь, в кромешной темноте, практически не существовало. Бедняков сковали по рукам и ногам, но поддерживали среди них порядок, а богачи обитали все равно что в другом мире.

Теренс шел очень быстро. Иногда его лицо озарял бледный свет из отверстий в цементосплаве, и староста невольно поглядывал вверх.

Сквайры недосягаемы!

Но так ли это? Сколько раз менялось отношение Теренса к саркийским сквайрам? В детстве он ничем не отличался от своих сверстников. Патрульные тогда представали черно-серебряными чудовищами, и от них надо было убегать независимо от того, провинился ты или нет. А сквайры казались ему туманными, мистическими сверхлюдьми, необычайно добрыми, живущими в райском саду под названием Сарк и терпеливо, бдительно пекущимися о благосостоянии глупых мужчин и женщин Флорины.

В школе они каждый день повторяли: «Да снизойдет Галактический Дух на сквайров, как они снисходят до нас!»

«Вот именно, — думал он сейчас. — Пусть Галактический Дух поступит с саркитами так же, как

они поступают с нами. Не больше и не меньше». Кулаки сжались, лицо побагровело от гнева.

В десять лет Теренс написал школьное сочинение о том, как он представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел, показывающий степень его преданности сквайрам. Он помнил из этого сочинения немногое — всего один абзац. Там он писал, как сквайры собираются каждое утро в большом зале, украшенном цветами кирта, и, стоя во всем своем двадцатифутовом великолепии, обсуждают грехи флориниан и сетуют на необходимость их карать, дабы вновь обратить к добродетели.

Учительнице это сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки продолжали ходить на уроки чтения, письма и поведения, Теренса перевели в особый класс, где изучали арифметику, галактографию и саркийскую историю. А в шестнадцать лет его забрали на Сарк. Староста до сих пор помнил тот знаменательный день и содрогался от воспоминаний. Сама мысль о них теперь кажется постыдной.

Теренс приближался к окраине Города. Временами ветерок доносил до него густой аромат цветов кирта. Через несколько минут он окажется в относительной безопасности открытых полей, где нет регулярных обходов Патруля и сквозь рваные ночные облака можно снова увидеть звезды. Даже ту ярко-желтую, что служит солнцем ненавистному Сарку.

Эта звезда была и его солнцем почти полжизни. Когда Теренс впервые увидел ее в иллюминатор корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий мраморный шарик, ему захотелось упасть на колени. Мысль о том, что он приближается к раю, отгоняла мучительный страх первого космического полета.

Теренс высадился в раю, и его поручили старику флоринианину, получившему приказ проследить, чтобы юноша хорошенько вымылся и прилично оделся. Потом старик повел его в большое здание и по дороге туда низко поклонился проходившему мимо человеку.

— Кланяйся! — сердито прошептал он юному Теренсу.

Теренс в недоумении подчинился.

— Кто это? — спросил он.

— Сквайр, деревенщина!

— Это? Сквайр?

Теренс застыл на месте как вкопанный, и его пришлось подгонять. Юноша впервые увидел сквайра. Не двадцатифутового гиганта, а обычного человека. Другие флориниане, пожалуй, и оправились бы от такого разочарования, но только не Теренс. Что-то навсегда изменилось у него в душе.

За все время обучения и тренировок Теренс так и не забыл, что сквайры — просто люди.

Все десять лет, когда он не посещал занятия и не спал, его учили приносить пользу Сарку — бегать по поручениям, вытряхивать мусорные корзины, низко кланяться проходящим мимо сквайрам и поворачиваться лицом к стене, когда мимо шествует госпожа сквайресса.

Еще пять лет Теренс проработал в Гражданской Службе, где его постоянно перебрасывали с места на место, проверяя способности и навыки в самых разнообразных условиях.

Однажды к нему подошел пухленький флоринианин, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о сквайрах.

Теренс с трудом подавил желание повернуться и удрать. Уж не отпечатались ли его мысли на лице в виде какого-то таинственного кода? В кон-

це концов он покачал головой и пробормотал что-то о добродетелях сквайров.

Но пухлый человек насмешливо вытянул губы.

— Вы так не думаете, — сказал он. — Приходите сюда сегодня ночью.

Он дал Теренсу маленькую карточку, которая через несколько минут смялась и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было жутковато, но и очень интересно. Он встретил там нескольких знакомых, и те заговорщически смотрели на него, а позже, во время работы, словно бы вовсе не замечали. Теренс послушал их речи и понял, что лелеемые им тайные мысли не есть нечто исключительное — многие думали так же.

Оказалось, что по крайней мере часть флориниан считали сквайров низкими скотами, выжимающими из Флорины все ее богатства ради собственного процветания, оставляя измученных тяжкой работой туземцев умирать в нищете и невежестве. Теренс узнал, что близится время восстания против Сарка и богатства Флорины будут поделены между ее законными владельцами.

Но как поднять восстание? Теренс вновь и вновь ломал голову над этим вопросом. Ведь сквайры и патрульные, в отличие от флориниан, вооружены.

Ему рассказали о Транторе — непрерывно расширявшейся гигантской империи, куда за последние столетия вошла почти половина населенных планет Галактики. Трантор, сказали ему, способен одолеть Сарк при помощи флориниан.

Но, сказал Теренс сначала себе, а потом и другим, если Трантор так велик, а Флорина мала, то не станет ли он еще более алчным и жестоким хозяином, чем Сарк? Если это единственный выход

из положения, то лучше выбрать Сарк — от него хотя бы знаешь, чего ожидать.

Теренса осмеяли и выгнали, пригрозив смертью, если он когда-либо проговорится об услышанном на тайных собраниях.

Однако вскоре все известные ему заговорщики стали исчезать один за другим, пока не остался только пухлый человечек. Иногда Теренс видел, как тот что-то нашептывает новичкам на ухо, но возможности предупредить их, что это ловушка, не представлялось. Нужно было искать свой собственный путь.

Некоторое время Теренс работал даже в департаменте безопасности, на что могли рассчитывать лишь избранные флориниане. Правда, это длилось недолго: служащие там получали слишком большую власть, а потому срок их работы был короче, нежели в других местах. К своему удивлению, Теренс обнаружил, что департамент безопасности постоянно сталкивается с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и готовили восстание. Большинство их получали деньги от Трантора, но кое-кто из заговорщиков думал, что Флорина справится и без чужой помощи.

Теренс много размышлял об этом. Он мало говорил, вел себя безукоризненно, но мыслей своих никому не высказывал. Сквайров он ненавидел и за то, что они оказались не двадцатифутовыми гигантами, за то, что ему не разрешали даже смотреть на их женщин, но главным образом потому, что сквайры, которым он прислуживал, обычно были не умнее и не образованнее, чем он сам, а многие — просто глупы и невежественны.

Но существует ли способ избавиться от рабства? Менять глупых саркийских сквайров на

глупых транториаиских имперцев — бессмысленно. Ожидать от флоринианских крестьян каких-то организованных выступлений — еще более нелепо. Ситуация казалась Теренсу безвыходной, но мысли об этом не оставляли его все время, пока он был учеником, мелким чиновником и старостой.

И вдруг, благодаря неожиданному стечению обстоятельств, судьба предоставила ему шанс в виде на первый взгляд довольно незначительного человека, который некогда работал космоаналитиком и твердил о какой-то опасности, нависшей над всеми жителями Флорины.

Теренс выбрался в поля. Ночной дождь уже едва накрапывал, и среди облаков поблескивали звезды. Староста глубоко вдыхал аромат кирта, этого сокровища и проклятия Флорины.

Никаких иллюзий Теренс не питал. Он больше не староста. И даже не свободный флоринианский крестьянин. Он беглый преступник, разыскиваемый Патрулем. Теренс захлебывался горечью и негодованием. Всего сутки назад у него в руках было мощнейшее оружие против Сарка, какое только можно представить. Тут никаких сомнений не возникало. Теренс точно знал, что Рик все помнит правильно, что он на самом деле был космоаналитиком и подвергся психозондированию. Понимал Теренс и то, что воспоминания Рика могут стать сокрушительной силой. Он был в этом просто уверен.

И вот Рика перехватил тот широкоплечий Пекарь, что выдавал себя за флоринианского патриота, тогда как в действительности был агентом Трантора. Теренса сжигала ярость. Конечно же этот Пекарь — транторианский агент. В этом не было никаких сомнений с самого начала. Кто еще мог бы оборудовать в Нижнем Городе лавку с

дорогими радарными печами, да еще и тайное укрытие?

Но Рика нельзя отдавать Трантору! Теренс не позволит бывшему космоаналитику перейти на сторону империи. Во избежание этого стоило пойти на любой риск. И потом, терять Теренсу нечего — ему и так, считай, вынесен смертный приговор.

В одном из уголков неба появилось слабое сияние. Надо было дождаться рассвета. Конечно, описание его примет уже разослали всем патрульным станциям, но для проверки документов необходимо какое-то время. В течение этих нескольких секунд Теренс будет по-прежнему оставаться старостой. Этого хватит на то, о чем он даже сейчас предпочитал не думать.

Через десять часов после разговора с чиновником Джунц снова отправился к Лудигану Эйблу.

Посол встретил доктора, как всегда, любезно, хоть и ощущал в душе раздражающее чувство вины. Во время их первой встречи (это было давно, прошел почти стандартный год) Эйбла не особенно заинтересовала судьба космоаналитика. Волновал его только один вопрос: чем эта история обернется для Трантора?

Трантор! Он всегда оставался на первом месте в мыслях Эйбла, хотя он не принадлежал к числу тех глупцов, кто поклоняется скоплению звезд или желтой эмблеме с космическим кораблем и солнцем на униформе транторианских вооруженных сил. Словом, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и сам по себе Трантор мало что для него значил.

Зато Эйбл был поклонником мира, тем более что он старел и с годами получал все большее

удовольствие от кубка вина, от атмосферы, напоенной тихой музыкой и ароматами, и полуденного сна в спокойном ожидании смерти. По мнению посла, людям следовало бы наслаждаться жизнью, однако они только и делали, что воевали и разрушали: насмерть замерзали в вакууме, испарялись во вспышке ядерного взрыва, голодали на осажденных и подвергшихся бомбардировке планетах.

Так как можно добиться мира? Конечно, не проповедями и не просвещением. Если люди не способны, трезво взвесив все аргументы в пользу войны и мира, сделать логичный выбор, то что их убедит? Что может быть более красноречивым доказательством порочности войны, как не сама война? Какие диалектические ухищрения обладают хотя бы десятой долей убедительности, присущей виду одного-единственного подбитого корабля с мертвым экипажем на борту?

Значит, единственным способом прекратить насилие оставалась опять-таки сила.

Карта в кабинете Эйбла — яйцевидный кристалл с трехмерным изображением Галактики — наглядно демонстрировала применение такого метода. Звезды там выглядели как мельчайшие алмазные искорки, туманности — как светлые и темные пятна, а в само́й глубине мерцало несколько красных огоньков, обозначавших пять планет Транторианской республики. Таким Трантор был пятьсот лет назад.

Карта была исторической и позволяла поэтапно наблюдать за развитием событий. Транторианская республика высвечивалась только в изначальном положении, но стоило повернуть ручку на одно деление, соответствующее пятидесяти годам, как вокруг центральных планет загорались все новые красные огоньки. На десятом делении красное пят-

но широко расплескалось по Галактике, охватив едва ли не половину планет. И красный цвет ассоциировался с кровью не только в воображении того, кто смотрел на эту карту.

По мере того как Транторианская республика превращалась в Транторианскую Конфедерацию, а затем в Транторианскую Империю, ее путь устилали тела погибших людей, остовы взорванных кораблей, обломки уничтоженных планет. Но постепенно Трантор набирался сил, и красный цвет стал нести с собой мир.

Сейчас Трантор балансировал на грани нового превращения — из Транторианской Империи в Галактическую, а тогда красный цвет распространится на всю Галактику и наступит вселенский мир — Pax Trantorica[1].

Эйблу хотелось, чтобы все так и произошло. Родись он пятьсот, четыреста или даже двести лет назад, наверняка восстал бы против Трантора — этого рассадника грубых, агрессивных и бесконечно жадных материалистов, постыдно равнодушных к чужим правам, соблюдающих относительную демократию на родных планетах и допускающих рабство на других. Но время для борьбы с ним прошло. Эйбл стоял не на стороне Трантора, а боролся за всегалактический мир, каковой тот сейчас символизировал. Поэтому вопрос «Как это может помочь установлению мира?» естественным образом перетекал в другой: «Как это может помочь Трантору?»

Трудность состояла в том, что на сей раз посол не мог ответить определенно. С точки зрения Джунца, решение могло быть только одно:

---

[1] Pax Trantorica (Пакс Транторика) — мир по-транториански (по аналогии с Pax Romana — мир по-римски (*лат.*).

Трантор должен вступиться за МКБ и наказать Сарк.

Возможно, это будет неплохо, если удастся собрать веские доказательства против саркитов. Но не исключен и неблагоприятный вариант. И опять-таки все упирается в доказательства — без них ничего не выйдет. Как бы то ни было, Трантор не должен допускать скоропалительных решений. Всей Галактике известно, что он стоит на пороге общегалактической империи. Плохо продуманный шаг способен подтолкнуть те немногие планеты, что до сих пор высказывались против этой идеи, к объединению. Империя, конечно, выиграла бы в войне, но такой ценой, что это сильно смахивало бы на поражение.

Таким образом, не следовало предпринимать никаких открытых действий до последней стадии игры. Поэтому Эйбл медленно сплетал паутину как среди сотрудников Гражданской Службы, так и среди саркийских сквайров, действуя крайне осмотрительно и с любезной улыбкой на устах. Не забывал он и следить за либэйрианином, приставив к нему агентов транторианской разведки, поскольку тот в гневе мог за минуту натворить такого, что Эйблу не исправить и за год.

Яростное упорство Джунца изумляло Эйбла. Как-то он даже спросил:

— Что значит для вас один агент?

Посол ожидал страстной речи о том, как важна работа МКБ, что помогать ему обязан каждый, поскольку Бюро не выполняет задания той или иной планеты, а трудится на благо всего человечества. Но ничего такого Эйбл не услышал.

Вместо этого Джунц хмуро бросил:

— Виной всему — взаимоотношения Сарка и Флорины. Я хочу сделать их достоянием гласности и положить этому конец.

У Эйбла слова ученого не вызвали ничего, кроме тошноты. Повсюду, во все времена находились люди, озабоченные судьбой одного-единственного мирка и не способные сосредоточиться на проблеме галактического единства. Бесспорно, кое-где в той или иной степени существует социальное неравенство, и, конечно, многие его проявления нелегко переварить. Но как можно решить такие проблемы, не достигнув галактического единства! Для начала необходимо положить конец войнам и межпланетному соперничеству, а уж тогда лечить внутренние язвы, ведь они, в конце концов, следствие внешних причин.

При этом Джунц — вовсе не флоринианин, так что его эмоциональная близорукость ничем не оправдана.

— А что вам до Флорины? — полюбопытствовал старик.

Джунц замялся:

— Я чувствую некое духовное родство с ее жителями.

— Но вы ведь либэйрианин. Во всяком случае, насколько мне известно.

— Да, верно, но в том-то и дело. Флорина и Либэйр — представители галактических крайностей, противостоящих общегалактической середине.

— Крайностей? Не понимаю, о чем вы.

— О крайних проявлениях в пигментации кожи, — пояснил Джунц. — Флориниане необычайно светлокожие, а мы — почти черные. И в этом есть что-то общее. Словно некая связь между нами. Я думаю, нашим общим предкам очень долго приходилось сталкиваться с настороженностью средних рас, социального большинства. Мы, к нашему несчастью, белые и черные, братья по отличию от других.

Поймав на себе ошарашенный взгляд Эйбла, Джунц запнулся и умолк. Больше он никогда не затрагивал эту тему.

И вот почти год спустя, когда все как будто должно было разрешиться само собой и даже и даже либэйрианин утратил былое рвение, события ни с того ни с сего приобрели неожиданный оборот. Сегодня Джунц больше не был Джунцем, разгневанным исключительно на Сарк. Теперь его гнев, казалось, опалял и самого Эйбла.

— Я сержусь вовсе не на то, что ваши агенты таскаются за мною по пятам, — начал доктор. — Видимо, вам полагается быть осторожным и не доверять никому и ничему. Я ни слова не говорил, пока это не мешало ходу дела. Но почему вы не сообщили мне о том, что разыскиваемый нами человек обнаружен?

Эйбл задумчиво погладил теплую ткань на ручке кресла.

— Дело это довольно сложное. И всегда было таким. Я распорядился, чтобы о людях, интересующихся книгами по космоанализу, докладывали не только вашему агенту, но и моим. Я полагал, что вас придется охранять. Но на Флорине...

— Да, мы совершили глупость, не подумав о Флорине, — перебил Джунц. — Целый год мы получали подтверждения, что на Сарке нашего полевика нет. И он, конечно, все это время был на Флорине, чего мы, слепцы, не предусмотрели. В любом случае, теперь мы знаем, где искать. Или наш полевик уже у вас и вы можете передать его мне?

— Так чиновник Гражданской Службы сообщил вам, будто Хоров — транторианский агент? — ускользнул Эйбл от прямого ответа.

— А разве это не так? Зачем им лгать? Или их самих неправильно информировали?

— Нет, Гражданская Служба не ошиблась, и сведения верны. Хоров был нашим агентом последние десять лет, и мне весьма досадно, что об этом узнали. Интересно, что еще саркиты знают о нас и какова степень защищенности нашей информации? Но разве вас не удивило, почему они так откровенно высказались о нашем агенте?

— Видимо, потому, что это правда. Полагаю, чиновники хотели отделаться от меня, а заодно и от дела, только усложняющего их отношения с Трантором.

— Правда среди дипломатов не в чести. А тут она и вовсе неуместна: дав понять, как хорошо им известны наши тайны, саркиты только навредили бы себе — мы легко можем заменить агентов и подправить планы операций.

— Тогда объясните мне, зачем им это понадобилось.

— Думаю, эта откровенность — знак триумфа. Саркиты сочли, что демонстрация их осведомленности в данном случае не меняет дела, поскольку я уже до того получил ее доказательство.

— Но как?

— Самым недвусмысленным образом. Слушайте! Двенадцать часов назад Мэтт Хоров, агент Трантора, был убит флорининанским патрульным. Два флоринианина, бывшие вместе с ним, женщина и мужчина, которого вы, очевидно, и разыскиваете, исчезли. Предполагается, что они попали в руки сквайров.

Джунц, сдавленно охнув, привстал.

Эйбл спокойно поднес к губам кубок с вином.

— Официально я тут ничего не могу поделать. Убитый считался флоринианином, и его спутни-

ки, пока мы не сумеем доказать обратное, — тоже. Но заметьте, как ловко нас обыграли, да еще и посмеялись вдобавок.

Глава 7
ПАТРУЛЬНЫЙ

Рик видел, как убили Пекаря, видел, как тот рухнул без единого звука, а его грудь опала и задымилась под лучом бластера. Эта страшная картина почти вытеснила из памяти то, что происходило раньше и потом.

Он лишь смутно помнил, как к ним приблизился патрульный, как тихо и зловеще доставал оружие. Пекарь взглянул на него и сложил губы, собираясь что-то сказать напоследок, но не успел. Толпа закричала и хлынула в разные стороны, неудержимо, как река в половодье.

Потрясение было слишком сильным для Рика, хотя несколько часов сна благотворно повлияли на его измученный мозг. Патрульный повернулся к ним и бросился на толпу, словно это была злобная стихия и ее следовало укротить. Рик и Лона нырнули в поток людей, и их понесло по течению. По пути они попадали в водовороты и встречные потоки, а над головой кружили патрульные машины. Валона подталкивала Рика, стараясь увести к окраине Города. Рик опять, как и накануне, почувствовал себя беспомощным ребенком, позабыв, что утром почти стал взрослым.

Он проснулся на рассвете в сером полумраке (глухие, без окон, стены комнаты не позволяли увидеть восход) и довольно долго лежал, перебирая воспоминания. Казалось, за ночь в нем за-

жила какая-то рана и несколько обрывков соединились, став единым целым. Этот процесс начался еще два дня назад, когда Рик стал «вспоминать», и продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город и библиотека, нападение на патрульного и бегство, встреча с Пекарем — все это подействовало как катализатор. Омертвелые ткани мозга, давно пребывавшие в спячке, встряхнулись и стали оживать, вызывая мучительную боль, но сейчас от нее осталась только слабая пульсация.

Рик думал о космосе и о звездах, об огромных безлюдных пространствах и о великой тишине. Наконец он повернул голову и негромко сказал:

— Лона.

Девушка мгновенно очнулась и, приподнявшись на локте, поглядела в его сторону:

— Рик?

— Я здесь, Лона.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да. — Он едва сдерживал ликование. — Я чувствую себя прекрасно, Лона. Послушай! Я вспомнил еще. Я был в космическом корабле и наверняка знаю, что...

Но Лона не слушала. Она натянула платье и, стоя к Рику спиной, загладила передний шов-застежку, потом нервно нащупала пояс и на цыпочках подошла поближе.

— Я не хотела тут спать, Рик, но слишком устала.

Он мигом уловил в ее голосе тревожные нотки:

— Что-нибудь не так?

— Тсс, не говори так громко. Все хорошо.

— Где староста?

— Его нет. Он... он должен был уйти. Почему бы тебе не поспать еще, Рик?

Он уклонился от ее заботливых рук.

— Со мной все в порядке, и спать я больше не хочу. Кроме того, я думал рассказать старосте о своем космическом корабле.

Но Теренса не было, а Валона не станет слушать. Рик замолчал и впервые осознанно рассердился на нее. Она продолжала обращаться с ним как с ребенком, тогда как он начинал ощущать себя мужчиной.

Внезапно посветлело, и в проходе появились широкие плечи Пекаря. Рик, поморщился, взглянув на него снизу вверх, — почему-то ему стало не по себе. И сейчас Рик только обрадовался тому, что утешающая рука Валоны гладит его по плечу.

Толстые губы Пекаря растянулись в улыбке.

— Рано вы проснулись.

Никто не ответил.

— Ну ладно, тем лучше, — продолжал он. — Сегодня вы отсюда уйдете.

У Валоны пересохло в горле.

— Вы отдадите нас патрульным? — спросила она.

Она вспомнила, как Пекарь смотрел на Рика после ухода старосты. Да он и сейчас смотрел только на Рика.

— Не патрульным, — успокоил ее Пекарь. — О вас сообщили нужным людям, и у них вы будете в полной безопасности.

Пекарь вышел и вскоре вернулся с едой, одеждой и двумя тазами воды. Одежда была новой и выглядела очень непривычно.

Пока Лона и Рик ели, хозяин дома стал объяснять:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Слушайте очень внимательно, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, понятно? Вы брат и сестра с планеты Вотекс и прибыли на Флорину...

Пекарь сообщал подробности, задавал вопросы и выслушивал ответы. Рику было приятно показать, что у него великолепная память и способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь, заметив это, предупредил:

— Если начнешь доставлять мне хлопоты, я отошлю его одного, а тебя оставлю здесь.

— Я не доставлю никаких хлопот, — пообещала девушка, нервно сжимая кулаки.

Было уже довольно позднее утро, когда Пекарь поднялся и сказал: «Пойдем!» Напоследок он сунул им в нагрудные карманы мягкие листы черного кожзаменителя.

На улице Рик с изумлением увидел, насколько преобразился. Он и подумать не мог, что одежда бывает настолько замысловатой. Одеться Пекарь ему помог, но кто подсобит все это снять? Валона больше совсем не походила на девушку с плантаций. Даже ноги ее покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такими высокими, что приходилось осторожно балансировать на ходу.

Вокруг, тараща глаза и обмениваясь впечатлениями, собирались прохожие. По большей части это были дети, шедшие на рынок женщины и одетые в лохмотья бродяги. Пекарь их, казалось, не замечал, но его толстая трость как будто случайно цепляла за ноги тех, кто подходил слишком близко.

Они едва успели отойти на сотню шагов от пекарни и свернуть за угол, как в глубине улицы люди вдруг заволновались и Рик увидел черный с серебром мундир патрульного.

Вот тогда все это и случилось. Оружие, выстрел и опять безумное бегство. Наступит ли время, когда больше не нужно будет в страхе скрываться от преследования патрульных?

Они очутились в трущобах на окраине города. Валона тяжело дышала, и на ее новом платье проступили влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать.

— Надо!

— Но не так. Погоди...

Она тянула Рика за собой, но он упрямо не двигался с места.

— Послушай меня!

Панический страх постепенно отступал.

— Почему бы нам не сделать то, что хотел от нас Пекарь?

— Откуда ты знаешь, чего он хотел? — обеспокоенно спросила Валона. Ей не терпелось бежать дальше.

— На нас костюмы жителей другой планеты, и он дал нам это, — взволнованно продолжал Рик.

Он вынул из кармана маленький прямоугольник, разглядывая его с обеих сторон и пытаясь раскрыть, как книгу. Но прямоугольник открываться не желал. Тогда Рик ощупал края. Тут же что-то щелкнуло, и одна сторона стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней было сложно разобрать, хотя Рик вглядывался в написанное очень внимательно.

— Это паспорт, — наконец догадался он.

— Что?

— То, что поможет нам убраться отсюда. — Рик в этом не сомневался. Ему почему-то сразу пришла в голову такая мысль и одно-единственное слово: «паспорт». — Понимаешь? Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Вот и давай сделаем как он хотел.

— Нет, они поймали его и убили. Мы не можем улететь с Флорины, Рик, не можем!

Но Рик настаивал:

— Пойми, это самый лучший выход из нашего положения. Они не ожидают, что мы посмеем улететь. Вдобавок мы не сядем на тот корабль, куда Пекарь нас вел. За ним, конечно, будут следить. А мы полетим на другом. На любом другом.

Да, годится любой корабль. Слово «корабль» рождало в мозгу странное эхо. Хорошо это или нет, но он улетит отсюда. Он хочет оказаться на корабле, в космосе.

— Пожалуйста, Лона!

— Ладно. Если ты думаешь, что так будет лучше... Я знаю, где находится космопорт. Когда я была маленькой, по выходным мы иногда ездили смотреть, как вдалеке взлетают корабли.

Они молча пустились в путь. Рик не мог сейчас думать ни о чем, кроме полета, и только на краю сознания мелькало какое-то смутное беспокойство. Какое-то воспоминание не из далекого, а из совсем недавнего прошлого, словно он должен был вспомнить о чем-то, но позабыл. А может, и не позабыл. В общем, одно расстройство. И Рик сосредоточился на мыслях о корабле.

Охранник-флоринианин у ворот космопорта уже слышал о недавних волнениях: о том, что на патрульных было совершено нападение и подозреваемые сбежали. Сегодня утром эти слухи обросли дополнительными подробностями. Вроде бы нескольких патрульных даже убили. Но как бы то ни было, охранник не смел покинуть свой пост. Вытянув шею, он наблюдал, как в воздух поднимаются аэробусы с патрульными, как в них исчезают охранники и служащие, посылаемые на подмогу патрульным. На космодроме почти не осталось обслуживающего персонала.

Охранник представил, как Город наводняют патрульные, и вдруг ощутил странное возбуждение. Почему ему так нравится думать о том, что наемников могут убить? Они никогда ему особенно не мешали. По крайней мере, не слишком действовали на нервы. И работа у него хорошая. Он ведь не какой-нибудь глупый крестьянин.

Но тем не менее эта мысль была приятна.

Охранник без особого интереса окинул взором мужчину и женщину, неловких и потеющих в странном одеянии, сразу выдававшем в них чужеземцев. Женщина сквозь прорезь протягивала паспорт.

Охранник взглянул на нее, потом на паспорт и, наконец, заглянул в список забронированных мест, потом нажал кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте, — нетерпеливо бросил он. — Наденьте браслеты на руки и — вперед.

— А где наш корабль? — вежливым шепотом спросила женщина.

Это охраннику понравилось. Не часто во флорининском космопорту появляются чужеземцы. В последние годы они тут бывают все реже и реже. Но если уж они тут — это тебе не патрульные и не сквайры. Видимо, совсем не понимают, что ты простой флорининанин, и разговаривают вежливо. От гордости охранник почувствовал себя так, будто стал на два дюйма выше.

— Вы найдете его на площадке номер семнадцать, сударыня. Желаю вам приятного полета на Вотекс, — учтиво ответил он.

А потом он вернулся к любимому занятию: звонить друзьям в Городе и пробовать подключиться к частным разговорам Верхнего Города. И только через несколько часов бедняга понял, какую ужасную ошибку он совершил.

— Лона! Сюда! — прошептал Рик, беря ее за локоть и быстро указывая направление.

Валона с опаской взглянула на корабль. Он был гораздо меньше того, что стоял на площадке номер 17, собираясь лететь на Вотекс, и выглядел куда более роскошно. Четыре воздушных шлюза были открыты, а от входа спускалась лестница, похожая на высунутый до земли язык.

— Корабль проветривают, — объяснил Рик. — Пассажирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха много раз использованного сжатого кислорода.

— Откуда ты знаешь? — удивленно посмотрела на него Валона.

Рику это очень польстило.

— Просто знаю, и все. Сейчас там никого нет. Из-за сквозняков на корабле не так уж приятно. — Он с тревогой огляделся. — Странно, что тут так мало народу. Так всегда было, когда вы смотрели на корабли?

Валоне казалось, что нет, но она не могла вспомнить точно. Детские впечатления давно стерлись из памяти.

Поднимаясь по лестнице на ватных от страха ногах, они не заметили ни одного патрульного. Лишь вдалеке суетились несколько гражданских служащих.

Когда они вступили в шлюз, им навстречу ударила струя воздуха. Платье Валоны вздулось, и она поспешно прижала подол руками.

— Так всегда бывает? — спросила девушка. Она никогда не бывала на космических кораблях, даже не мечтала об этом, и, стиснув зубы, пыталась унять сердцебиение.

— Нет, только во время проветривания, — успокоил Лону Рик.

Он радостно ступал по металлическим коридорам, оглядывая пустые помещения.

— Сюда. — Он указал на камбуз. — Пища, впрочем, не самое существенное. Какое-то время мы сможем обойтись и без нее. Главное — вода.

Он стал возиться среди утвари, разложенной в уютных, компактных гнездах, и вытащил большой контейнер с крышкой. Потом поискал взглядом кран и облегченно вздохнул, убедившись, что резервуары не забыли наполнить водой. Шелест насоса и журчание воды вызвали у него блаженную улыбку.

— Теперь возьмем консервов, но немного. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик попытался вспомнить еще кое-какие способы скрыть свое присутствие на корабле. И опять в глубине сознания замаячило какое-то смутное воспоминание. Время от времени он натыкался на провалы в памяти и малодушно отступал, пытаясь скрыть от самого себя горькую правду.

Рик нашел маленькую каюту с пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами, хирургическими инструментами и аппаратами для сварки.

— Сюда заглядывать не станут, разве что в крайнем случае, — без особой уверенности пробормотал он. — Ты боишься, Лона?

— С тобой мне не страшно, Рик, — тихонько ответила она. Два дня, нет, даже еще двенадцать часов назад все было наоборот. Но здесь, на корабле, по какому-то таинственному закону, главным стал Рик. Теперь он выступал в роли взрослого, а она была ребенком.

— Нам придется не зажигать свет, чтобы они не заметили утечку энергии, ходить в туалет мы сможем, только когда все отдыхают. Но ничего — как-нибудь отыщем способ не нарваться на кого-то из ночной смены.

Поток воздуха, овевавший их лица, неожиданно утих. Раздалось мягкое монотонное жужжание, а потом наступила мертвая тишина.

— Скоро они погрузятся, и мы взлетим, — выдохнул Рик.

Валона еще никогда не видела такой радости на его лице. С таким видом влюбленный юнец ждет первого свидания.

Если, проснувшись на рассвете, Рик почувствовал себя человеком, то сейчас он стал поистине гигантом, способным объять всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — клочьями выметенной паутины.

Он — на корабле! Новые воспоминания хлынули потоком, вытесняя прежние. Рик забыл о киртовых полях, о фабрике и о Валоне, убаюкивающей его в темноте. Сейчас эти образы представали как разрывы в той картине бытия, что медленно возвращалась к нему, с каждой минутой обретая все большую цельность.

Корабль!

Если бы Рика сразу посадили на корабль, ему не пришлось бы так долго ждать, пока восстановятся травмированные клетки мозга.

— Не волнуйся, Валона, — ласково проговорил Рик. — Скоро ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум. Но это просто двигатели. Потом ты почувствуешь, будто на тебя наваливается огромная тяжесть. Не бойся. Это от ускорения.

В разговорном флоринианском языке не было слова для обозначения этого понятия, и Рик использовал то, что само собой пришло на ум. Валона этого слова не знала.

— Это не больно? — спросила она.

— Нет, но неприятно, потому что у нас нет аппаратов, снимающих давление, но потерпеть придется совсем чуть-чуть. Прислонись к стене и, когда почувствуешь, что тебя к ней прижимает, не сопротивляйся. Ага, начинается.

Он тоже прислонился к стене. Двигатели жужжали все громче, и одновременно возрастала тяжесть. Стена корабля уже не стояла вертикально, и наклон ее постепенно увеличивался.

Валона тихо застонала, но тотчас умолкла — ей и дышать-то было тяжело. Горло сдавило, а грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравлическими амортизаторами, с трудом пропускала в легкие хоть немного воздуха.

Рик тоже задыхался, но все-таки сумел выдавить несколько слов, чтобы успокоить Валону и напомнить, что он рядом, а потому бояться нечего. Он понимал, какой страх терзает сейчас девушку. Конечно, это корабль, чудесный корабль, но ведь Валона еще ни разу не летала.

— Потом будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство, чтобы поскорее преодолеть очень большое расстояние между звездами. Не пугайся. Ты и не заметишь, как это произойдет. Гиперпереход — ничто после ускорения. Просто дернется немного внутри — и все. — Рик выжимал из себя слова слог за слогом, и это заняло довольно много времени.

Давление потихоньку ослабевало, и невидимая цепь, приковывавшая их к стене, все растягивалась, пока не исчезла. Задыхаясь, Рик и Валона в изнеможении упали на пол.

— Ты цел, Рик? — выдохнула наконец Валона.

— Цел? — Рик чуть не рассмеялся. Он еще не успел перевести дух, но сама мысль, что он мог получить травму на корабле, казалась очень забавной. — Когда-то я годами жил на корабле и месяцами не высаживался на планетах.

— Почему? — спросила девушка. Она подползла поближе и коснулась его щеки, желая увериться, что ее Рик и вправду здесь.

А Рик обнял Валону за плечи, и девушка прижалась к нему, радуясь, что теперь он заботится о ней.

— Почему? — переспросила она.

Рик не мог вспомнить почему. Просто он так жил, и ему не нравилось опускаться на планеты. По какой-то причине нужно было почти всегда оставаться в пространстве. Вот только по какой? И опять он увильнул от темного пятна в памяти.

— У меня была такая работа.

— Да, — прошептала Лона. — Ты ведь анализировал Ничто.

— Верно, — с удовольствием подтвердил Рик. — Именно этим я и занимался. Ты понимаешь, что это значит?

— Нет.

Рик и не думал, что Лона сумеет понять, но ему нужно было выговориться. Он жаждал насладиться воспоминаниями, получить хмельное удовольствие от того, что способен запросто, по первому требованию вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все во Вселенной состоит из сотни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Например, железо и медь — элементы.

— А я думала, это металлы.

— Да, но и элементы — тоже. Как и кислород, азот, углерод и палладий. Важнее всех —

водород и гелий. Это самые простые и распространенные элементы.

— Никогда не слыхала об этом, — задумчиво проговорила Валона.

— Девяносто пять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне когда-то говорили, что пространство — это пустота и там ничего нет, — заметила Валона. — Это было неправильно?

— Не совсем. Скорее, почти ничего. А я был космоаналитиком, то есть летал по всему пространству, черпал из него понемногу разные элементы и анализировал их. Благодаря этому я мог сказать, сколько там водорода, сколько гелия и других элементов.

— Зачем?

— Ну, сложно сказать. Понимаешь, элементы по-разному распределяются в тех или иных областях пространства. Где-то гелия встречается больше обычного; в других районах больше натрия и так далее. Такие области с определенным составом элементов движутся в пространстве, как течения. Космические течения. Важно знать, как они распределяются, чтобы объяснить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А разве это можно объяснить?

Рик поколебался:

— Никто еще точно не знает.

Он продолжал говорить, опасаясь, что необъятный запас знаний, которым с наслаждением упивался его мозг, вдруг иссякнет от вопросов этой... этой... До Рика вдруг дошло, что Валона, в конце концов, всего-навсего работница с Флорины.

— Мы, помимо того, определяем плотность — ну, знаешь, густоту космического газа во всех

областях Галактики. Она тоже повсюду разнится, и нам нужно знать, где и насколько, чтобы корабль мог точно рассчитать прыжок в гиперпространстве. Это похоже на... — Голос вдруг умолк.

Валона нетерпеливо ждала продолжения. Но в крохотной каюте стояла полная тишина.

— Рик? Что случилось, Рик? — Во мраке собственный голос показался девушке хриплым и зловещим.

Молчание. Валона схватила его за плечи и стала трясти:

— Рик! Рик!

Но ответил ей почему-то голос прежнего Рика — слабый, испуганный, как будто и не он только что звенел от радости и вновь обретенной веры в себя.

— Лона, мы поступили неправильно.

— В чем дело? Что мы сделали не так?

Перед его внутренним взором вновь предстал тот момент, когда патрульный выстрелил в Пекаря. Рик видел каждую подробность удивительно отчетливо, как будто память вызвала из прошлого оттиск, сделанный со свойственной ей скрупулезной точностью.

— Нам не нужно было убегать. Мы напрасно забрались на корабль.

Рик весь дрожал, и Валона тщетно пыталась вытереть рукой его мокрый лоб.

— Но почему? — недоумевала она. — Почему?

— Потому что, если Пекарь собирался вести нас через весь город при дневном свете, он не ожидал появления патрульных. Ты помнишь того патрульного, что застрелил Пекаря?

— Да.

— А его лицо?

— Я не осмелилась смотреть.

— А я посмотрел и заметил какую-то странность, но тогда мне и в голову не пришло... я не подумал, что это может быть вовсе не патрульный... Это был староста, Лона! Староста, переодетый патрульным.

Глава 8
ГОСПОЖА

Рост Сэмии Файфской достигал ровно пяти футов[1] или шестидесяти дюймов, и каждый из этих шестидесяти дюймов, казалось, источал крайнее возмущение. На дюйм приходилось по полтора фунта веса, и в данный момент все девяносто фунтов[2] сплавились в тугой комок ярости.

Сэмия гневно мерила шагами комнату. Темные волосы ее были собраны в высокую пышную прическу, тонкие каблучки так и мелькали, а узкий подбородок с заметной ямочкой дрожал от бешенства.

— О нет, — шипела она. — Он не стал бы так со мной поступать! Он не смог бы этого сделать! Капитан!

Голос у Сэмии был резкий и властный. Капитану Рэйсети пришлось склониться под натиском столь неистовой бури.

— Да, госпожа?

Для любого флоринианина капитан Рэйсети, безусловно, был сквайром. Флориниане называли сквайрами всех саркитов без исключения.

---

[1] Приблизительно 1 м 52 см.
[2] Приблизительно 41 кг.

Но между собой жители Сарка делились на просто сквайров и *истинных* сквайров. Капитан принадлежал к числу простых сквайров, в то время как Сэмия Файфская была *истинной* сквайрессой и по своему положению в обществе не уступала никому из высшей знати.

— Да, моя госпожа, — повторил он.

— Мне никто не вправе приказывать! Я взрослая и сама себе хозяйка, а потому намерена остаться здесь.

— Прошу вас понять, моя госпожа, — опасливо заметил капитан, — это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали, а просто-напросто отдали распоряжение.

Он нерешительно протянул Сэмии копии приказов. До этого Рэйсети дважды пытался представить разгневанной аристократке доказательства, но она не желала и взглянуть на них, словно, не имея подтверждения перед глазами, могла с чистой совестью возлагать всю вину на капитана.

— Меня не интересуют ваши приказы, — повторила Сэмия, демонстративно отвернулась и, стуча каблучками, быстро засеменила в дальний конец комнаты.

Капитан пошел следом.

— В приказе подчеркнуто, что, если вы не пожелаете лететь, я должен, прошу прощения, доставить вас на корабль силой.

— Вы не посмеете! — Сэмия с угрожающим видом развернулась.

— Принимая во внимание то, от кого я получил упомянутые инструкции, мне придется их выполнить, — возразил капитан.

Сэмия попыталась его переубедить:

— Капитан, тут нет ничего опасного. Это же смешно, даже бессмысленно. Город спокоен. Сто-

ит ли поднимать такой шум из-за того, что вчера в библиотеке нокаутировали одного патрульного?

— Сегодня утром другой патрульный был на сей раз убит, причем снова флоринианами.

Такого аргумента Сэмия не ожидала, и ее оливкового цвета кожа потемнела, а глаза метнули молнии.

— Какое отношение это имеет ко мне? Я не патрульный.

— Моя госпожа, корабль уже готов. Вскоре он взлетит, и вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете... Нет, вы ничего не понимаете!

Капитан промолчал. Сэмия снова отвернулась. Мерцающее платье из медного кирта с серебристыми прожилками обрисовывало на редкость приятную округлость ее рук и плеч. И во взгляде капитана Рэйсети мелькнуло нечто большее, нежели простая учтивость и смирение незнатного саркита перед высокородной госпожой. Его искренне удивляло, почему эта соблазнительная крошка напрасно тратит время, делая вид, будто всецело погружена в научные исследования.

Сэмия хорошо знала, что ее серьезное увлечение наукой высмеивали все, кто привык думать, будто удел аристократок Сарка — блистать в обществе и со временем произвести на свет не менее, но и не более чем двух будущих сквайров. Но Сэмию это не волновало.

К ней подходили и спрашивали: «Вы действительно пишете книгу, Сэмия?», просили показать и хихикали.

Обычно так развлекались женщины. Мужчины были еще несноснее. Чего стоили эти их снисходительные заигрывания и полная уверенность,

что достаточно одного их пылкого взгляда и мужской руки вокруг ее талии — и Сэмия, излечившись от этого вздора, станет думать о более важных вещах.

Меж тем увлечение Сэмии возникло давно — с первых детских впечатлений, потому что она всегда была влюблена в кирт, хотя большинство людей принимали его как данность. Кирт! Царь, император, бог тканей. Ни одно из сравнений не кажется достаточно сильным.

По составу это всего лишь разновидность целлюлозы. Все химики клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему из всех планет Галактики только на Флорине целлюлоза становится киртом. Это проблема физического состояния, утверждали они. Но спросите, чем же физическое состояние кирта отличается от физического состояния обычной целлюлозы, и ни один не даст ответа.

С другим объяснением Сэмию познакомила ее няня.

— Почему он блестит, няня?

— Потому что это кирт, Миакинс.

— А почему другие вещи так не блестят?

— Потому что они не кирт, Миакинс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана только три года назад. Сэмия, тщательно изучив ее, выяснила, что все сводится к давнему объяснению ее няни. Кирт — это кирт, потому что кирт. А то, что не кирт, — это не кирт, потому что не кирт.

Конечно, сам по себе кирт не блестел, но определенным образом спряденная и скрученная нить обретала яркий металлический блеск любого цвета, а то и всех сразу. Иной способ пряжи придавал ей сверкание алмаза. После несложной

обработки кирт становился теплоустойчивым вплоть до температуры 600 °С и совершенно инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна его легко расщеплялись на тончайшие нити, куда более прочные, нежели проволока из какого бы то ни было стального сплава.

Кирт обладал таким широким спектром применения, как ни одно другое известное человеку вещество. Не будь он фантастически дорог, давно заменил бы стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях промышленности. Он был уникальным материалом для окулярных сеток в оптических инструментах, для каркасов литых гидрохронов, применяемых в гиператомных двигателях либо там, где металл оказывался слишком тяжелым или хрупким.

Но для этих областей кирта всегда не хватало, с тех пор как монополия запретила использовать его в широких масштабах. Фактически весь сбор кирта Флорины уходил на ткани для самых сказочных одеяний в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионе планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупо. Остальные двадцать миллионов миров любовались издалека и завидовали.

На этом миллионе планет-счастливиц бытовало разговорное выражение, означавшее крайнюю степень высокомерия, и это была единственная идиома, понятная любому жителю Галактики: «Можно подумать, она сморкается в кирт».

Став постарше, Сэмия попросила объяснений у отца:

— Что такое кирт, папа?

— Это твой хлеб с маслом, Миа.

— Мой?

— Не только, Миа. Это хлеб с маслом для всего Сарка.

Еще бы! Сэмия быстро поняла, что к чему. В Галактике не нашлось бы ни единой планеты, где не пытались выращивать кирт. Сначала Сарк принял закон о смертной казни для всякого, кого поймают на контрабандном вывозе семян кирта с планеты, будь то местный житель или чужеземец. Но угроза не остановила контрабандистов, и через некоторое время Великим Сквайрам стало ясно, что закон выгоднее отменить. Всякий мог прилететь откуда угодно и купить семена кирта на вес — разумеется, по цене готовой киртовой ткани.

Выяснилось, однако, что кирт, выращенный на любой планете Галактики за исключением Флорины, становится обычной целлюлозой. Даже не благородным хлопком, а просто целлюлозой — блеклой, тусклой, непрочной и бесполезной.

Может, все дело в почве? В излучениях флорининского солнца? Или в тамошних бактериях? Перепробовано было все. Создавались искусственные источники света, воспроизводящие спектр флорининского солнца. Инопланетную почву заражали флорининскими бактериями. Но кирт неизменно давал блеклые, тусклые, немощные и бесполезные всходы.

В общем, о кирте можно было рассказать много такого, что не найдешь в трудах ученых, статистических таблицах и даже книгах путешественников. Вот уже пять лет Сэмия мечтала написать настоящее исследование о кирте — об истории его родной планеты и о людях, что его выращивают.

И, несмотря на все насмешки, Сэмия дорожила этой мечтой. В конце концов она добилась, чтобы отец отпустил ее на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев — на фабриках. Она хотела...

Но не все ли равно, что она хотела? Ей приказали немедленно вернуться.

И Сэмия со свойственной ей порывистостью приняла решение. Ладно, она полетит на Сарк и продолжит борьбу там. «Я вернусь на Флорину через неделю», — с мрачным упорством поклялась себе Сэмия.

— Так когда же мы отправляемся, капитан? — холодно спросила она.

Сэмия оставалась у иллюминатора до тех пор, пока Флорина не исчезла из виду. Это была зеленая, цветущая планета с гораздо более мягким климатом, чем на Сарке. Сэмия представляла, как будет изучать быт туземцев. Жившие на Сарке флоринниане ей не нравились — скучные, бесцветные люди. Вдобавок, завидев ее, все они отворачивались, как то предписывали правила. Но у себя дома, как сообщалось в официальных докладах, туземцы счастливы и беззаботны. Конечно, они легкомысленны, как дети, но в этом есть свое очарование.

Капитан Рэйсети прервал ее размышления:

— Моя госпожа, не угодно ли вам удалиться к себе в каюту?

Сэмия взглянула на него, слегка нахмурив брови:

— Какие еще новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно нет. Это всего лишь предосторожность. Космопорт перед нашим взлетом был необычно пуст. Похоже, какой-то флоринианин снова напал на патрульного и весь персонал космопорта отправился помогать Патрулю в поимке преступника.

— А при чем тут я?

— У меня есть основания полагать, что на корабль проникли посторонние лица. В таких случаях я просто обязан принять все меры предосторожности, включая усиление личной охраны. И моей собственной тоже, ибо я вовсе не умаляю своей роли капитана.

— А зачем кому-то понадобилось проникать на наш корабль?

— Понятия не имею, но вряд ли чтобы доставить нам удовольствие.

— Вы все это выдумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, моя госпожа. Наши энергометры не действовали в пределах планетарного расстояния от флорининанского солнца, но сейчас вновь заработали, и мне кажется, что на аварийном складе отмечен излишек теплового излучения.

— Вы это серьезно?

На бесстрастном лице капитана мелькнула снисходительная усмешка.

— Излучение равно тому, что исходит от двух взрослых людей.

— Или от нагревательной установки, которую кто-то забыл отключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, моя госпожа. И мы готовы провести расследование, но сначала я прошу вас удалиться в свою каюту.

Сэмия, молча кивнув, вышла. Две минуты спустя капитан ровным и спокойным голосом сказал в микрофон: «Посторонние на аварийном складе».

Сумей Мирлин Теренс хоть немного сбросить нервное напряжение — и он сразу впал бы в истерику, что, пожалуй, принесло бы ему только облегчение. Вернувшись к пекарне, он опоздал

буквально на миг. Пекарь увел Рика с Лоной, и догнать их на улице удалось только благодаря везению. Дальнейшие действия были продиктованы обстоятельствами, никакого выбора не оставалось — и Пекарь упал под лучом бластера.

Жуткое зрелище... Потом толпа завертелась водоворотом, и Рик с Валоной исчезли в потоке людей, а в воздухе, как хищные птицы, закружили летательные машины настоящих патрульных. И что тут мог поделать Теренс?

Сначала староста едва не побежал за Риком, но понял, что это глупо. Теренс все равно не догнал бы беглецов, а вот патрульные вполне могли найти и поймать его. И Теренс поспешил в обратную сторону — к пекарне.

Его единственная надежда на спасение заключалась в структуре Патрульной Службы. На протяжении многих поколений жизнь оставалась тихой. По крайней мере, никаких заслуживающих внимания бунтов на Флорине не было уже двести лет. Общественный институт старост (Теренс свирепо ухмыльнулся про себя) работал безукоризненно, и на долю патрульных выпадали лишь профилактические полицейские функции. У Патруля не было жесткой организации, каковая неизбежно возникла бы в более трудных условиях.

Поэтому Теренсу удалось на рассвете подойти к патрульной станции, куда уже наверняка сообщили его приметы, хотя как будто никто особенно не разглядывал. Единственный патрульный, сидевший на дежурстве, взглянул на старосту угрюмо и равнодушно. И едва он успел потребовать у Теренса документы и назвать род занятий, как тот вскинул тяжелый пластиковый брусок, взятый из полуразрушенной хижины на окраине города.

Теренс изо всех сил ударил им патрульного по голове, потом надел мундир и забрал оружие. Список его преступлений и без того был ужасен, а потому, увидев, что патрульный не просто потерял сознание, но убит, бывший староста и глазом не моргнул.

И все-таки Теренс еще на свободе. Ржавая машина Патрульной Службы никак не может раскачаться и поймать его в тиски.

Итак, Теренс вернулся в пекарню. Старик, помогавший Хорову, стоял в дверях, тщетно пытаясь узнать хоть какие-нибудь подробности происшествия. При виде черно-серебряной формы он, пискнув, поспешил ускользнуть в лавку.

Староста нырнул следом, ухватил обсыпанный мукой воротник и для острастки встряхнул:

— Куда отправился Пекарь?

Губы старика шевелились, но он не издал ни звука.

— Две минуты назад я убил человека! — рявкнул староста. — Так что мне наплевать, могу прикончить еще одного.

— Пощадите меня, господин... Я ничего не знаю.

— Тогда ты умрешь напрасно.

— Пекарь мне ничего не говорил. Но он заказывал какие-то билеты.

— Так ты подслушивал, а? И что же еще ты слышал?

— Один раз он назвал Вотекс. Видно, заказал билеты на космический корабль.

Теренс отшвырнул старика.

Придется подождать. Надо прийти в себя, скинуть напряжение. Правда, есть риск, что тут объявятся настоящие патрульные...

Нет, особо медлить нельзя. Но Теренс мог только гадать, что придет в голову его бывшим спутникам. Рик, конечно, непредсказуем, но Валона вроде бы девушка умная. Судя по тому, как оба кинулись бежать, они приняли его за настоящего патрульного, и Валона наверняка решит, что единственный безопасный путь — действовать так, как объяснил Пекарь, заказывая для них билеты. А значит, беглецы пойдут в космопорт.

И Теренс должен успеть туда первым. Космический корабль не станет ждать.

В этом-то и состояла вся безысходность ситуации. Ничто больше не имело особого значения. Потеряв Рика, Теренс лишится и потенциального оружия против тиранов Сарка, и собственной жизни в придачу, но это в сравнении — сущий пустяк.

Поэтому из пекарни староста вышел совершенно спокойно, хотя день был в разгаре, патрульные наверняка знали, что ловить надо человека, переодетого в их форму, а в воздухе не так уж далеко зависли две машины.

Теренс знал, куда идти. На планете был всего один космодром нужного типа. В Верхнем Городе нашлось бы еще с десяток частных, но исключительно для яхт. Кроме того, около сотни космодромов по всей планете принимали только неуклюжие грузовые суда, отвозившие огромные тюки киртовой ткани на Сарк и доставлявшие взамен механизмы и дешевые потребительские товары. Рядовым путешественникам — небогатым саркитам, флоринианским служащим и немногим чужеземцам, сумевшим получить разрешение посетить Флорину, — приходилось довольствоваться одним-единственным общим космопортом.

Флоринианин-охранник у ворот наблюдал за Теренсом с неподдельным интересом — он уже извелся от скуки и безлюдья.

— Добрый день, господин, — чуть резковато поздоровался он. В конце концов, нескольких патрульных уже убили, а значит... — Большое волнение в городе, не так ли?

Теренс не попался ловушку. Низко опустив дугообразное забрало шлема и застегнув верхнюю пуговицу мундира, он нарочито грубо рявкнул:

— Здесь проходили двое, мужчина и женщина, следующие на Вотекс?

Охранник вытаращил глаза, живенько прочистил горло и гораздо более смиренным тоном ответил:

— Да, офицер. С полчаса назад. А может быть, и меньше. — Он вдруг покраснел. — Но разве это имеет отношение к... Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужеземцев без надлежащего разрешения.

Теренс только фыркнул про себя. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. О Галактика, подумал он, неужели транторианские агенты так глубоко внедрились в саркитскую администрацию?

— Как они себя назвали?

— Гарет Барн и Ханса Барн.

— Их корабль уже взлетел? Быстро!

— Н-нет, офицер.

— Какая платформа?

— Семнадцатая.

Теренс изо всех сил старался не бежать, но его торопливый шаг мало отличался от бега. Окажись поблизости хоть один настоящий патрульный, эта пробежка стала бы для Теренса последней на свободе.

У главного шлюза корабля стоял космолетчик в офицерской форме.

— Пребывают ли на борту корабля Гарет и Ханса Барн? — слегка запыхавшись, спросил староста.

— Нет, — ответил космолетчик равнодушным тоном. Для него, саркита, патрульный был всего лишь наемником. — А у вас к ним какое-то дело?

Теряя терпение, Теренс переспросил:

— Так они вообще не появлялись?

— Нет, я вам сказал. И ждать мы их не будем. Мы улетаем по расписанию, с Барнами или без них.

Теренс развернулся и вновь поспешил к охраннику у ворот:

— Так они ушли?

— Ушли? Кто, офицер?

— Барны. Те, что с Вотекса. На корабле их нет. Они не выходили?

— Нет, офицер. Я об этом не знаю.

— А через другие ворота?

— Там нет выхода. Это единственный.

— Проверь записи, идиот!

Охранник лихорадочно схватил трубку коммуникатора. Ему еще не случалось разговаривать с такими сердитыми патрульными, и он отчаянно трусил. Через пару минут флоринианин положил трубку:

— Нет, офицер. Никто не выходил.

Теренс пристально посмотрел на него. Его светлые волосы под шлемом намокли от пота, а на щеках выступила испарина.

— А какие-нибудь корабли взлетали после того, как эти двое вошли на территорию космопорта?

Дежурный заглянул в расписание.

— Только один, — ответил он. — Лайнер «Отважный». — И, надеясь задобрить разгневан-

ного патрульного дополнительными сведениями, он добавил: — «Отважный» совершает особый рейс, чтобы вернуть с Флорины на Сарк высокородную даму, госпожу Сэмию Файфскую.

Флоринианин не стал объяснять, откуда ему известна эта «конфиденциальная информация».

Но Теренса уже ничто не интересовало. Он медленно побрел прочь.

Устраните невозможное, и то, что останется, сколь бы невероятным оно ни казалось, будет истиной. Рик и Валона вошли на территорию космопорта. Их не схватили патрульные, иначе охранник знал бы об этом. Беглецы не шатались бесцельно по космопорту — за это время их давно бы задержали. Не было Рика с Валоной и на корабле, где у них были заказаны места. Обратно они не выходили. А единственный корабль, покинувший поле, — это «Отважный». Следовательно, Рик и Валона находятся на его борту, либо как пленники, либо пробравшись тайком.

Что, впрочем, сводится к одному. Если Рик и Валона прячутся, их быстро изловят. Только деревенская девушка и слабоумный могли не знать, что на современном корабле спрятаться невозможно. И надо же им было из всех кораблей выбрать именно тот, на котором летит дочь Сквайра Файфского.

Самого Сквайра Файфского!

Глава 9
СКВАЙР

Сквайр Файфский был самой важной персоной на Сарке и потому не любил стоять в присутствии посторонних. Как и его дочь, сквайр

был невысок, но, в отличие от нее, не мог похвастать пропорциональным телосложением. Массивный торс и величавая голова никак не соответствовали до смешного коротким ножкам, с трудом ковылявшим под непосильным грузом.

Поэтому сквайр неизменно восседал за столом, и никто, кроме дочери, личных слуг и покойной жены, не видел его в другом положении.

Сидя Сквайр Файфский выглядел достаточно внушительно: огромная голова, широкий, почти безгубый рот, крупный нос и заостренный подбородок с ямочкой. Лицо это с легкостью принимало как добродушное, так и непреклонное выражение. Иссиня-черные волосы, не тронутые сединой, ниспадали на плечи, и сквайр зачесывал их назад, нисколько не заботясь о требованиях моды. Оливковая кожа слегка отливала синевой на щеках, верхней губе и подбородке, то есть там, где флоринианский парикмахер дважды в день вел неравный бой с упрямой растительностью.

Сквайр всегда играл на публику, и делал это совершенно осознанно. Вот и сейчас он изгнал с лица всякое выражение, а его широкие и сильные руки с короткими пальцами, свободно лежали на краю стола, чья гладкая полированная поверхность оставалась соврешенно чистой — ни бумаг, ни переговорной трубки, ни украшений. Сугубая простота обстановки должна была подчеркивать величие самого сквайра.

Со своим бледным, как рыбье брюхо, секретарем он говорил тем особым безжизненным тоном, что предназначался для механических устройств и флоринианских служащих:

— Полагаю, все согласились?

На самом деле ответ не вызывал сомнений.

Секретарь отвечал тем же бесцветным тоном:

— Сквайр Бортский уведомил, что заключенные ранее договоренности о деловых встречах помешают ему явиться раньше трех.

— И что ты сказал ему?

— Я подчеркнул, что сама суть данного дела не допускает отлагательств.

— И каков результат?

— Сквайр Бортский будет, господин. Остальные согласились без оговорок.

Файф улыбнулся. Плюс-минус полчаса особой разницы не составили бы. Здесь важен сам принцип. Великие Сквайры слишком носятся со своей независимостью, а о ней-то им придется забыть.

Теперь он ждал. В просторном помещении приготовили места для остальных. Большой хронометр, радиоактивная искорка в недрах которого ни разу не подвела и не сбилась за тысячу лет, бесстрастно отсчитывал секунды.

Ну и бурными выдались последние два дня! И все же, если бы древний хронометр мог вспоминать, в прошлом наверняка отыскались бы и не такие потрясения.

За это тысячелетие хронометр многое повидал. Когда он отсчитывал первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, не занявшей еще прочного места среди других, более обжитых. В те времена хронометр висел на кирпичной стене дома, самые кирпичи которого давно обратились в прах. Он прилежно отсчитывал срок трех недолговечных саркийских «империй», когда нерегулярным саркийским войскам удавалось более или менее управлять полудюжиной соседних миров. Радиоактивные атомы хронометра распадались с той же строгой последовательностью и в те два периода, когда политику Сарка диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил счастливый момент, когда Сарк обнаружил, что почва ближайшей к нему планеты, Флорины, таит в себе неисчерпаемое богатство. Затем он стал свидетелем двух победоносных войн и торжественного провозглашения мира. Сарк отказался от своих «империй», сосредоточив все силы на Флорине, и достиг такого могущества, что даже Трантор не мог с ним соперничать.

Трантор жаждал заполучить Флорину, как и другие могущественные миры. За последние столетия она превратилась в самый вожделенный приз, к которому тянулись из космоса алчные руки. Но Флорину держал в кулаке Сарк, и он скорее пошел бы на галактическую войну, чем согласился отдать добычу.

Трантор знает! Трантор знает!

Беззвучный ритм хронометра словно повторял этот припев в сознании сквайра. На часах было 2.23.

Около года назад уже состоялась такая встреча пяти Великих Сквайров. Как и сейчас, пятеро Великих совещались в личной приемной Сквайра Файфского. И точно так же, как тогда, Сквайры, каждый со своего континента, посылали трехмерную проекцию.

По сути дела, это обычное трехмерное телевидение в полный рост, со звуком и цветом. На Сарке дупликаторы есть почти в любом доме среднего достатка. Здесь же, из-за отсутствия видимого приемника, казалось, что Сквайры пребывают в комнате. Изображение проецировалось на соответствующее место, не мерцало и выглядело существом из плоти и крови, вот только коснуться его было невозможно.

Подлинный, во плоти, Сквайр Рунский пребывал у антиподов, на единственном материке, где

сейчас царствовала ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, источало холодный искусственный свет, тускневший в более ярком дневном.

Так или этак, во плоти или в трехмерном изображении здесь, был явлен сам Сарк. Причудливое и отнюдь не героическое олицетворение самой планеты. Сквайр Рунский был лысым, розовым и жирным, Сквайр Балльский — седым, морщинистым и тощим. Напудренный и нарумяненный Сквайр Стинский вымученно улыбался, пытаясь делать вид, будто и поныне сохранил энергию молодости; Борт же доводил безразличие к комфорту до того, что щеголял двухдневной щетиной и грязными ногтями.

Пять Великих Сквайров.

Они занимали верхнюю из трех ступеней власти на Сарке. Низшая ступень — Флорининская Гражданская Служба оставалась самой устойчивой среди всех потрясений, связанных с возвышением и падением благородных домов Сарка. Именно ее чиновники смазывали оси и вращали колеса механизма управления. Выше стояли министры и начальники отделов, назначаемые наследственным (и безобидным) главой государства. Их имена, равно как имя самого главы, придавали законную силу государственным документам, но единственная обязанность высших чиновников состояла в том, чтобы эти бумаги подписывать.

На высшей ступени стояли пятеро Сквайров, уступивших друг другу по континенту. Это были главы семейств, что держали в руках всю торговлю киртом, получая большую часть прибыли. В итоге могущество и политика Сарка зависели от денег этих кланов. А самым влиятельным из пятерки Великих был Сквайр Файфский.

И вот, около года назад, собрав остальных хозяев второй по богатству планеты в Галактике (второй после Трантора, хотя тот черпал сокровища с полумиллиона миров, а не с двух), Сквайр Файфский объявил:

— Я получил любопытное послание.

Никто не отозвался. Все выжидали.

Сквайр Файфский протянул секретарю полоску металлитной пленки, и тот показал ее всем по очереди, переходя от одного Сквайра к другому и задерживая сообщение перед их глазами достаточно долго, чтобы его можно было прочитать.

Каждый из Сквайров, собравшихся в зале у Сквайра Файфского, на самом деле находился у себя дома, а остальных видел в проекции. Такой же видимостью представала и пленка. Достаточно было сидеть и смотреть, как отраженные лучи передают послание с материка Файф на материки Балль, Борт, Стин и остров-континент Рун. Таким образом, слова документа доходили до них как бы тенью тени.

И только прямолинейный Сквайр Бортский, не обращавший внимания на всякие мелочи, по забывчивости протянул руку к прямоугольному проектору. И тут же кисть словно обрезали, превратив конечность сквайра в нелепый обрубок. Сквайр Файфский улыбнулся, зная, что в действительности рука Сквайра Бортского прошла сквозь изображение проектора, ухватив только воздух. Другие тоже не сдержали улыбок. Сквайр Стинский хихикнул.

Сквайр Бортский, покраснев, отдернул руку, и она вновь предстала невредимой.

— Итак, все вы видели письмо, — обронил Сквайр Файфский. — Если никто не возражает, я прочту его вслух, чтобы вы полностью осознали его смысл.

Он чуть подался вперед, и его секретарь, подбежав к столу, мгновенно установил проектор так, чтобы хозяин мог взяться за дело, не теряя ни секунды.

Сквайр стал читать таким сладким голосом, настолько драматически подчеркивая каждое слово, как будто письмо было его собственным и он упивался тем, как оно звучит.

— Итак, в послании сказано: «Вы — Великий Сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эти власть и богатство покоятся на шатком основании. Вы уверены, что такие поставки кирта, как те, что вы получаете с Флорины, вовсе не похожи на шаткую основу, но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно?

Нет! Флорина может погибнуть уже завтра, а может — и через тысячу лет. Однако вероятность ее скорой гибели — намного больше. Произойдет это, собственно, не моими стараниями, но так, что вам не удастся ни предсказать, ни предвидеть ее разрушение. Подумайте об этом. Но имейте в виду, ваши богатство и могущество уже исчезли, так как я требую большую их часть. У вас будет время поразмыслить, хотя и не очень много.

Если вы станете медлить, я объявлю о близкой гибели планеты всей Галактике, и особенно Флорине. После этого у вас вообще не будет ни кирта, ни богатства, ни власти. У меня, правда, тоже, но я к этому привык. А вот для вас новое положение дел станет катастрофой, ибо вы родились и выросли в роскоши.

Передайте большую часть своих владений мне таким образом, как я в скором времени укажу, — и спокойно сохраните остальное. По сравнению с тем, что у вас есть сегодня, это не много, но все же больше, чем ничего. Не стоит пренебрегать и

такими остатками. Флорина может не погибнуть до самой вашей смерти, и вы проживете жизнь если не в роскоши, то хотя бы с удобствами».

Сквайр Файфский закончил чтение, повертел пленку в руках и, свернув ее, положил в полупрозрачный серебристый цилиндр, сквозь стенки которого буквы мерцали красноватым светом.

— Забавное письмо, — уже обычным голосом добавил он. — Без подписи. Тон, как вы могли убедиться, — нарочито высокопарный и надменный. Так что вы думаете об этом, господа?

Красное лицо Сквайра Рунского недовольно скривилось.

— Очевидно, это писал какой-нибудь психопат, — буркнул он. — Не письмо, а прямо-таки исторический роман. Откровенно говоря, Сквайр Файфский, я не думаю, что из-за подобной чуши стоит нарушать традиционную автономию материков. И мне не по вкусу, что все это обсуждается в присутствии вашего секретаря.

— Моего секретаря? Потому что он флорианин? Вы полагаете, будто его душевное равновесие может поколебаться от того, что он здесь услышит? Ерунда! — Сквайр Файфский, отбросив слегка удивленный тон, жестко скомандовал: — Повернись к Сквайру Рунскому!

Секретарь повиновался, почтительно опустив глаза. На бледном лице не отражалось ни намека на мысль. Казалось, будто в него забыли вдохнуть жизнь.

— Этот флорианин, — сказал Сквайр Файфский так, будто речь шла о неодушевленном предмете, — мой личный слуга. Он никогда не отходит от меня и не общается с себе подобными. Но я ему полностью доверяю вовсе не поэтому. Посмотрите внимательнее. Загляните в глаза. Неужели не ясно, что мой секретарь психозонди-

рован? Он не способен допустить ни малейшей крамольной мысли о моей особе. Не в обиду будь сказано, но я скорее доверюсь ему, чем вам.

— Я вас не осуждаю, — усмехнулся Сквайр Бортский. — Никто из нас не предан вам до такой степени, как психозондированный флорининанин.

Стин снова хихикнул и заерзал в кресле, как будто его посадили на горячую плиту.

Никто из собравшихся ни словом не упомянул о незаконности психозондирования личных слуг. И вздумай кто-то завести о том речь, Сквайр Файфский был бы до крайности удивлен. Считалось, что использовать психозонды в иных целях, кроме лечения психических расстройств и подавления криминальных наклонностей, запрещено. Строго говоря, их считали запретным орудием воздействия даже для Великих Сквайров.

Но Сквайр Файфский прибегал к этой процедуре всякий раз, как считал нужным, особенно если зондировать предстояло флоринианина. С саркитами дело обстояло сложнее. Сквайр Стинский, чье смущение не укрылось от глаз Сквайра Файфского, слыл любителем психозондировать флориниан обоих полов, дабы подготовить к исполнению обязанностей, весьма далеких от канцелярской работы.

— Итак, — Сквайр Файфский сложил вместе короткие толстые пальцы, — я позвал вас сюда не для совместного чтения письма сумасшедшего. Надеюсь, это понятно всем. По-моему, у нас возникла серьезная проблема. Прежде всего, меня занимает вопрос: почему это послание адресовано мне одному? Конечно, я самый богатый из сквайров, но все-таки распоряжаюсь только третью торговли киртом, а впятером мы контроли-

руем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как и одну.

— Слишком много слов, — проворчал Сквайр Бортский. — Чего вы хотите?

Бесцветные губы Сквайра Балльского зашевелились, не оживив, впрочем, тускло-серого лица.

— Его интересует, Сквайр Бортский, получили мы копии этого письма или нет.

— Тогда пусть так и спросит!

— По-моему, я это уже сделал, — невозмутимо отозвался Сквайр Файфский. — Ну так что же?

Все уставились друг на друга: кто — с вызовом, кто — недоверчиво, в зависимости от характера.

Первым заговорил Сквайр Рунский. Розовый лоб сквайра вспотел, и он, достав из кармана киртовый платок, принялся вытирать складки жира, тянувшиеся полукругом от уха до уха.

— Я не знаю, Сквайр Файфский. Могу спросить у своих секретарей; все они, кстати, саркиты. Но даже если, паче чаяния, подобное письмо и достигло моей приемной, его там приняли за — как бы это назвать? — бред сумасшедшего. Лично до меня оно бы никогда не дошло. Это уж наверняка. Только из-за... гм... своеобразной системы ведения дел вам приходится самому читать всякий мусор.

Он глянул по сторонам и улыбнулся, обнажив десны между верхней губой и искусственными зубами из хромированной стали. Каждый зуб имплантировался в глубину костной ткани отдельно и был гораздо крепче данного природой. Зато и улыбка Сквайра Рунского пугала больше, чем самый хмурый взгляд.

Сквайр Балльский пожал плечами:

— Полагаю, то, что сказал Сквайр Рунский, мог бы повторить любой из нас.

Сквайр Стинский опять хихикнул:

— Я никогда не просматриваю почту. Правда-правда. Это ведь ужасно тоскливо, и потом, приходит так много писем, что у меня просто не осталось бы времени на другое. — Он огляделся с таким серьезным видом, как будто хотел убедить собеседников, насколько это существенно.

— Что за чушь вы тут несете? — рявкнул Сквайр Бортский. — Что на вас нашло? Боитесь Сквайра Файфского? Послушайте, Сквайр Файфский, я не держу секретарей, потому что мне ни к чему посредники между мной и моими делами. Так вот, я получил копию этого письма, и, полагаю, точно такие же были отправлены остальным. Хотите знать, что я сделал с письмом? Выкинул в мусорную корзину. Советую так поступить и вам. Давайте закончим на этом. Я устал.

Он поднял руку, собираясь выключить трехмерный проектор, и «уйти» с совещания.

— Погодите, Бортский, — окликнул его Сквайр Файфский. — Не отключайтесь. Я еще не договорил. Вы ведь не хотите, чтобы мы обсуждали какие-либо меры и принимали решение в ваше отсутствие?

— Давайте посидим еще немного, Сквайр Бортский, — добавил самым вкрадчивым тоном Сквайр Рунский, хотя в его заплывших жиром глазках светилось отнюдь не дружелюбие. — Мне интересно узнать, почему Сквайр Файфский придает такое внимание пустякам.

— Ладно, — резанул собеседников скрипучий голос Сквайра Балльского. — Видимо, Сквайр Файфский думает, что автору письма кое-что известно о предполагаемом нападении Трантора на Флорину.

— Ерунда, — отмахнулся Сквайр Файфский. — Откуда наш «писатель», кем бы он ни был, мог

получить такие сведения? Наша тайная служба работает вполне исправно, это я вам гарантирую. И как бы он сумел предотвратить захват в случае нашего согласия? Нет, дело не в том. Автор пишет о гибели Флорины так, будто имеет в виду физическое разрушение, а вовсе не политические перемены.

— Ну, тогда он точно нездоров, — хмыкнул Сквайр Стинский.

— Да? — бросил Сквайр Файфский. — Так вы совсем не понимаете всей важности того, что случилось в последние две недели?

— А что именно вас волнует? — спросил Сквайр Бортский.

— Похоже, неизвестно куда исчез космоаналитик. Вы, конечно, слышали об этом.

Сквайра Бортского это заявление еще больше разозлило, окончательно сбив с толку.

— Да, от Эйбла с Трантора. Ну и что? Не знаю я ни о каких космоаналитиках!

— Однако вы наверняка читали копию последнего сообщения на саркитскую базу, отправленного этим человеком незадолго до того, как он исчез.

— Эйбл мне ее показывал, но я не особо вчитывался.

— Ну а вы? — Сквайр Файфский оглядел собеседников одного за другим. — Хоть кто-нибудь в состоянии припомнить, что было неделю назад?

— Я читал сообщение космоаналитика, — отозвался Сквайр Рунский, — и помню его. Ну конечно! Там тоже речь шла о разрушении. Вы на это намекаете?

— Послушайте, — визгливо перебил Сквайр Стинский, — там было много всяких гадостей. Фу! Надеюсь, мы не станем обсуждать и это послание? Я в тот раз едва отделался от Эйбла, и

это перед обедом! Ужасное расстройство. Правда-правда.

— Иначе нельзя, Сквайр Стинский, — сказал Файф, даже не пытаясь скрыть нетерпение (как вообще можно иметь дело с такими, как Сквайр Стинский?). — Мы должны обсудить его еще раз. Космоаналитик сообщал о близкой гибели Флорины. И сразу после его исчезновения мы получили угрожающие письма, где также говорится об иллюзорности вечного бытия этой планеты. Неужели это простое совпадение?

— Вы что, хотите сказать, будто шантажистские письма нам отправил космоаналитик? — просипел старый Сквайр Балльский.

— Не похоже. Зачем бы он тогда выступил сначала от своего имени, а потом стал скрываться?

— В первый раз он обращался в свою организацию, а вовсе не к нам, — напомнил Сквайр Балльский.

— Пусть даже так. Но обычно шантажисты стараются вести переговоры только с жертвой, по возможности избегая огласки.

— Тогда в чем тут дело?

— Ученый исчез. Допустим, космоаналитик — честный человек, но он передал опасную информацию и попал в руки другим людям, далеко не столь честным, а они послали нам анонимку с угрозами.

— И кто эти другие?

Сквайр Файфский зловеще выпрямился в кресле и поджал губы:

— А вы не догадываетесь? Трантор.

Сквайр Стинский поежился:

— Трантор! — Его высокий голос дрогнул.

— Почему бы и нет? Где найти более удачный способ завладеть Флориной? А это одна из основ-

ных целей их внешней политики, и, если можно добиться ее без войны, тем лучше. Вы только представьте: если мы примем чудовищный ультиматум, Флорина окажется в их власти. Правда, нам обещают кое-что оставить. — Сквайр Файфский, почти соединив большой и указательный пальцы, показал, сколь незначительно это «кое-что». — Но как долго мы будем владеть и такой малостью?

А теперь предположим, что мы не обратили внимания на эти письма. Мы ведь и в самом деле не можем согласиться на такое. Как тогда поступят транторианцы? Начнут распускать слухи о близком светопреставлении среди флоринианских работников. Слухи вызовут панику, и чем это для нас обернется, как не разорением? Как можно заставить человека работать, если он уверен, что завтра наступит конец света? Фабрики остановятся, и склады опустеют.

Сквайр Стинский незаметно для других поглядел в зеркало, висевшее за пределами проектора, и погладил щеку, поправляя слой румян.

— Не думаю, что нам стоит ожидать каких-то страшных бед. Ну ладно, сократятся поставки, так ведь и цена поднимется, верно? Через какое-то время все увидят, что Флорина — на месте, и работники вернутся на поля. И кстати, мы всегда сможем пригрозить уменьшением экспорта. Лично я не представляю, чтобы хоть одна цивилизованная планета могла обойтись без кирта. Это ведь его величество король кирт! Так что, помоему, нам не о чем беспокоиться.

И он напустил на себя скучающий вид, жеманно приставив пальчик к щеке.

Старый Сквайр Балльский во время этого пассажа сидел прикрыв глаза.

— Цены не возрастут, — заметил он. — Мы уже подняли их до потолка.

— Совершенно верно, — кивнул Сквайр Файфский. — В любом случае до срыва поставок дело доводить нельзя. Трантор только и ждет, чтобы на Флорине появились признаки дезорганизации. Если его дипломаты сумеют доказать остальным мирам Галактики, что Сарк не способен гарантировать поставки, те, вне всякого сомнения, согласятся на так называемые «меры по восстановлению порядка», то есть транториане пошлют войска и оккупируют планету, чтобы кирт поступал на рынок без перебоев. Опасность в том, что свободные миры Галактики будут играть на стороне Трантора, особенно если он пообещает отменить монополию, увеличить производство и снизить цены. То, что будет потом, уже другая история, но на данном этапе ему не составит труда заручиться поддержкой. Для Трантора это единственный разумный путь — захват Флорины. Начни он применять грубую силу — и многие свободные планеты Галактики вне сферы влияния Трантора перейдут на нашу сторону просто ради самосохранения.

— А при чем тут космоаналитик? — спросил Сквайр Рунский. — Неужели его обязательно было вводить в игру? Если ваши догадки верны, то и этому должно найтись объяснение.

— Да, я думаю, он пришелся очень кстати. Ученый этот немного не в себе и разработал целую, так сказать... — Сквайр Файфский неопределенно шевельнул пальцами, — бредовую теорию. Не важно, на основе чего. Трантор не станет публично сообщать подробности, иначе Космоаналитическое Бюро камня на камне от всего этого не оставит. Однако, захватив космоаналитика и получив от него сведения, транториане получили возможность запугивать неспециалистов. И они не преминут воспользоваться ею, представив угрозу реальной. Бюро в значительной степени зависит от Трантора,

и, даже если оно выступит против нелепых псевдонаучных теорий, у него не хватит сил и духа во всеуслышание заявить, что это ложь.

— Слишком все это запутанно, — скривился Сквайр Бортский. — Бессмыслица. То они не хотят, чтобы о теории космоаналитика знали, то вдруг сами ее используют.

— Транторианам ни к чему, чтобы эту теорию обсуждали серьезно, с научной точки зрения, или проверяли в Бюро, — терпеливо объяснил Сквайр Файфский. — Выгоднее распространять ее на уровне слухов. Понятно?

— А зачем тогда Эйбл напрасно тратит время, делая вид, что ищет космоаналитика?

— Не станет же посол признаваться, что ученый у него! То, чем Эйбл занимается на самом деле, и то, что он предпринимает напоказ, — разные вещи.

— Ну ладно, — сдался Сквайр Рунский. — Если вы правы, то что делать нам?

— Мы знаем об опасности, а это уже само по себе немало. Нам надо постараться отыскать космоаналитика. Мы будем внимательно следить за всеми известными транторианскими агентами. По их действиям мы определим, как развиваются события. Следует в зародыше остановить любые попытки пропаганды среди населения Флорины. Первые же попытки распространить слух о гибели планеты должны захлебнуться, столкнувшись с самыми жесткими мерами пресечения.

Но самое главное — нам необходимо действовать сообща. Для меня основная цель нашей встречи — объединить усилия. Все мы привыкли ценить автономию материков, и в обычных обстоятельствах я первым стал бы настаивать на ее сохранении. Но сейчас не обычные обстоятельства. Надеюсь, это понятно?

Отказаться от автономии было нелегко, но в конце концов все скрепя сердце признали решение разумным.

— А теперь, — продолжал Сквайр Файфский, — будем ждать второго хода с их стороны.

Та встреча проходила год назад. Сквайры разошлись, а потом Сквайр Файфский потерпел самое необычное и сокрушительное фиаско за всю свою довольно долгую и отнюдь не безоблачную жизнь.

Второго хода не было. Никто не присылал сквайрам повторных писем. Космоаналитика так и не нашли, причем транториане тоже не оставляли поиски. На Флорине не возникало никаких слухов о конце света; сбор урожая и отправка груза шли, как всегда, гладко.

У сквайра Рунского появилась привычка раз в неделю звонить хозяину Файфского континента.

— Есть что-нибудь новенькое, Сквайр Файфский? — спрашивал Сквайр Рунский, и все его многочисленные складки жира так тряслись от злорадства, что казалось, вот-вот какая-нибудь не выдержит собственной тяжести и шлепнется на пол.

Сквайр Файфский стоически терпел насмешки. Да и что еще оставалось делать? Он снова и снова перебирал факты. Напрасный труд. В цепочке явно образовался разрыв — выпал какой-то жизненно важный фактор.

Сквайр Файфский чувствовал, что разгадка у него под носом, только надо найти правильный угол зрения.

И вот, как только события вдруг пошли взрывной волной, Файфский наконец догадался, в чем дело.

Он назначил еще одно совещание. И хронометр сейчас показывал 2.29.

В зале один за другим стали появляться Великие Сквайры. Первым возник Сквайр Бортский, плотно сжавший губы и скобливший острым ногтем седую щетину. За ним последовал Сквайр Стинский, чье свежевымытое лицо без ухищрений косметики выглядело бледным и нездоровым. Ко всему безразличный, усталый и высохший Сквайр Балльский сидел в мягком кресле, поставив перед собой на столик стакан теплого молока. И наконец, две минуты спустя, вытирая жирные губы, объявился мрачный Сквайр Рунский. Вокруг него по-прежнему сгущалась ночь. На сей раз светильники в комнате не горели, и он сидел в кубе тьмы, рассеять который в зале Сквайра Файфского не сумела бы ни одна лампа, даже превосходи она мощностью солнце Сарка.

— Сквайры! — начал Сквайр Файфский. — В прошлом году я строил предположения об отдаленной и не вполне ясной угрозе. Сделав это, я попал в ловушку. Опасность существует, но отнюдь не далеко от нас. Она близко, совсем рядом. Один из вас уже понимает, куда я клоню. Другие скоро узнают об этом.

— Так что все это значит? — выпалил Сквайр Бортский.

— Государственная измена! — отчеканил Сквайр Файфский.

Глава 10
БЕГЛЕЦ

Мирлин Теренс не был человеком действия. Это он и твердил себе в оправдание, после того как вышел из космопорта, не видя ничего вокруг.

Ему приходилось тщательно соизмерять шаг: идти не слишком медленно (иначе покажется, будто он бродит без дела), но и не очень торопиться, чтобы это не напоминало беготню. И Теренс стал подражать бойкой поступи патрульного, когда тот, покончив с каким-то делом, возвращается в машину.

Если бы только у него была машина! К сожалению, флориниан, даже старост, не учили водить ничего, кроме скутера. А он так устал идти и думать на ходу! Нужно было где-то спокойно передохнуть и поразмыслить.

Сил почти не осталось. Может, он и не боец, но за последние сутки сумел действовать достаточно быстро и твердо. Только все это вконец истрепало нервы.

Пока Теренс не смел остановиться.

Будь сейчас ночь, у него появилось бы несколько часов на спокойные раздумья. Но сейчас едва перевалило за полдень.

Умей Теренс водить машину, он бы мигом преодолел несколько миль между космопортом и городом, за эти минуты успев наметить следующий шаг. К несчастью, приходилось рассчитывать только на собственные ноги.

Если бы он мог как следует все обдумать! В том-то все и дело. Хорошенько подумать. Перестать шевелить ногами. Совсем замереть. Втиснуться бы в промежуток между секундами и остановить ход времени, урвать толику вечности и обмозговать ситуацию. Из всего этого непременно должен быть какой-то выход.

Наконец Теренс вступил под гостеприимную тень Нижнего Города. Несмотря на усталость, он старался шагать надменно, как патрульный, нейрохлыст держать цепко и уверенно. Улицы словно вымерли. Местные жители, видно, попрятались в своих лачугах. Тем лучше.

Староста внимательно приглядывался к домам. Следовало выбрать дом получше, с цветными пластиковыми щитами и поляризованными стеклами в окнах. Простонародье грубо и неприветливо. Ведь этим людям нечего терять. А представитель привилегированного сословия из кожи вон вылезет, лишь бы помочь.

Теренс двинулся по тропинке к одному из таких домов, что стоял чуть поодаль от остальных, лишний раз подчеркивая тем самым высокое социальное положение хозяина. Теренс прекрасно понимал, что стучать, а тем более ломиться в дверь вовсе не обязательно. Он уже заметил в окне какое-то мельтешение (столетия покорности наложили на флориниан такой отпечаток, что они буквально чуяли приближение патрульного). Дверь обязательно распахнется сама.

И она распахнулась.

У порога, широко открыв глаза, стояла девочка, одетая в на редкость нелепое платье с рюшечками — похоже, родители во что бы то ни стало хотели подчеркнуть свое превосходство над «флоринианским отребьем». Девочка отступила, чтобы патрульный мог пройти в дом. Теренс уловил частое, неровное дыхание.

Он махнул рукой, приказывая закрыть дверь.

— Твой отец дома, девочка?

— Па! — громко пискнула она и выдохнула: — Да, господин.

Из соседней комнаты с виноватым видом появился «папа». Шел он медленно. Хозяин дома и сам прекрасно знал, что к двери подходит патрульный, но безопаснее было послать навстречу малышку: в отличие от отца, она вряд ли пострадает, если патрульный «не в духе».

— Имя? — бросил староста.

— Джейкоф, господин.

В одном из карманов мундира нашлась тоненькая записная книжка. Староста открыл ее, проглядел записи и что-то черкнул.

— Так, Джейкоф. Я хочу видеть всех, кто здесь есть. Пошевеливайтесь!

Найдись в сердце Теренса место для других чувств, кроме безнадежного отчаяния, он бы, пожалуй, слегка возгордился. Староста не был защищен от соблазнов, даруемых властью.

Обитатели дома повиновались. В прихожую вышла худая усталая женщина с двухлетним ребенком на руках, потом уже знакомая Теренсу девочка привела с собой младшего брата.

— Это все?

— Да, господин, — смиренно ответил Джейкоф.

— А можно мне уложить малышку? — заволновалась женщина. — Ей пора спать. — Мать держала ребенка на виду, как будто надеялась, что вид столь невинного создания смягчит сердце патрульного.

Староста даже не взглянул в ее сторону, полагая, что именно так поступил бы настоящий патрульный.

— Укладывай и дай леденец, чтобы не орала, — отрезал он. — Джейкоф!

— Да, господин?

— Ты вроде парень ответственный, а?

Для патрульного любой местный житель, независимо от возраста, был «парнем».

— Да, господин! — Глаза Джейкофа заблестели, и он чуть-чуть приосанился. — Я служащий пищевой фабрики. Я знаю математику и веду подсчеты. Умею вычислять логарифмы.

«Ну да, конечно, — подумал староста, — тебе показали, как пользоваться таблицей логарифмов, и научили правильно произносить слово».

Он хорошо знал людей такого типа. Джейкоф будет кичиться своими логарифмами больше, чем какой-нибудь молодой сквайр любимой яхтой. Поляроидные стекла дома были прямым следствием извлечения этих логарифмов, а цветные панели свидетельствовали, что Джейкоф ведет подсчеты. Презрение этого человека к не получившим образования соплеменникам равнялось гадливости Высшего Сквайра ко всем «туземцам» без исключения, и тупая ненависть проявлялась еще сильнее оттого, что счетоводу приходилось жить среди столь презираемых им неграмотных рабочих, а хозяева считали его одним из них.

— Значит, ты, парень, на стороне закона и веришь в доброту сквайров? — Староста продолжал делать вид, будто проверяет какие-то сведения в блокноте.

— Мой муж — хороший человек, — затараторила женщина. — Он никогда не нарушает правил, не якшается со всяким сбродом. И я тоже. О детях я вообще не говорю. Мы всегда...

Теренс взмахом руки заставил ее умолкнуть:

— Да-да, понятно. Так вот, послушай, парень. Сядь здесь и делай что я говорю. Составь список жителей этого квартала и укажи все, что о них знаешь. Имена, адреса, род занятий и характер. Особенно характер! Если тут есть смутьяны, я хочу об этом знать. Мы собираемся навести полный порядок. Ясно?

— Да, господин. Ну, во-первых, Хастинг. Он живет в соседнем доме, ниже по улице. И...

— Ты меня не понял. Эй, женщина, дай ему лист бумаги. А ты сядь и записывай все, что знаешь. И помедленнее, я не стану разбирать каракули.

— У меня хороший почерк, господин.

— Посмотрим.

Джейкоф сел выполнять приказ, старательно выписывая каждое слово. А жена любовалась его работой, заглядывая через плечо.

Теренс поманил старшую девочку:

— Иди к окну и смотри, не идут ли другие патрульные. Я хочу с ними поговорить. Не зови их сама, просто скажи мне.

Наконец-то Теренс мог немного отдохнуть. Среди опасностей он на какое-то время отыскал себе островок спокойствия.

Не считая доносившегося из угла громкого чавканья младенца, в доме наступила тишина. Если девочка вовремя предупредит о приближении патрульных, Теренс успеет спастись.

Теперь ничто не мешало спокойно подумать.

Прежде всего, староста больше не мог изображать патрульного. На всех выходах из Города несомненно выставили посты, и преследователи знают, что он не умеет обращаться с транспортными средствами сложнее скутера. Вот-вот даже самые тупые наемники сообразят, что поймать преступника они смогут, только тщательно прочесывая квартал за кварталом.

Как только это до них дойдет, поиски начнут с пригородов и будут двигаться к центру. В таком случае сюда патрульные придут очень скоро, и времени — в обрез.

Доныне черно-серебристый мундир патрульного, при всей его броскости, был неплохой маскировкой. Местные не сомневались, что Теренс настоящий патрульный. Они не вглядывались в его бледное лицо, не замечали неестественной походки. Мундира было достаточно.

Однако преследователи скоро догадаются, что форма его выдает, и велят местным жителям останавливать любого патрульного, не способного

предъявить документы, особенно если у него светлая кожа и соломенные волосы. Всем наемникам выдадут временные удостоверения, а за голову Теренса назначат награду. Пожалуй, только один флоринианин из ста посмеет тронуть человека в форме, сколь бы подозрительно тот ни выглядел, но и этого хватит.

Следовательно, Теренс сбросит личину патрульного.

Это одно. Теперь другое. На Флорине больше нет безопасных мест. Убийство патрульного — особо тяжкое преступление, и даже через пятьдесят лет, если виновник сумеет ускользать от правосудия так долго, охота на него будет продолжаться. Значит, надо покинуть Флорину.

Но как?

Ну что ж, Теренс мог рассчитывать еще на один день жизни. Но это — по самым щедрым оценкам, то есть с расчетом на поголовную тупость патрульных и необычайное везение.

Впрочем, хотя бы в одном такое положение вещей давало преимущество. Двадцать четыре часа жизни — не такой уж долгий срок, чтобы не осмелиться им рискнуть. Поэтому Теренс может пойти на такое, что нормальному человеку и в голову не придет.

Теренс встал.

Джейкоф оторвал взгляд от бумаг:

— Я еще не закончил, господин. Стараюсь писать поразборчивее.

— Покажи мне, что там у тебя.

Теренс изучив труды счетовода, кивнул:

— Достаточно. Если придут другие патрульные, не отнимай у них время, рассказывая, что уже составил список. Они торопятся и могут дать тебе другие задания. Просто делай как они скажут. Там никто не идет?

— Нет, господин, — ответила девочка, не отходя от окна. — Мне выйти и посмотреть на улице?

— Не надо. Я сам посмотрю. Где тут ближайший лифт?

— В четверти мили отсюда, господин — как выйдете от дома и повернете налево. Вы можете...

— Да-да, пропустите меня.

За спиной старосты только-только закрылась дверь лифта, как на улицу вышел отряд патрульных. Стук сердца грохотом отозвался в ушах. Видимо, систематические поиски уже начались и погоня идет по пятам.

Минуту спустя, все еще не в силах унять сердцебиение, Теренс вышел из кабины лифта в Верхнем Городе. Здесь он не найдет укрытия. Никаких колонн, никакого цементосплава, отбрасывающего плотную тень.

Теренс чувствовал себя черной точкой, ползущей среди пестряди ярко изукрашенных зданий. Казалось, его видно на две мили окрест, на пять — с воздуха и вдобавок отовсюду нацелились огромные светящиеся стрелки-указатели.

Ни одного патрульного. Проходящие мимо саркиты Теренса не замечали. Если для флориниан патрульный символизирует опасность, то для сквайров он — пустое место. Может, хотя бы это спасет на какое-то время?

Топографию Верхнего Города Теренс представлял весьма туманно. Логичнее всего было либо спросить дорогу, либо войти в какое-нибудь высотное здание и посмотреть с верхних террас. Первое не имело смысла — патрульные не спрашивают дорогу. Второе казалось слишком рискованным. В помещении патрульные больше бросаются в глаза.

И староста выбирал путь, руководствуясь смутными воспоминаниями о случайно виденных

картах Города. Память не подвела — вскоре он вышел к Городскому парку.

Парк — искусственно созданный островок зелени — простирался на сотни акров. На самом Сарке у Городского парка была интересная особенность: самые разные представления о нем были сильно преувеличены. Его считали и воплощением буколического уюта, и местом, где по ночам устаривают оргии. На Флорине те, кто слышал о существовании парка, представляли его в десятки и сотни раз больше и в тысячу раз привлекательнее.

Тут действительно было совсем неплохо. В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Здесь были лужайки, рощицы и каменные гроты. Помимо прудика с красивыми рыбками, позаботились сделать водоем побольше, чтобы там могли плескаться дети. По ночам парк сверкал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Для развлечения были дискотека и трехмерное кино, а влюбленным парочкам хватало тихих извилистых тропинок.

Теренс еще никогда не видел парков, и этот показался ему слишком искусственным. Староста не мог отделаться от мысли, что почва и камни, по которым он ступает, вода и деревья вокруг — все это покоится на мертвом цементосплаве. Теренс вспомнил простор киртовых полей и высокие горы на юге. Как он презирал чужеземцев, возводивших себе игрушечные «зеленые уголки» среди великолепия дикой природы.

С полчаса Теренс бесцельно бродил по тропинкам. Если у него и оставался хоть один шанс спастись, то именно в Городском парке. Даже тут все могло пойти прахом. Но выполнить задуманное где-либо еще было бы просто невозможно.

Теренса никто не видел и не замечал. В этом он был уверен. Пусть попробуют спросить у сквайров и сквайресс, проходивших мимо: «Вы, случаем, не видели вчера в парке патрульного?» Сквайры только вытаращат глаза. С тем же успехом можно полюбопытствовать, не попадалось ли им на пути какое-нибудь насекомое.

Парк казался чересчур спокойным и тихим. Теренса все больше охватывал страх. Увидев каменную лестницу, староста стал спускаться в чашеобразную впадину, окруженную пещерками. Их устроили здесь, чтобы влюбленные парочки могли укрыться от ночного дождя (а многие парочки находили не просто случайный приют).

И тут Теренс увидел, что его поиски увенчались успехом.

Мужчина! Точнее, сквайр. Вот он нетерпеливо расхаживает взад-вперед, несколькими затяжками докуривает сигарету и засовывает окурок в расщелину скалы, где тот мгновение спустя исчезает в яркой вспышке. Глядит на часы-брелок.

Поблизости никого. По крайней мере, людей не видно и не слышно. Теренс огляделся. Следом за ним никто не шел. Правда, сюда могли вести и другие лестницы. Даже наверняка вели. Но времени нет. Нельзя было упускать такую возможность.

Теренс шагнул к сквайру. Тот, конечно, не замечал патрульного, пока не услышал вежливое «Прошу прощения».

Голос звучал весьма смиренно, но сквайр явно не привык, чтобы наемники хватали его за локоть.

— Какого черта? — возмутился он.

Теренс пытался сохранить почтительный и в то же время настойчивый тон («Займи его разговором — лишь бы глаза задержались на тебе пару секунд!»).

— Попрошу вас пойти со мной, господин. Это связано с поисками преступника-туземца в Нижнем Городе...

— Да что ты несешь?

— Это займет всего минутку.

Теренс незаметно достал нейрохлыст. Сквайр так и не увидел его. Плеть тихонько зажужжала, и парализованный саркит рухнул наземь.

Никогда еще староста не поднимал руки на сквайра и сейчас крайне удивился, что испытывает чувство вины и почти болезненную дурноту.

Вокруг по-прежнему было пустынно. Теренс поволок неподатливое тело с остекленевшими глазами в пещеру и, опустив в самой глубине на пол, принялся раздевать сквайра. Стянуть одежду с потерявших гибкость рук и ног стоило немалых трудов. Наконец Теренс скинул запыленную и пропотевшую форму и надел белье сквайра. Впервые в жизни он ощущал киртовую ткань всем телом, а не только пальцами.

Оставалось надеть верхнюю одежду и шапочку. Последняя оказалась как нельзя кстати. Такие головные уборы не пользовались особой популярностью у молодежи, но кое-кто их носил. К счастью, этот сквайр — тоже. Шапочка плотно прилегала к голове, закрывая волосы, и без нее маскарад стал бы невозможен. Теренс тщательно расправил эластичную ткань и прикрыл уши.

Теперь предстояло сделать последний, неотвратимый шаг. И Теренс внезапно осознал, что убийство патрульного — еще не самое тяжкое преступление.

Теренс поставил бластер на максимум и обратил луч к бесчувственному телу сквайра. Через десять секунд от саркита осталась лишь дымящаяся масса. Теренс рассчитывал, что это затруднит опознание, сбив преследователей с толку.

Мундир патрульного он превратил в кучку белого пепла и аккуратно собрал почерневшие серебряные пуговицы и пряжки, опять-таки надеясь запутать след. Скорее всего, он выгадывал не больше часа, но дело того стоило.

Главное — поскорее убраться прочь. Теренс лишь чуть помедлил у входа в пещеру, озабоченно принюхиваясь. Но — нет, бластер сработал чисто. В воздухе остался почти неуловимый запах горелой плоти, но и его ветерок рассеет через пару минут.

На лестнице Теренс увидел идущую навстречу девушку и по привычке чуть было не опустил глаза. Ведь это сквайресса! Однако он успел опомниться вовремя, чтобы разглядеть, насколько эта юная особа красива и как торопится.

Девушка, конечно, никого не встретит на условленном месте. Но ведь она опаздывает, иначе не стала бы так поглядывать на часы. Поэтому, скорее всего, она сочтет, что ухажер, потеряв терпение, ушел. Теренс ускорил шаг. Ему вовсе не хотелось, чтобы девушка догнала его и начала расспрашивать, не видел ли он молодого человека у пещер.

Теренс, бредя наугад, вышел из парка. Минуло еще полчаса.

И что теперь? Отныне он не патрульный, а сквайр.

Но как быть дальше?

Теренс остановился у фонтана посреди небольшого скверика. К воде подмешали немного растворителя, так что струи пенились и искрились радужной дымкой. Флоринианин встал спиной к заходящему солнцу и, облокотившись на ограду, медленно, по одной уронил опаленные бластером пуговицы в фонтан. Теренс никак не мог отделаться от мыслей о девушке, которую

видел на лестнице. Она была такой юной! Совсем еще девочка... Но староста подумал о Нижнем Городе, и мгновенный приступ раскаяния прошел.

Сейчас, когда он избавился от пуговиц и пряжек, руки освободились. Нетерпеливо и небрежно, словно бы без особой цели, Теренс начал обшаривать карманы.

Ничего особенного там не было — связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности. («Благой Сарк! Так они есть даже у сквайров? Вот только они не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному».)

Судя по документу, теперь он носил имя Алстер Диймон. Теренс, впрочем, надеялся, что у него не возникнет необходимости это имя использовать. В Верхнем Городе обитали всего десять тысяч человек, считая женщин и детей. Но, несмотря на то что шанс встретить знакомых Диймона невелик, им не следовало пренебрегать.

Итак, ему двадцать девять лет. От воспоминаний о содеянном и обугленных останках в пещере Теренса опять затошнило, но он подавил угрызения совести. В конце концов, убитый был сквайром. А сколько двадцатидевятилетних флориниан погибло от рук саркитов или по их приказу? Или даже девятилетних?..

Так, теперь у Теренса есть даже адрес! Но, учитывая его рудиментарные представления о топографии Верхнего Города, это не давало никаких преимуществ.

А это что?

Цветная трехмерная фотография малыша, мальчика лет трех. Когда Теренс вынул ее из рамки, все краски ярко вспыхнули, а после того, как вернул на место, начали постепенно гаснуть. Кто это, сын Диймона? Или племянник? Но в

парке тот ждал совсем молоденькую девушку, значит, ребенок не может быть его сыном.

А если Диймон женат? Тогда встреча в парке была тем, что сквайры называют «тайным свиданием». Но какие могут быть тайные встречи при свете дня? Впрочем, вдали от посторонних глаз, наверное, это осуществимо.

Теренс от души надеялся, что угадал верно. Если девушка встречается с женатым мужчиной, вряд ли сразу поспешит сообщить, что он пропал. Скорее, подумает, что ее милый не смог отделаться от жены. Это дало бы Теренсу дополнительное время.

Так или этак, времени нет. Его охватило отчаяние. В любой момент дети, играя в прятки, могут наткнуться на то, что осталось от Диймона, и всполошить всех вокруг. Все равно в течение суток об убийстве станет известно.

Теренс вернулся к документам. Копия лицензии на вождение яхты... Теренс отложил ее в сторону. У всех зажиточных саркитов есть космические яхты, все умеют их водить. Такова нынешняя мода. Несколько саркийских кредиток. Ну, хоть что-то полезное...

Только сейчас он вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера, когда ужинал у Пекаря. Лучше бы не вспоминать — голод сразу вцепился мертвой хваткой...

Теренс перевернул лицензию. До него вдруг дошло, что владелец яхты мертв, а сама она на месте. Его яхта. Ангар номер 26, порт 9. Хорошо...

— Добрый день. Вы нездоровы? — внезапно послышалось над головой.

Теренс, вздрогнув от неожиданности, вскинул глаза. Перед ним стоял пожилой сквайр. Дым его длинной сигареты источал диковинный аро-

мат, с его золотого браслета свисал какой-то зеленый камень, а на лице читалось заботливое участие, поразившее Теренса до глубины души. Однако он мигом сообразил, в чем дело. Он же теперь один из них! А между собой сквайры могли вести себя вполне достойно и по-человечески.

— Нет, просто отдыхаю, — улыбнулся он. — Решил погулять и забыл о времени. Боюсь, я опоздал на свидание.

Он неопределенно взмахнул рукой. Теренс неплохо освоил саркитский выговор (как-никак он общался со сквайрами очень долго), но постарался не переусердствовать. Преувеличенно правильное произношение всегда заметнее, чем несколько смазанное.

— Застряли здесь без скийтера, да? — Пожилого человека, похоже, забавляло безрассудство молодых.

— Да, без скийтера, — признал Теренс.

— Возьмите мой, — тотчас предложил собеседник. — Я припарковал его прямо у входа. Потом настроите автопилот и отошлете обратно. В ближайший час скийтер мне не понадобится.

Для Теренса это было бы идеальным выходом из трудного положения. Скийтеры мчатся быстро как молния и, несомненно, обгонят любой экипаж патрульных. К несчастью, староста не умел управлять скийтером, а это все равно что пытаться летать без крыльев.

— Отсюда до Сарка, — ответил Теренс. Зная это разговорное выражение, означавшее «спасибо», он поспешил им блеснуть. — Но лучше я прогуляюсь. Ведь до девятого порта недалеко, правда?

— Да, не очень, — согласился пожилой саркит.

Этим он не сообщил Теренсу ничего нового, и тот рискнул еще раз:

— Уж лучше бы я оказался поближе. Прогулка к Киртовому шоссе и сама по себе довольно утомительна.

— Киртовое шоссе? А при чем тут оно?

Действительно пожилой сквайр смотрит на него как-то странно или померещилось? Теренсу вдруг пришло в голову, что одежда сидит на нем плохо.

— Погодите! — поспешно добавил он. — Я, кажется, немного заблудился. Посмотрим... — Староста с рассеянным видом поглядел вокруг.

— Смотрите: это улица Реккет, — вновь поспешил на помощь саркит. — Вам всего-то нужно спуститься до проспекта Триффис и повернуть налево, а там идти до самого порта — прямо. — Он машинально указал направление.

Теренс улыбнулся:

— Вы правы. Пора оставить мечтания и начать мыслить. Отсюда до Сарка, сударь.

— Может, все-таки возьмете мой скийтер?

— Вы очень любезны, но...

Помахав рукой, староста поспешил уйти. Сквайр задумчиво глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда в пещере найдут труп и начнутся розыски, сквайр вспомнит об этой встрече и скажет: «Что-то в нем было странное, если вы понимаете, что я имею в виду. И необычно выговаривал слова, и не знал, где находится. Бьюсь об заклад, он слыхом не слыхивал о проспекте Триффис».

Но это будет завтра.

Теренс двигался в ту сторону, куда указал сквайр. Наконец он увидел мерцающие знаки «Проспект Триффис», довольно туслые на фоне ярко-оранжевого здания, и свернул налево.

Девятый порт кишел молодежью в спортивных костюмах. Отличительной особенностью последних, судя по всему, были высокие остроконечные шляпы и вздувающиеся на бедрах короткие штаны. Теренс чувствовал себя белой вороной, но никто не обращал на него внимания. Со всех сторон то и дело сыпались термины, и флоринианин совершенно не понимал, о чем идет речь.

Теренс отыскал ангар 26, но не рискнул подойти к нему сразу, опасаясь наткнуться на кого-нибудь из соседей. Ведь тех, кто знал Алстера Диймона в лицо, наверняка удивило бы появление здесь незнакомца.

Наконец, убедившись, что ближайшие подступы относительно безопасны, он вошел в ангар. Нос яхты торчал наружу, в сторону взлетного поля, над которым и стояли ангары. Разглядывая яхту, Теренсу пришлось задрать голову.

А дальше что?

За последние двенадцать часов он убил троих. Возвысился от флоринианского старосты до патрульного и от патрульного до сквайра. Перешел из Нижнего Города в Верхний, а оттуда выбрался в космопорт. Теоретически Теренс владел яхтой, то есть вполне надежным средством улететь с Флорины на любую обитаемую планету в этом секторе Галактики.

Оставалось только одно но.

Он не умел управлять яхтой.

Теренс смертельно устал и проголодался. Да, он пришел сюда, но не может двинуться дальше, точно стоял у края пространства, не в силах шагнуть за этот край.

Патрульные уже наверняка убедились, что в Нижнем Городе беглеца нет. Вскоре, как только до их неповоротливых мозгов дойдет, что флоринианин посмел совершить неслыханное преступ-

ление, поиски начнутся и в Верхнем Городе. Облава на сквайра-самозванца.

И вот он, пожалуйста: залез в самый конец тупика и, сидя спиной к стене, способен только слушать, как далекие звуки погони становятся все громче и громче. А потом ищейки разорвут его в клочья.

Три дня назад в руках у Теренса была величайшая возможность всей его жизни. Но возможность эта растворилась, исчезла, как вот-вот испарится и его жизнь.

Глава 11
КАПИТАН

Впервые в жизни капитан Рэйсети не смог заставить пассажира подчиняться приказу. Будь этот пассажир одним из Великих Сквайров, можно было бы надеяться, по крайней мере, на сотрудничество. Пусть дома Великий Сквайр правит целым континентом, он бы все-таки признал, что на корабле должен быть один хозяин, а именно капитан.

Женщины — другие. Все женщины. А дочери Великих Сквайров вообще несносны.

— Моя госпожа, ну как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

Сэмия Файфская сверкнула темными глазами:

— А почему бы и нет? Или они вооружены, капитан?

— Конечно нет. Но не в этом дело.

— Любому видно, что это всего-навсего два напуганных создания. Напуганных до полусмерти.

— От испуга люди порой бывают весьма опасны, моя госпожа. Трудно рассчитывать, что они станут вести себя разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? — В минуты гнева Сэмия слегка заикалась. — Вы приставили к ним троих здоровенных космолетчиков с бластерами. Бедняги! Я этого так не оставлю, капитан!

«Уж это точно», — подумал Рэйсети и решил немного уступить:

— Не угодно ли вам, моя госпожа, объяснить мне, чего именно вы желаете?

— Все очень просто. Я всего-навсего хочу поговорить с ними. Если это флоринцы, как утверждаете вы, то я смогу получить бесценные сведения для своей книги. Но я не смогу ничего добиться, когда они боятся слово сказать от страха. Вот если бы я осталась с ними наедине, все пошло бы прекрасно. Наедине, капитан! Вы понимаете смысл этого слова?

— Но что мне сказать вашему отцу, моя госпожа, если он узнает, что я позволил вам без охраны беседовать с двумя отчаявшимися преступниками?

— Отчаявшимися преступниками? О Великий Космос! Да это двое несчастных глупцов, решивших сбежать со своей планеты и настолько бесхитростных, что умудрились сесть на корабль Сарка! И кстати, откуда мой отец узнает об этом разговоре?

— Если они нападут на вас, все выяснится волей-неволей.

— А зачем им нападать на меня? — Сэмия вскинула кулачки и постаралась вложить в голос всю силу своего неукротимого нрава. — Я *требую*, капитан!

— А как насчет такого решения, моя госпожа?.. — вздохнул капитан Рэйсети. — Я пойду вместе с вами и не стану пугать их, как три космолетчика с бластерами. Я буду один и без бла-

стера на виду. Или, — он, в свою очередь, подпустил нотку металла, — или мне придется вам отказать, моя госпожа.

— Великолепно, — прошипела Сэмия. — Прекрасно. Но если из-за вас я не сумею разговорить этих людей, то лично позабочусь, чтобы вы больше никогда не управляли ни одним кораблем.

Едва Сэмия вошла в арестантскую каюту, Валона прикрыла Рику глаза.

— В чем дело, девушка? — резко бросила Сэмия и только потом вспомнила, что собиралась завести доверительный разговор.

— Он не в себе, госпожа, — с трудом выдавила Валона. — И не знает, что вы сквайресса. Вдруг он посмотрел бы на вас? Но он не хотел сделать ничего плохого.

— О боже! — выпалила Сэмия. — Да пусть себе смотрит. — Она повернулась к капитану: — Эти люди непременно должны оставаться здесь?

— Вы бы предпочли принять их в салоне?

— Наверняка можно было бы найти каюту получше. Не такую мрачную.

— Мрачной она видится вам, моя госпожа. А для них это роскошь. Здесь есть водопровод. Спросите, есть ли водопровод в их домишках на Флорине.

— Ну ладно. Отпустите охрану.

Капитан махнул рукой, и его подчиненные поспешно исчезли. Рейсети установил принесенный им раскладной алюминиевый стул, чтобы Сэмия могла сесть.

— Встать! — скомандовал капитан Рику и Валоне.

— Нет! — тотчас остановила его Сэмия. — Пусть сидят. Вы не должны вмешиваться, капитан.

Она вновь повернулась к пленникам:

— Так ты, значит, с Флорины, девушка?

Валона покачала головой:

— Нет, мы с Вотекса.

— Не бойтесь. Не важно, что вы с Флорины. Никто вас не обидит.

— Мы с Вотекса.

— Но ведь ты сама почти призналась, что с Флорины. Зачем ты закрыла парню глаза?

— Ему нельзя смотреть на госпожу.

— Даже если он с Вотекса?

Валона промолчала.

Сэмия дала ей время подумать, стараясь ободряюще улыбаться.

— Только флоринианам нельзя смотреть на высокородных дам, — наконец сказала она. — Таким-то образом ты и призналась, что с Флорины.

— Но он не с Флорины, — выпалила Валона.

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Пожалуйста, не делайте ему ничего плохого. Он правда не с Флорины. Его нашли. Я не знаю, откуда он, но точно не местный, — зачастила Валона.

Сэмия посмотрела на нее с удивлением:

— Ну ладно, поговорим с ним. Как тебя зовут, юноша?

Рик с любопытством разглядывал ее. Так вот как выглядят женщины-сквайры. Такие маленькие и дружелюбные. И запах от нее чудесный. Хорошо, что ему позволили на нее смотреть.

— Так как же тебя зовут, юноша? — переспросила Сэмия.

— Рик, — ответил он, затем, вспомнив, что это не его настоящее имя, добавил: — Вернее, мне кажется, что Рик.

— Разве ты не знаешь точно?

Помрачневшая Валона попыталась вмешаться, но Сэмия вытянула руку, приказывая ей помалкивать.

— Не знаю, — покачал головой Рик.

— Ты с Флорины?

На сей счет у него сомнений не было.

— Нет. Я был на корабле. Прилетел сюда откуда-то еще. — Он не мог оторвать глаз от Сэмии, но воспринимал ее в привычной обстановке корабля — небольшого, уютного дома. — На Флорину я прилетел. А до этого жил на другой планете, — уточнил он.

— И на какой же?

Казалось, мысль с трудом протискивается сквозь слишком тесные для нее каналы. Но неожиданно Рик вспомнил и пришел в восторг оттого, что может снова выговорить давно позабытое название.

— Земля! Я прибыл с Земли!

— С Земли?

Рик кивнул.

Сэмия взглянула на капитана:

— Где находится планета Земля?

Капитан Рэйсети ухмыльнулся:

— Никогда не слыхал о такой. Да не верьте вы этому проходимцу, моя госпожа. Вранье у них в крови. Туземцы врут как дышат. Этот парень болтает что на ум взбрело.

— Но он говорит совсем не так, как туземцы, — возразила Сэмия. — Так где же твоя Земля, Рик?

— Это... — Он приложил дрожащую руку ко лбу. — Это в секторе Сириуса. — От волнения интонация показалась почти вопросительной.

Сэмия опять повернулась к капитану:

— Сектор Сириуса существует, не так ли?

— Да, есть такой. Удивляюсь, откуда он узнал. Но это не значит, что там есть какая-то Земля.

— Земля существует, — упорствовал Рик. — Я помню. Я знаю об этом с самого рождения. И не могу ошибаться. Это правда. — Он вдруг схватил Валону за локоть и потянул за рукав. — Лона, скажи им, что я прилетел с Земли! С Земли! Это так!

Глаза флоринианки широко распахнулись от страха.

— Как-то раз мы нашли Рика, госпожа, и он совсем ничего не помнил. Не мог сам одеваться, не мог говорить и ходить. Ничего не умел. Но с тех пор вспоминает помаленьку. До сих пор все, что Рик вспоминал, было правдой. — Девушка бросила испуганный взгляд на скучающее лицо капитана. — Он, должно быть, и вправду с Земли, господин. Противоречие не преднамеренное.

Последняя фраза на Флорине была стандартной формой ответа в тех случаях, когда высказывание подчиненного не совпадало с мнением начальства.

— Да хоть из столицы Сарка, — проворчал капитан Рэйсети. — Вы слушайте, они вам наговорят...

— Возможно, и все-таки здесь кроется какая-то тайна. — Сэмия по-женски настроилась на романтический лад. — Я уверена в этом... А почему Рик был таким беспомощным, когда вы его нашли, девушка? Он был ранен?

Валона ответила не сразу. Она беспомощно переводила взгляд с одного собеседника на другого: сначала посмотрела на Рика — тот мучительно тянул себя за волосы, словно пытаясь болью оживить память, потом глянула на высокомерно улыбающегося капитана и, наконец, подняла глаза на Сэмию, что ждала ответа.

— Ответь мне, девушка, — потребовала госпожа сквайр.

Валоне было трудно решиться, но в данном случае никакая ложь не помогла бы утаить истину.

— Однажды Рика осматривал доктор, — чуть слышно пробормотала Валона. — И он сказал, что Рика психозондировали.

— Психозондировали?! — Сэмию окатила волна легкого отвращения. Она даже отодвинулась подальше. Ножки стула с резким скрипом проехали по металлическому полу. — Значит, он был психопатом?

— Я не понимаю, что это значит, госпожа, — смиренно призналась Валона.

— Явно не в том смысле, как вы предполагаете, моя госпожа, — почти одновременно с нею сказал капитан. — Туземцев-психопатов не бывает. У них слишком простые потребности и желания. Никогда не слыхал ни об одном случае помешательства на Флорине.

— Но как же тогда...

— Все очень просто, моя госпожа. Если мы поверим в фантастическую историю, рассказанную нам девушкой, то придется признать, что парень был преступником. В определенном смысле это тоже умственное расстройство. Наверняка его решил «подлечить» один из местных шарлатанов, и, едва не убив пациента, выкинул затем в пустынном месте, чтобы никто об этом не узнал и не подал в суд.

— Но у этого «шарлатана» был психозонд, — возразила Сэмия. — А вы ведь не станете утверждать, что туземцы умеют работать с психозондами?

— Конечно не умеют. Но надеюсь, вы не думаете, что настоящий врач мог обращаться с ним так неумело. И раз уж мы пришли к такому противоречию, то вся эта история — вранье от начала до конца. Я предлагаю вам, моя госпожа,

предоставить расследование нам. Как видите, от разговоров с ними — никакой пользы.

Сэмия заколебалась:

— Возможно, вы правы.

Она встала и с сомнением поглядела на Рика. Капитан тем временем поднял стул и сложил одним резким хлопком.

— Погодите! — Рик вскочил на ноги.

— Прошу вас, моя госпожа, — сказал капитан, придерживая дверь открытой. — Мои люди его успокоят.

Сэмия остановилась на пороге:

— Они не сделают ему больно?

— Не думаю, что парень доведет нас до крайностей. С ним будет легко управиться.

— Госпожа! Госпожа! — кричал Рик. — Я могу доказать, что я с Земли!

Сэмия нерешительно застыла в дверях:

— Послушаем, что он скажет.

— Как вам будет угодно, моя госпожа, — сухо ответил капитан.

Сэмия снова вошла в каюту, но остановилась в шаге от двери.

Рик весь горел. От усилий вспомнить губы его растянулись в подобии гротескной улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и на ней ничто не росло. Было совсем немного мест, где могли жить люди. Вот почему я стал космоаналитиком. Вот почему хотел всегда оставаться в пространстве. Моя планета была мертва.

Сэмия поежилась:

— Пойдемте, капитан. Несчастный просто бредит.

Однако на сей раз в нерешительности, открыв от удивления рот, застыл капитан.

— Радиоактивная планета! — пробормотал он.

— Вы хотите сказать, что такое возможно? — изумилась Сэмия.

— Да. — Рэйсети окинул ее отрешенным взглядом. — Интересно, откуда он узнал?

— Разве может радиоактивная планета быть обитаемой?

— Да, такая планета есть. И она находится в секторе Сириуса. Названия я не помню, но не исключено, что и в самом деле Земля.

— Это и есть Земля, — гордо и уверенно подтвердил Рик. — Это самая древняя планета в Галактике. Оттуда произошло все человечество.

— Верно, — кивнул капитан.

— Вы хотите сказать, что человечество действительно происходит с Земли? — недоуменно вскинула брови Сэмия.

— Нет, вовсе нет, — протянул капитан задумчиво. — Это сказки. Правда то, что радиоактивная планета существует, и я слыхал легенды, где ее называли родиной людей.

— Не думала, что у всех людей есть какая-то общая родина.

— Но должны ведь мы были откуда-то расселиться? Конечно, никто не в состоянии с уверенностью сказать, откуда именно.

Капитан, внезапно решившись, приблизился к Рику.

— А что еще ты помнишь? — спросил он и чуть не добавил «парень», но сдержался.

— Больше всего корабль, — ответил Рик. — И космоанализ.

Сэмия подошла к капитану. Теперь оба они стояли перед Риком, и Сэмия почувствовала, как в ней опять пробуждается любопытство.

— Так это правда? Тогда кто и зачем его психозондировал?

— Кто психозондировал... — нахмурился капитан Рэйсети. — Что, если спросить его самого? Послушай, кто ты там есть, туземец или чужеземец, как тебя психозондировали?

Рик нерешительно посмотрел на них:

— Все это повторяют. Даже Валона. Но мне непонятен смысл этого слова.

— Тогда скажи, когда и как ты потерял память?

— Точно не помню. — Рик снова начал волноваться. — Я был на корабле.

— Это мы знаем. Продолжай.

— Не наседайте, капитан, — вмешалась Сэмия. — Иначе он растеряет и остатки памяти.

Рик настолько сосредоточился, пытаясь заглянуть за темную пелену, окутавшую его сознание, что едва расслышал слова Сэмии. Такая концентрация усилий совершенно не оставляла места для эмоций. И Рик, к своему собственному удивлению, вдруг заявил:

— Я его не боюсь, госпожа. Просто пытаюсь вспомнить. Существовала какая-то опасность. В этом я уверен. Очень большая опасность для Флорины, но какая именно, я не помню.

— Угроза для всей планеты? — Сэмия, метнув взгляд на капитана, вновь повернулась к Рику.

— Да. Это связано с течениями.

— Какими течениями? — встрял капитан.

— Космическими.

Рейсети развел руками:

— Это безумие!

— Нет-нет, пусть продолжает. — К Сэмии вернулась былая готовность поверить. Губы ее приоткрылись, глаза блестели, от улыбки на щеках появились ямочки. — Что такое космические течения?

— Разные элементы, — уклончиво ответил Рик. Он уже объяснял это раньше и не хотел повторять. Быстро, почти бессвязно он спешил поделиться воспоминаниями, по мере того как они всплывали в уме. — Я послал сообщение в местный отдел на Сарке. Я точно помню. Опасность угрожала всей Флорине. Да. И даже не ей одной. Полоса шириной с Млечный Путь. Следовало действовать очень осторожно.

Рик, словно позабыл об аудитории, перенесся в то время, что постепенно проступало сквозь пелену тумана. Валона, пытаясь успокоить, положила руку ему на плечо и прошептала: «Не волнуйся», но Рик не обратил внимания даже на это.

— Видимо, — продолжал он задыхаясь, — мое сообщение перехватил какой-то чиновник на Сарке. Видимо, ошибочно. Не знаю, как это случилось. — Он нахмурился: — Я абсолютно уверен, что передавал сообщение в местный отдел Бюро на его обычной длине волны. Как вы думаете, можно ли перехватить передачу в субэфире? — Рик ничуть не удивился, что с его языка легко сорвалось это слово. Вряд ли он надеялся получить ответ — глаза отрешенно смотрели в прошлое. — Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали...

Снова пауза, на этот раз долгая — Рик явно размышлял. Капитан не торопил его, он и сам о чем-то задумался.

— Кто ждал тебя? Кто? — не вытерпела Сэмия.

— Не знаю... не могу вспомнить, — ответил Рик. — Это был не местный представитель Бюро, а кто-то с Сарка. Я помню разговор с этим человеком. Он знал об опасности. И говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом. Я

помню этот стол. Человек сидел напротив меня. Это ясно как космос. Мы довольно долго спорили. Кажется, я не хотел разглашать подробности. Да, точно. Я собирался сначала все обсудить с представителями Бюро. А потом он...

— Да? — вырвалось у Сэмии.

— Он сделал что-то. Он... Нет, ничего не помню. Ничего больше не помню! — жалобно крикнул Рик.

После этого в каюте наступила глубокая тишина. Нарушило ее прозаическое жужжание коммуникатора на руке капитана.

— В чем дело? — спросил он.

— Сообщение с Сарка для капитана, — доложил преисполненный почтения голос. — Необходимо личное присутствие.

— Хорошо, я сейчас приду в рубку. Он повернулся к Сэмии: — Моя госпожа, осмелюсь напомнить, что близится время обеда.

Он видел, что аристократка тотчас начнет спорить, ссылаясь на отсутствие аппетита, лишь бы остаться наедине с пленниками. И он решил прибегнуть к уловке:

— Надо также накормить и этих несчастных. По-видимому, они проголодались и устали.

На это Сэмия ничего не могла возразить.

— Я должна побеседовать с ними еще раз, капитан.

Рэйсети учтиво поклонился. Уступка это или нет — судить ей.

Сэмию Файфскую охватило радостное возбуждение. Историей Флорины она занималась только потому, что это до какой-то степени удовлетворяло жажду интеллектуального превосходства. Но «таинственное дело о психозондированном землянине» (так Сэмия окрестила про себя Рика) затрагивало в душе нечто более глубокое, первобытное.

Высокородная дама испытывала животное любопытство.

Тайна!

И здесь Сэмию волновали три основных вопроса. Конечно, прежде чем решать их, следовало определить для себя, как оценить историю незнакомца; правда это, откровенная ложь или фантазия. Но в последних двух случаях ни о какой тайне и речи быть не могло, а Сэмия не желала с ней расставаться!

Итак, возникало три вопроса. Первый: какая опасность угрожает Флорине, а то и всей Галактике? Второй: кто подверг землянина психозондированию? Третий: зачем это было сделано?

Сэмия твердо намеревалась разрешить загадку собственными силами и получить от этого максимум удовольствия. В жизни любого, даже самого скромного человека бывают мгновения, когда он мечтает стать великим сыщиком, блеснуть умственными способностями, а Сэмия отнюдь не страдала недостатком веры в себя.

Она подошла к охраннику:

— Откройте дверь!

Космолетчик продолжал стоять как вкопанный, почтительно уставясь в некую точку над головой высокородной дамы.

— С позволения вашей милости, эту дверь велено не открывать, — доложил он.

Сэмия задохнулась от гнева:

— Да как ты смеешь? Если ты сию секунду не откроешь дверь, я скажу капитану!

— С позволения вашей милости, дверь не может быть открыта. Это приказ капитана.

Сэмия вновь пролетела по лестницам и ворвалась в каюту Рэйсети подобно торнадо, сжатому в шестидесятидюймовую точку бешеного накала.

— Капитан!

— Да, моя госпожа?

— Это вы распорядились не пускать меня к землянину и туземной женщине?

— Насколько я помню, моя госпожа, мы договорились, что беседовать с ними вы будете только в моем присутствии.

— Но это было до обеда. И вы сами признали, что они безобидны.

— Я сказал лишь, что эти двое не похожи на опасных.

Сэмия едва сдержала гнев:

— В таком случае я приказываю вам идти со мной.

— Не могу, моя госпожа. Ситуация изменилась.

— В чем?

— Этих людей надлежит передать компетентным властям на Сарке, а до тех пор, думаю, им следует оставаться в одиночестве.

Сэмия рот открыла от удивления, но тут же опомнилась и приняла более достойный вид:

— Но вы, конечно, не собираетесь передавать их Бюро по делам Флорины?

— Именно так я хотел поступить с самого начала. Туземцы покинули свой поселок без разрешения. Хуже того, самовольно покинули планету. И вдобавок тайно пробрались на саркийский корабль.

— По ошибке.

— А так ли это?

— Но ведь обо всех упомянутых преступлениях вы знали и до нашего разговора! Что заставило вас передумать?

— То, что я услышал от так называемого землянина.

— «Так называемого»! Да вы сами признали, что есть такая планета — Земля.

— Я сказал лишь, что она может существовать. Не сочтите за дерзость, моя госпожа, но могу ли я спросить: а как, по вашему мнению, следует поступить с этими людьми?

— Я думаю, землянина необходимо допросить и выяснить все подробности. Он говорил о какой-то угрозе Флорине и о том, что некая личность на Сарке не пожелала сообщать о ней властям. Полагаю, этот случай заслуживает внимания моего отца. Со временем я сама хотела бы поставить его в известность.

— Поистине мудрое решение!

— Это что, сарказм, капитан?

Рэйсети покраснел:

— Прошу прощения, моя госпожа. Я думал о преступниках, а не о вас. Могу ли я высказать несколько соображений о подоплеке их появления на борту?

— Не знаю, что вы под этим подразумеваете, — сердито бросила Сэмия, — но попытайтесь.

— Благодарю. В первую очередь, моя госпожа, надеюсь, вы не преуменьшаете значение беспорядков на Флорине.

— Каких еще беспорядков?

— Вы, конечно, помните о происшествии в библиотеке?

— Об убийстве патрульного? Разумеется!

— И об убийстве второго патрульного сегодня утром, моя госпожа. Причем опять-таки местным жителем. Туземцы не убивают патрульных, а этот убил двоих и пока не пойман. Был ли он один? Случайность это или часть хорошо спланированного заговора?

— Вы, конечно, верите в заговор.

— Да, верю. У этого убийцы было два сообщника. И, судя по описанию, они очень напоминают задержанных нами беглецов.

— Раньше вы об этом не упоминали!

— Я не хотел тревожить вашу милость, но, как вы помните, постоянно твердил, что пленники могут быть опасны.

— Ладно. И что из всего этого следует?

— Не совершались ли убийства на Флорине только для отвода глаз, чтобы отвлечь внимание патрульных и дать возможность этим двоим пробраться на наш корабль?

— Чушь!

— Ой ли? Почему эти двое бежали с Флорины? Мы не успели спросить. Предположим, они спасались от патрульных, поскольку это самое правдоподобное объяснение. Не зачем было летать на Сарк? Да еще на том же корабле, где путешествует высокородная госпожа? Вдобавок один из беглецов заявляет, что работал космоаналитиком.

— А это тут при чем? — сдвинула брови Сэмия.

— Около года назад и в самом деле исчез космоаналитик. Официально об этом не сообщалось. И я знаю об этом только потому, что, как и командиры других кораблей, участвовал в поисках. Те, кто повинен в беспорядках на Флорине, явно ухватились за этот факт. А то, что им стало известно об исчезновении ученого, доказывает, насколько эффективна их организация и как оперативно они получают секретные сведения.

— Но между землянином и пропавшим космоаналитиком, возможно, нет никакой связи.

— Прямой связи нет, моя госпожа, и в этом я не сомневаюсь. Но если не допустить хотя бы косвенной, то выходит слишком много совпадений. Боюсь, мы имеем дело с самозванцем. Потому-то он и утверждает, что его психозондировали.

— О?!

— Как мы можем доказать, что этот человек — не космоаналитик? О Земле он ничего не знает,

кроме того, что она радиоактивна. Управлять кораблем не умеет. В космоанализе явно не силен. Все это объясняется воздействием психозонда. Вы понимаете, что я имею в виду, моя госпожа?

Сэмия не могла найти веских контраргументов.

— Но зачем им все это? — спросила она.

— Чтобы вы поступили так, как и намеревались, моя госпожа.

— То есть взяла на себя расследование этой загадочной истории?

— Нет, моя госпожа. Чтобы вы доставили пленника к своему отцу.

— Я все-таки не понимаю...

— Тут может быть несколько вариантов. В лучшем случае он собирался шпионить за вашим отцом в пользу Флорины или Трантора. Мне кажется, старик Эйбл, транторианский посол, тотчас признал бы в нем землянина — хотя бы для того, чтобы потребовать у Сарка объяснений по поводу психозондирования и поставить наши власти в крайне неприятное положение. В худшем случае преступник убил бы вашего отца.

— Капитан!

— Да, моя госпожа?

— Это смехотворно!

— Воля ваша, моя госпожа. Но в таком случае посмешище и департамент безопасности. Вы помните, что перед обедом я получил сообщение с Сарка?

— Естественно.

— Вот оно.

Сэмия взяла у капитана ленту тонкой прозрачной фольги, исписанную красными буквами: «Двое флориниан тайно проникли на ваш корабль. Задержать немедленно. Один из них может за-

явить, что он космоаналитик, а не туземец с Флорины. Не предпринимайте никаких действий. Вы отвечаете за сохранность этих людей. Держать в строгой изоляции до передачи в депбез. Строго секретно. Крайне срочно».

— В депбез! — ошарашенно повторила Сэмия. — В департамент безопасности!

— Да, и с пометкой «строго секретно», — добавил капитан. — Я не имел права об этом говорить, но вы меня вынудили, моя госпожа.

— Что они с ним сделают?

— Точно сказать не могу, — покачал головой капитан. — Но с тем, кого подозревают в шпионаже и покушении на убийство, вряд ли станут церемониться. Возможно, выдумка обернется правдой и он действительно испытает, что такое психозондирование.

Глава 12
ДЕТЕКТИВ

Четыре Великих Сквайра восприняли заявление Сквайра Файфского по-разному. Сквайр Бортский рассердился, Сквайр Рунский ухмыльнулся, Сквайр Балльский скривился, а Сквайр Стинский испугался.

Первым заговорил Рун:

— Государственная измена? Вы что, хотите запугать нас хлесткими фразами? Что это значит? Измена кому? Сквайру Бортскому? Мне? Кто кому изменил и как? Ради всего Сарка, Сквайр Файфский, помилуйте, эти совещания нарушают мой сон, мне давно пора спать!

— Последствия этого дела могут лишить сна очень многих, — отрезал Сквайр Файфский. —

Речь идет не об измене нам лично, я об измене Сарку.

— Сарку? — удивился Сквайр Бортский. — А что такое Сарк, если не мы?

— Назовем это мифом, тем, во что верят рядовые саркиты.

— Не понимаю, — жалобно заныл Сквайр Стинский. — Вы все время пытаетесь переспорить друг друга. Довольно! Говорите прямо.

— Я согласен со Сквайром Стинским, — кивнул Сквайр Балльский, и тот бросил на него благодарный взгляд.

— Что же, это вполне отвечает моему желанию объясниться немедленно, — сказал Сквайр Файфский. — Вы, вероятно, слышали о последних беспорядках на Флорине?

— По сводкам департамента безопасности, убито несколько патрульных. Вы это имеете в виду? — спросил Сквайр Рунский.

— Клянусь Сарком! — зарычал Сквайр Бортский. — Если уж проводить совещание, то давайте поговорим о патрульных. Тоже мне — убили патрульного! И поделом! По-вашему, нормально, что туземец мог просто так подойти к патрульному и огреть его палкой по голове? Какого черта наемник вообще подпустил к себе туземца с палкой? Почему не испепелил его за двадцать шагов? Я еще встряхну Патрульный корпус от командиров до рядовых, клянусь Сарком! Позабочусь, чтобы каждый из этих болванов выполнял свой долг! Скопище жирных бездельников! Распустились от легкой жизни. Говорю вам, каждые пять лет надо вводить на Флорине военное положение и очищать планету от смутьянов. Тогда туземцы будут сидеть тише воды, а наши охранники — всегда стоять начеку.

— Вы закончили? — осведомился Сквайр Файфский.

— Пока да. Но я еще вернусь к этой теме. Как-никак я тоже вкладываю туда средства, если вы не забыли. Может, моя доля не настолько велика, как ваша, Файфский, но достаточна, чтобы я беспокоился.

Сквайр Файфский, пожав плечами, внезапно повернулся к Сквайру Стинскому:

— А *вы* слыхали о беспорядках?

Тот буквально подскочил в кресле:

— Я... слыхал. Во всяком случае, то, что вы говорили...

— Вы не ознакомились с сообщениями департамента безопасности?

— Ну, не совсем. — Сквайр Стинский принялся сосредоточенно разглядывать длинные ногти, по последней моде выкрашенные в медный цвет. — У меня не всегда есть время читать *все* сообщения. Я не знал, что от меня этого потребуют. То есть, — собравшись с духом, он посмотрел Сквайру Файфскому в глаза, — я не знал, что вы составляете для меня какие-то предписания. Правда-правда.

— Я ничего вам не навязываю, — пояснил Сквайр Файфский. — Просто, если вы не знаете подробностей, я могу вам их сообщить. Другим тоже будет интересно послушать.

Удивительно коротко и доступно ему удалось изложить события последних сорока восьми часов в самой прозаической форме. Сначала в библиотеку поступает неожиданный запрос книг по космическому анализу. Затем следует нападение на пожилого патрульного, каковой два часа спустя умирает вследствие черепно-мозговой травмы. Преследование заканчивается у порога убежища транторианского агента. Второй патрульный по-

гибает на заре, и убийца переодевается в его форму. Транторианский агент, в свою очередь, также убит через несколько часов.

— Если вас интересуют самые последние новости, — подвел итог Сквайр Файфский, — то к этому, внешне непримечательному списку следует присовокупить, что сегодня в Городском парке на Флорине было найдено тело — вернее, то, что от него осталось.

— А труп опознан? — спросил Сквайр Рунский.

— Минутку, господа. Поблизости нашли кучку пепла, судя по всему — от одежды. Всю металлическую фурнитуру кто-то удалил, но анализ пепла показывает, что сожжен мундир патрульного.

— Так это был наш преступник? — осведомился Сквайр Балльский.

— Не похоже, — ответил Сквайр Файфский. — Зачем убивать его тайком?

— Самоубийство, — злобно предположил Сквайр Бортский. — Этот проклятый подонок сообразил, что ему недолго осталось бегать и уж лучше умереть таким вот образом. Лично я бы выяснил, кто из патрульных позволил убийце разгуливать на свободе до тех пор, пока ему не вздумалось покончить с собой, и дал бы этим лентяям бластеры с одним зарядом.

— Вряд ли это самоубийство, — заметил Сквайр Файфский. — Иначе придется предположить, что наш преступник, покончив с собой, разделся, сжег мундир и вынул из пепла пуговицы с пряжками. Или сначала снял мундир, спалил его, забрал пуговицы, выбежал из пещеры голый, избавился от пуговиц, а затем вернулся и устроил самосожжение.

— Это произошло в одной из декоративных пещер парка?

— Да.

— Значит, у негодяя было полным-полно времени, — не сдавался воинственный Сквайр Бортский, не любивший отказываться от своих теорий. — Он мог сначала оторвать пуговицы и пряжки, а потом...

— А вы когда-нибудь пытались оторвать пуговицы с такого мундира, предварительно его не испепелив? — ехидно спросил Сквайр Файфский. — И можете ли вы объяснить побудительные причины столь страшного поступка, будь в пещере действительно труп преступника-самоубийцы? Впрочем, у меня уже есть доклад медиков, исследовавших строение костей. Скелет не принадлежит ни патрульному, ни флоринианину. Это скелет саркита.

Сквайр Стинский вскрикнул: «Правда?!» Старческие глаза Сквайра Балльского широко распахнулись. Искусственые зубы Руна на миг хищно сверкнули во тьме окружавшего его куба. Даже Сквайр Бортский, казалось, был потрясен.

— Надеюсь, вам все понятно? — обронил Сквайр Файфский. — Это объясняет, почему из пепла убрали металлические украшения мундира. Убийца, кем бы он ни был, надеялся, что пепел примут за одежду саркита, снятую и уничтоженную до убийства. Тогда мы могли бы счесть происшедшее самоубийством по личным мотивам, никак не связанным с преступником, выдающим себя за патрульного. Но убийца не знал, что анализ пепла может установить отличие кирта саркитской одежды от целлюлозы мундира патрульного, даже если удалить все пуговицы и пряжки.

Итак, зная, что рядом с телом саркита найден пепел от мундира, мы вправе предположить, что по Верхнему Городу гуляет староста, одетый как саркит. Наш флоринианин слишком долго при-

крывался формой патрульного и, поняв, что это стало опасно, решил стать сквайром. Каковое превращение и совершил — единственным доступным ему способом.

— Преступника поймали? — глухо спросил Сквайр Бортский.

— Нет.

— Почему нет? Почему, ради всего Сарка?!

— Его обязательно поймают, — равнодушно отмахнулся Сквайр Файфский. — Но сейчас у нас есть заботы поважнее. Последнее убийство — сущий пустяк в сравнении с ними.

— Ближе к делу! — немедленно потребовал Сквайр Рунский.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас: помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году?

Сквайр Стинский хихикнул.

Сквайр Бортский с нескрываемым презрением буркнул: «Опять?»

— А что, между этими событиями есть какая-то связь? — полюбопытствовал Сквайр Стинский. — Или мы снова будем рассуждать на прошлогодние темы? Я устал.

— Все вчерашние и позавчерашние события начались с того, что во Флоринианской библиотеке затребовали книги по космическому анализу, — невозмутимо продолжал Сквайр Файфский. — Мне этого достаточно, чтобы уловить связь. Посмотрим, сумею ли я убедить вас. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу несколько минут меня не перебивать.

Во-первых, староста. Он самый опасный из троих. На Сарке получал превосходные характеристики, как восприимчивый и надежный материал. К сожалению, староста обратил свои способности

против нас. Несомненно, это он виновен во всех четырех убийствах. Настоящий рекорд для кого угодно. А если учесть, что среди убитых — двое патрульных и один саркит, то для туземца это попросту невероятно. И преступника все еще не поймали.

Во-вторых, туземная женщина. Малограмотна и ровно ничего из себя не представляет. Однако в последние дни мы провели кое-какие дополнительные расследования и теперь знаем подробности ее биографии. Ее родители были членами «Души кирта», если вы помните этот наивный крестьянский заговор, с легкостью подавленный нами лет двадцать назад.

А теперь перейдем к третьему лицу, самому необычному. Это слабоумный рабочий с фабрики.

При этих словах Сквайр Бортский с шумом выдохнул, а Сквайр Стинский снова хихикнул. Сквайр Балльский сидел не открывая глаз, а Рун в своем темном кубе не подавал никаких признаков жизни.

— Слово «слабоумный» я использовал отнюдь не в переносном смысле, — продолжал Сквайр Файфский. — Несмотря на все усилия департамента безопасности, его историю невозможно проследить дальше десяти с половиной месяцев. Этого человека нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного умственного расстройства. Он не умел ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметим теперь, что «слабоумный» появился неизвестно откуда через несколько недель после исчезновения космоаналитика. И обратим внимание, что за несколько месяцев он научился говорить и даже работать на киртовой фабрике. Может ли идиот так быстро учиться?

— Ну, если бы его психозондировали особым образом, то тогда... — с чувством подхватил было Стин, но тут же увял.

— Думаю, лучшего специалиста в этой области нам не найти, — язвительно бросил Сквайр Файфский. — Однако, даже не спрашивая Стина, тот же вывод сделал и я. Это единственное объяснение.

Психозондировать этого человека могли только на Сарке или в Верхнем Городе на Флорине. Для полноты картины были проверены все амбулатории и кабинеты в Верхнем Городе. И нигде не нашлось следов незаконного использования психозонда. Потом один из наших агентов догадался проверить записи врачей, умерших с тех пор, как появился слабоумный. Я позабочусь, чтобы этого агента повысили.

Запись о нашем «идиоте» отыскалась-таки в одном кабинете. Месяцев шесть назад его приводила на обследование работница, вторая из нашей тройки. По-видимому, туземка действовала тайно, так как в тот день она отсутствовала на фабрике совсем по другой причине. Доктор, обследовав «идиота», обнаружил явные признаки воздействия психозонда.

А теперь — самое любопытное. Доктор был из тех идеалистов, что держат кабинеты одновременно в Верхнем и Нижнем Городе, полагая, что туземцы заслуживают первоклассной медицинской помощи. При этом он педантично делал копии карточек для обоих кабинетов, чтобы лишний раз не подниматься на лифте. Кроме того, мне кажется, таким образом врач тешил свои идеалистические амбиции, думая, что не делает различий между саркитами и флоринианами. Так или этак, единственная карточка без копии касалась именно нашего «идиота».

Почему так получилось? Если по какой-то причине доктор решил не делать копию, то с какой стати единственная карточка оказалась в Верхнем

Городе, а не в Нижнем? Ведь пациент — флоринианин, привела его флоринианка, и обследование проходило в нижнем кабинете. Все это подробно указано в карточке.

Разгадка тут может быть только одна. Доктор, как обычно, завел две карточки, но ту, что хранилась в нижнем кабинете, уничтожил некто, не подозревавший о наличии копии. Подробнее мы вернемся к этому позже.

На карточке была пометка о необходимости включить ее данные в ближайший периодический доклад для департамента безопасности. И это правильно. Любой случай психозондирования касается либо преступника, либо человека с извращенной психикой. Но сведения в доклад не попали. Через неделю доктор погиб в транспортной катастрофе. Как по-вашему, не многовато ли совпадений?

Сквайр Балльский открыл глаза.

— Вы сочинили целый детективный роман, — прошелестел он.

— Да, — самодовольно подтвердил Сквайр Файфский, — именно так. И детектив в нем — я.

— А кто преступник? — спросил усталым шепотом Сквайр Балльский.

— Подождите, дайте мне насладиться ролью детектива.

По мнению Сквайра Файфского, создавшееся положение представляло серьезную опасность для Сарка, и все же он получал огромное удовольствие, распутывая клубок противоречий.

— Рассмотрим историю с другой стороны, — продолжал он. — Забудем на какое-то время об «идиоте» и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем, — это сообщение Бюро транспорта о скорой посадке его корабля. Одновременно было получено сообщение, сделанное им самим.

Но космоаналитик так и не появляется. В ближнем космосе следов корабля нет. Кроме того, исчезает сообщение, посланное ученым в Бюро Космических Перевозок. Межзвездное Космоаналитическое Бюро утверждает, что мы намеренно скрывали этот документ. Департамент безопасности считает, что Космоаналитическое Бюро выдумало все это в целях пропаганды. Теперь мне думается, что и те и другие не правы: сообщение и в самом деле было послано, но правительство Сарка его не скрывало.

Представим себе, что некто (назовем его пока просто Икс) имеет доступ к записям БКП. Узнав о космоаналитике и о посланном им сообщении, он, будучи решителен и умен, тотчас начинает действовать. Икс тайком посылает на корабль космоаналитика субэфирограмму, направляя его на посадку в маленький частный порт. Ученый садится, и там его встречает Икс.

Икс похищает из БКП. сообщение о возможной гибели планеты. И делает он это по двум вероятным причинам: во-первых, уничтожив улики, легче запутать расследование, а во-вторых, имея при себе этот документ, можно завоевать доверие безумного космоаналитика. Если бы тот соглашался говорить только в присутствии своего начальства, Икс, показав копию сообщения, сумел убедить, что уже знает самое главное.

И космоаналитик, несомненно, заговорил. Какими бы непоследовательными и безумными ни казались его слова, Икс понял, что ему выпала прекрасная возможность для шантажа. Он посылает анонимные письма Великим Сквайрам, то есть нам. В то время действия и планы этого человека, по всей видимости, совпадали с теми, что я тогда приписывал Трантору. В случае нашего отказа он намеревался распустить слухи о гибе-

ли Флорины, сорвать производство кирта и принудить нас к капитуляции.

Но затем Икс начал допускать просчеты. Что-то его напугало. Позже мы еще вернемся к этому. В любом случае он решил подождать. Но тут возникала одна загвоздка. Икс не воспринимал заявления космоаналитика всерьез, но сам ученый, вне всяких сомнений, искренне верил в существование всегалактической угрозы. Нужно было сделать так, чтобы тот пока воздержался от пророчества о близком конце света.

Космоаналитика можно было утихомирить, только выключив на время его помутненное сознание. Конечно, Икс мог его и убить, но, мне кажется, ученый был для него источником дополнительных сведений, поскольку Икс, ничего не смысля в космоанализе, не сумел бы убедительно лгать в своих шантажистских письмах. Кроме того, в случае провала за него можно было получить хотя бы выкуп. Поразмыслив, Икс прибегнул к психозондированию. После этого у него на руках оказался не космоаналитик, а безмозглый дурачок, до поры до времени не причинявший особых хлопот. В то же время через какой-то срок его разум должен был восстановиться.

Что дальше? Как добиться, чтобы в течение целого года никто не нашел космоаналитика и, более того, чтобы не один представитель власти не видел даже идиота? Икс поступил гениально просто: он перевез своего подопечного на Флорину, превратив в полоумного туземца, работающего на киртовой фабрике.

Полагаю, в течение этого года Икс или его доверенное лицо навещали те места, куда был отправлен космоаналитик, чтобы убедиться в его сохранности. Во время одного из таких посещений Икс каким-то образом узнал, что «идиота»

водили к врачу, а тот, естественно, обязан доложить о нем кому следует. Поэтому врача убрали, а его запись исчезла, но только в Нижнем Городе. И это стало первым просчетом Икса. Он не подумал, что в верхнем кабинете может оказаться копия.

Вскоре Икс допустил и второй просчет. Космоаналитик приходил в себя слишком быстро, и у старосты поселка хватило ума сообразить, что он не просто бредит. Возможно, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала старосте о психозондировании. Но это лишь догадка.

Вот вам вся история.

Сквайр Файфский, сцепив короткие пальцы, ждал реакции слушателей.

Первым отозвался Сквайр Рунский. Чуть ранее круг тьмы исчез, и теперь было видно, как сквайр мигает и улыбается.

— Не слишком развлекательная история, Сквайр Файфский. Еще пара минут — и я заснул бы в темноте.

— Насколько я вижу, — протянул Сквайр Балльский, — вы придумали очередную небылицу. Все это на девять десятых домыслы.

— Чушь собачья! — отрезал Сквайр Бортский.

— Но кто же этот Икс? — спросил Сквайр Стинский. — Если не знать, кто Икс, то смысла в вашем рассказе не много. — И он изящно зевнул, прикрывая губы ладонью.

— По крайней мере одному из вас все понятно без комментариев! — выпалил Сквайр Файфский. — Личность Икса и есть самое главное. Давайте рассмотрим, какими характеристиками он должен обладать, если мой анализ точен. Икс связан с Гражданской Службой. Он может приказать использовать психозонд. Он не сомневается, что ус-

пешно проведет кампанию шантажа. Он способен без помех переправить космоаналитика с Сарка на Флорину и подстроить смерть врача. Все это не по силам простому смертному. Следовательно, он должен быть Великим Сквайром. Не так ли?

Сквайр Бортский вскочил, но, понимая, что его голова исчезла из поля зрения собеседников, снова сел. Сквайр Стинский разразился истерическим смехом. Утонувшие в складках жира глаза Сквайра Рунского лихорадочно заблестели. Сквайр Балльский медленно покачал головой.

— Кого, во имя Космоса, вы обвиняете? — рявкнул Борт.

— Пока никого. — Сквайр Файфский оставался спокойным. — Точнее, никого конкретно. Давайте поглядим. Нас пятеро. Никто другой на Сарке не мог сделать того, что сделал Икс. Это можно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего, это не я.

— Думаете, мы поверим вам на слово? — фыркнул Сквайр Рунский.

— А на слово — и ни к чему, — возразил Сквайр Файфский. — Только у меня одного нет никаких побудительных мотивов. Икс хочет добиться контроля над киртовой промышленностью. А я и так ее контролирую. Я владею третью флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и торговый флот настолько сильны, что при желании я мог бы вытеснить всех вас. Мне просто незачем прибегать к вымогательству.

Собравшиеся зашумели, и Сквайру Файфскому пришлось повысить голос, чтобы их перекричать:

— Послушайте! У каждого из вас есть причины для недовольства. У Сквайра Рунского — самый маленький материк и наименьшая доля вкладов. Я знаю, что ему это не по праву. Более

того, весьма досадно, как бы он ни притворялся. Сквайр Балльский происходит из старинного рода, в свое время правившего всем Сарком. Пожалуй, о таком трудно забыть. Сквайра Бортского раздражает, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может свободно проводить на своих землях политику хлыста и пистолета. У Сквайра Стинского крайне разорительные привычки, а финансовое положение оставляет желать лучшего. Потому он не прочь поживиться за чужой счет. Вот вам все возможные мотивы: зависть, жажда власти, алчность, престиж. Так кто же из вас Икс?

В тусклых глазах Сквайра Балльского неожиданно сверкнула злоба.

— А то у вас нет собственных догадок!

— Дело не в том. Куда важнее другое. Помните, я говорил, что Икса (пусть пока побудет Иксом) что-то напугало, после того как он разослал нам письма? Что могло его испугать? На первом совещании я говорил о необходимости совместных действий. Икс присутствовал на нем, как и сейчас. Он понял, что наше единство означает для него поражение. Он рассчитывал, что мы, сохраняя верность устаревшему принципу автономии материков, будем спорить между собой до самого конца, каковой окажется плачевным. Но расчеты не оправдались, поэтому Икс решил подождать, пока не представится возможность нанести очередной удар.

И он до сих пор ждет. Следовательно, мы должны быть едины, а для этого есть только один безопасный путь. Пора покончить с автономией материков. Отныне мы не можем позволить себе такую роскошь, ибо козни Икса окончатся только после нашего экономического краха или вмешательства Трантора. Доверять можно только

мне, поэтому отныне я встаю во главе объединенного Сарка. Вы на моей стороне?

Великие Сквайры повскакивали со своих мест, громко негодуя. Сквайр Бортский размахивал кулаками. На губах у него выступила пена. Однако физически все они были бессильны, и Сквайр Файфский улыбнулся. Каждый из недовольных пребывал на своем материке, и он совершенно спокойно сидел за столом, наблюдая, как они буйствуют.

— У вас нет выбора, — заметил Сквайр Файфский. — За год после нашего памятного совещания я успел все подготовить. И сейчас, пока вы сидели, слушая «детектив», преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена! — вскричали сквайры.

— Измена автономии материков, — уточнил Сквайр Файфский. — Но верность Сарку.

Сквайр Стинский нервно ломал пальцы, казавшиеся особенно бледными из-за покрытых яркой пленкой ногтей.

— Но виноват ведь только Икс. Даже если это один из нас, то остальные трое — ни при чем. Я не Икс. — Тут он нервно огляделся по сторонам. — Это они!

— Невиновные при желании могут стать членами моего правительства. Им нечего терять.

— Вы не хотите сказать, кто виноват! — пролаял Сквайр Бортский. — Так и будете кормить нас сказками про Икса, пока, пока... — Он задохнулся от ярости.

— Да, пока не скажу. О том, кто такой Икс, я узнаю в течение суток. Видите ли, господа, пресловутый космоаналитик найден, и он у меня в руках.

Все мгновенно умолки и недоверчиво уставились друг на друга.

Сквайр Файфский ухмыльнулся:

— Прикидываете, кто же из вас Икс? Один знает наверняка, можете не сомневаться. А прочим это станет известно через двадцать четыре часа. И помните, господа, что отныне вы бессильны, поскольку военный флот — мой. Удачи!

И он помахал рукой в знак того, что аудиенция закончена.

Сквайры один за другим исчезали, как растворяются звезды в глубоком космосе, когда их заслоняет невидимый корпус погибшего корабля.

Последним остался Сквайр Стинский.

— Сквайр Файфский, — пробормотал он с дрожью в голосе.

— Да? — вскинул глаза Великий Сквайр. — Хотите сделать признание, пока мы одни? Так вы Икс?

Лицо Сквайра Стинского исказилось от ужаса.

— Нет, вовсе нет. Я просто хотел спросить: вы это серьезно? Ну, насчет автономии материков и всего такого. Это правда?

Сквайр Файфский поглядел на древний хронометр, украшавший стену.

— Всего доброго!

Сквайр Стинский тихонько заскулил и, протянув руку к выключателю, тоже исчез.

Сквайр Файфский сидел за столом неподвижно, точно каменная глыба. После того как совещание закончилось и боевой запал угас, он чувствовал упадок сил. Узкий тонкогубый рот казался трещинкой на массивном лице.

Все расчеты Сквайра Файфского строились на предположении, что космоаналитик безумен и его слова об угрозе для Флорины — просто бред. Но слишком многое вертелось вокруг этого безумца. Разве стал бы Джунц из Межзвезд-

ного Космоаналитического Бюро целый год искать сумасшедшего? Мог ли проявлять столь удивительную настойчивость, если бы речь шла о пустых бреднях?

Сквайр Файфский ни с кем не делился своими сомнениями. Он и себе-то едва смел в них признаться. А что, если космоаналитик был в здравом уме? Что, если над киртовой планетой и в самом деле нависла угроза уничтожения?

Перед Великим Сквайром предстал секретарь-флоринианин.

— Господин! — сухим, бесцветным голосом прошелестел он.

— Что там у тебя?

— Приземлился корабль с вашей дочерью на борту.

— Космоаналитик и туземка целы?

— Да, господин.

— Пусть без меня их не допрашивают и никого близко не подпускают, пока я не приеду... А нет ли новостей с Флорины?

— Да, господин. Староста пойман, и сейчас его переправляют на Сарк.

Глава 13
ЯХТСМЕН

С наступлением темноты огни космопорта разгорались все ярче. В любое время суток здесь было светло как днем. В девятом порту искусственное освещение работало круглые сутки, как, впрочем, и в других портах Верхнего Города. Правда, под лучами полуденного солнца порой немного слепило глаза, но это было единственным неудобством.

Маркис Генро мог с уверенностью сказать, что сейчас вечер, лишь поскольку пару минут назад оставил за спиной разноцветные огни Города. Они тоже ярко сияли на фоне темного неба, но с лампами дневного света сравниться не могли.

Генро замедлил шаг перед главным входом и лениво окинул взглядом гигантскую подковообразную конструкцию с тремя дюжинами ангаров и пятью посадочными площадками. Как и для всех опытных яхтсменов, для него это зрелище давно уже стало частью повседневной жизни.

Достав из кармана длинную фиолетовую сигару с пятнышком серебристого кирта на конце, Генро сунул ее в рот, прикрыл ладонью от ветра, вдохнул и полюбовался разгорающимся зеленоватым огоньком. Сигара тлела медленно, без пепла. Генро выпустил через ноздри облачко изумрудного дыма.

— Все как всегда, — пробормотал он себе под нос.

Быстро, но не выказывая чрезмерной торопливости, к Генро подошел один из членов комитета яхтсменов в обычном спортивном костюме с одной неброской и элегантной литерой на груди, что указывало на высокий статус.

— А, Генро! А почему бы делам не идти, как всегда?

— Привет, Доти. Просто я подумал, что из-за всей этой заварухи какого-нибудь умника осенит блестящая мысль прикрыть порты. Слава Сарку, что до этого не додумались.

Член комитета помрачнел:

— А знаешь, до этого может и дойти. Слыхал последние новости?

— Интересно, как ты сумеешь отличить их от предпоследних? — ухмыльнулся Генро.

— Ну, ты, конечно, в курсе насчет туземного убийцы? Так вот, кое-что прояснилось.

— Хочешь сказать, его поймали? Не знал.

— Поймать не поймали, но уже известно, что он не в Нижнем Городе.

— Да? А где же?

— В Верхнем!

— Да ладно тебе! — Генро недоверчиво сощурил глаза.

— Нет, правда! — подтвердил слегка уязвленный собеседник. — Я точно знаю. Патрульные так и шастают по всему Киртовому шоссе. Парк окружили, и на Главной арене устроили координационный пункт. Это без трепа.

— Возможно. — Взгляд Генро равнодушно скользнул по яхтам, стоявшим в ангарах. — Давненько я тут не был, месяца два. Как насчет новых кораблей?

— Да вроде нет. Ах да, «Огненная стрела» Хьордесса.

Генро покачал головой:

— Видел я ее. Сплошной хром. Боюсь, как бы в конце концов не пришлось самому заняться дизайном.

— Ты что, продаешь «Комету-пять»?

— Продаю или сдаю на лом. Устал я от этих последних моделей. Одна автоматика. Автоматические реле и компьютеры убивают спортивный дух.

— Да, многие так говорят, — согласился Доти. — Вот что, если узнаю, что где-то есть на продажу старая модель в хорошем состоянии, сразу тебе свистну.

— Согласен. Не против, если я немного пройдусь?

— Конечно нет, валяй. — Член комитета приветливо улыбнулся, помахал рукой и отправился по своим делам.

Генро с полупотухшей сигаретой в уголке губ медленно шел вдоль порта, останавливаясь у не-

занятых ангаров и пристально вглядываясь в глубину каждого из них.

Ангар номер 26 особенно заинтересовал яхтсмена. Он заглянул за невысокую ограду и тихонько позвал:

— Сквайр?

Генро окликнул владельца самым вежливым тоном, но через несколько мгновений ему пришлось повторить обращение, уже чуть нетерпеливее.

Сквайр, выглянувший из ангара, имел не слишком презентабельный вид. Во-первых, он явился сюда не в спортивном костюме. Во-вторых, давно не брился. В-третьих шапочка на голове была натянута совсем не по моде, закрывая пол-лица. Наконец, в поведении этого человека чувствовалась подозрительная скованность.

— Я Маркис Генро, — представился яхтсмен. — Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя, — натянуто ответил сквайр.

Генро, не обращая внимания на неприязненный тон, задрал голову и осмотрел корпус яхты, потом вынул изо рта окурок и щелчком послал вверх. Тот, не успев достигнуть высшей точки параболы, исчез в мгновенной вспышке.

— Вы не против, если я зайду? — спросил Генро.

Незнакомец, чуть помедлив, посторонился.

— Какой у вас двигатель, сударь?

— А почему вас это интересует?

Темноглазый, темноволосый и смуглый Генро на добрые полголовы возвышался над незнакомцем.

— Честно говоря, — яхтмен обнажил в улыбке ослепительно белые зубы, — я собираюсь купить новое судно.

— И вас устроило бы это?

— Не знаю. Возможно, если цена подходящая. Во всяком случае, с вашего позволения, охотно взглянул бы на управление и двигатели.

Сквайр стоял молча.

— Как вам угодно, — с холодком бросил Генро, собираясь уйти.

— Я бы мог продать яхту, — вдруг сказал сквайр и пошарил в карманах. — Вот лицензия.

Генро, опытным взглядом изучив документ с обеих сторон, отдал его обратно.

— Так вы Диймон?

Сквайр кивнул.

— Можете подняться на борт, если хотите, — добавил он.

Генро взглянул на портовый хронометр: люминесцентные стрелки, сиявшие ярче прожекторов, показывали второй час ночи.

— Благодарю вас. Покажете дорогу?

Сквайр еще раз порылся в карманах и вынул связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро, перебрав пластинки, отыскал нужную — со значком корабля. Владелец яхты даже не пытался ему помочь.

— Вот этот, я полагаю? — проворчал наконец Генро.

Они поднялись по короткому трапу к шлюзу, и Генро наклонился, оглядывая шов вдоль правой стороны.

— Что-то я не вижу... ах да, вот он где! — Яхтсмен перебрался на левую сторону.

Шлюз медленно и беззвучно открылся, пропуская людей в темноту. Но, как только люк за ними закрылся, автоматически вспыхнули красные огни. Потом открылась внутренняя дверь, и мужчины вошли в освещенный белыми лампами салон яхты.

Мирлин Теренс оказался в безвыходном положении. Он вообще не помнил, сколько времени утекло с тех пор, как у него был хоть какой-то выбор. Три долгих отчаянных часа он просидел у яхты Диймона, не в силах что-либо предпринять. Все, бегство закончено. Беглый староста не видел иного финала, кроме бесславного плена.

И вдруг появляется этот человек и начинает разглядывать корабль. Заговаривать с ним — и то было безумием. Пытаться выдать себя за сквайра на таком близком расстоянии не имело смысла. Но и просто ждать погони Теренс не мог.

На борту корабля могла найтись хотя бы еда. Странно, что он не додумался до этого раньше.

И еда отыскалась.

— Вроде бы пора ужинать, — заметил Теренс. — Не хотите перекусить?

Генро только глянул через плечо:

— Может быть, чуть позднее. Благодарю.

Теренс не стал настаивать. Пока Генро бродил по яхте, он с упоением поглощал консервированное мясо и фрукты в целлюлозной упаковке. Потом с жадностью напился. Напротив кухни обнаружился душ. Теренс заперся там и наконец смыл грязь. Приятно было хоть ненадолго снять тесную шапочку. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

К возвращению Генро староста уже почти пришел в себя.

— Послушайте, вы не против, если я испытаю корабль? — осведомился яхтсмен.

— Пожалуйста. А вы справитесь с этой моделью? — Теренс от души уповал, что в его голосе не прозвучало особой заинтересованности.

— Думаю, да. — Генро чуть заметно улыбнулся. — Льщу себя надеждой, что сумею совладать с любой стандартной моделью. На всякий случай

я уже запросил контрольную башню, и нам предоставили взлетный колодец. Вот моя лицензия, если вы хотите взглянуть на нее перед стартом.

Теренс пробежал глазами документ точно так же, как это делал Генро.

— Прошу за пульт, — сказал он.

Яхта выплыла из ангара, подобно воздушному киту, медленно и величаво скользя диамагнитным корпусом в трех дюймах над поверхностью плотно утрамбованного поля.

Теренс наблюдал за тем, как пальцы Генро порхают по панели управления. От их прикосновения к кнопкам и рычагам яхта словно оживала. Миниатюрное изображение взлетного поля на экране менялось с каждым неуловимо точным движением руки.

Вот корабль застыл на краю взлетного колодца. Диамагнитное поле впереди усилилось, постепенно поднимая нос яхты. Теренс даже не заметил подъема — рулевая рубка, мягко повернувшись на карданных шарнирах, сохранила горизонтальное положение. Выступы на корме плавно вошли в пазы взлетной площадки, и яхта устремила взор в небеса.

Дюралитовое покрытие площадки скользнуло в боковые проемы, обнажив нейтрализованный слой грунта глубиной в сотню ярдов, принимавший на себя всю мощь первого выброса гиператомных двигателей.

Генро продолжал вести непонятный Теренсу диалог с контрольной башней, пока наконец не объявил: «Десять секунд до взлета».

Красная полоска в кварцевой трубке, поднимаясь, отмечала бег секунд. Вот она достигла верхней отметки, и двигатели взревели.

Теренс почувствовал, как растущая сила тяжести прижимает его к креслу.

— Ну и как управление? — выдавил он из себя, борясь со страхом.

Генро, судя по всему, просто не замечал ускорения.

— В порядке, — отозвался он тем же бодрым тоном.

Теренс откинулся на спинку кресла, пытаясь расслабить мышцы, чтобы распределить давление более равномерно. Яхта выходила из атмосферы, и Теренс видел, как звезды на экране сияют все ярче и пронзительнее. Киртовая ткань одежды казалась холодной и волглой.

Яхта плыла в открытом пространстве. Генро уверенно вел корабль. Теренс сначала не понял, что они делают разворот, и осознал это, лишь увидев, как перемещаются звезды на экране. Длинные и тонкие пальцы яхтсмена бегали по панели управления, точно по клавишам музыкального инструмента. Наконец в углу экрана показался край оранжевого шара планеты.

— Неплохо, — заметил Генро. — Вы держите корабль в хорошем состоянии, Диймон. Яхта невелика, но у нее есть определенные достоинства.

— Думаю, вам не терпится испытать ее на скорость и маневренность, — осторожно ввернул Теренс. — Я не против.

— Отлично, — кивнул Генро. — Куда бы нам отправиться? Что, если... — Он немного подумал. — Ну да, почему бы и не на Сарк?

У Теренса захватило дух. На это он и надеялся, так что почти готов был поверить, будто живет в мире волшебства. Некие силы, казалось,

предопределяли нужный шаг сами по себе, без его участия. И Теренсу не составило труда поверить, что им движет воля Провидения. Детство его населяли суеверия, щедро распространяемые сквайрами среди туземцев, а от предрассудков избавиться нелегко. В любом случае, на Сарке был постепенно обретавший память Рик. Нет, не все еще потеряно!

— Почему бы и нет, Генро? — жизнерадостно согласился староста.

— Ну, тогда летим на Сарк!

Вскорости краешек планеты исчез с экрана, и на него вернулись звезды.

— Каков ваш наилучший результат на трассе Флорина — Сарк? — полюбопытствовал Генро.

— Боюсь, никаких рекордов я не ставил, — ответил Теренс. — Так, серединка на половинку.

— Но, наверное, вам случалось долетать менее чем за шесть часов? — улыбнулся Генро.

— Бывало.

— Не обидитесь, если я попробую сделать это за пять?

— Нисколько, — покачал головой Теренс.

На то, чтобы достигнуть точки, где гравитация звезды не искажает ткань пространства и можно совершить прыжок, потребовалось несколько часов.

Теренс умирал от усталости. Вот уже третью ночь он проводил почти без сна, а при таком напряжении, как в последние дни, это было настоящей пыткой.

Генро искоса взглянул на него:

— Почему бы вам не прилечь?

Теренс изо всех сил попытался изобразить оживление.

— Ничего-ничего, попозже, — пробормотал он.

Однако тотчас зевнул и смущенно улыбнулся. Яхтсмен снова забегал пальцами по кнопкам пульта, и Теренс постарался сосредоточить взгляд на том, как он ими управляет.

Кресла в космической яхте по необходимости очень удобны, так как прямое их назначение — оберегать пассажира от перегрузок, вызванных ускорением. Не особенно усталый человек и тот с легкостью в них засыпает. Теренс же сейчас мог бы спать хоть на осколках стекла, а потому незаметно для себя погрузился в дремоту.

Ближайшие несколько часов староста проспал, как никогда, глубоко и крепко. Он даже ни разу не шевельнулся и только глубоко вздохнул, когда с его головы сняли шапочку.

Просыпался Теренс медленно и долго хлопал затуманенными глазами, не имея ни малейшего представления, где он, и в первые минуты даже полагал, что вновь у себя, в доме старосты. Но чувство реальности постепенно возвращалось, и наконец Теренс с улыбкой посмотрел на Генро, до сих пор сидевшего у пульта управления.

— Я, кажется, уснул.

— Да, похоже на то. А вот и Сарк. — Генро кивнул в сторону большого белого полумесяца на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

Теренс уже достаточно проснулся, чтобы уловить легкую перемену в поведении спутника. Внезапно он с содроганием понял, что серо-стальной предмет у Генро в руке — изящное дуло игольчатого... иглоружья.

— Во имя Космоса... — начал староста, приподнимаясь с кресла.

— Сядьте, — посоветовал Генро. В другой руке он держал шапочку.

Теренс машинально коснулся светлых, как песок, волос.

— Да, — кивнул Генро. — Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча уставился в пространство.

— И я знал, что вы туземец, еще не успев взойти на корабль бедняги Диймона.

Во рту у Теренса пересохло, глаза пощипывало. Он не сводил взгляда с крохотного дула ружья, в любой миг ожидая беззвучной вспышки. После долгих мытарств до цели, казалось, подать рукой, и вот все погибло.

Но Генро явно не торопился. Перехватив поудобнее ружье, он отчеканил:

— Вашей основной ошибкой, староста, было вообразить, будто вы сумеете до бесконечности дурачить организованные полицейские силы. Но вы, пожалуй, остались бы на свободе чуть-чуть подольше, если бы не избрали жертвой Диймона.

— Я его не выбирал, — просипел Теренс.

— Тогда назовем это вопросом везения. Около двенадцати часов назад Алстер Диймон ждал в парке жену. Это место Диймоны выбрали из чисто романтических соображений. У пещер они познакомились и с той поры отмечали там каждую годовщину встречи. Со стороны это может показаться банальным, но для молодых супругов такие ритуалы много значат. Конечно, Диймон и не подозревал, что относительная уединенность места сделает его подходящей жертвой для убийцы. Да и кому бы в Верхнем Городе такое пришло на ум?

При обычных обстоятельствах убийцу бы не нашли еще несколько дней. Но жена Диймона

оказалась на месте преступления спустя четверть часа. Не увидев мужа, она удивилась. Не такой Алстер человек, объяснила она, чтобы рассердиться и уйти из-за того, что жена опоздала на несколько минут. Она частенько опаздывала, и Диймон более или менее к этому привык. Женщина решила, что муж ждет ее в «их» пещере.

Диймон, естественно, стоял как раз у входа, и, поскольку пещера эта оказалась ближайшей к месту преступления, убийца приволок его именно туда. Жена, ни о чем не подозревая, вошла внутрь и обнаружила... вы сами знаете что. Несмотря на глубокое потрясение, несчастной женщине хватило мужества сообщить об убийстве в Патрульную Службу, через наш собственный департамерт безопасности. Любопытно, что ж вы, староста, чувствуете, хладнокровно убив человека и предоставив его вдове найти обезображенные останки на месте, связанном с самыми дорогими воспоминаниями?

Теренс задыхался. Красная пелена гнева и разочарования застилала ему глаза.

— Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Все ваше богатство — на их крови. Эта яхта... — на большее у него не хватило сил.

— Диймон не виноват, что родился в таком мире, — возразил Генро. — А что сделали бы вы, родившись саркитом? Отказались бы от собственности, будь у вас таковая, и пошли работать на киртовые поля?

— Тогда стреляйте! — стиснув кулаки, крикнул Теренс. — Чего вы ждете?

— Спешить нам некуда. У меня вполне хватит времени закончить рассказ. У нас оставались некоторые сомнения насчет личности жертвы и убийцы, но все указывало на то, что это Диймон и вы соответственно. Анализ пепла от мундира позволял

предполагать, что вы переоделись саркитом. И вероятнее всего, вы должны были отправиться к яхте Диймона. Не стоило переоценивать нашу глупость, староста.

Однако оставались кое-какие сложности. Вы человек отчаянный, и загонять вас в угол не имело смысла. У вас было оружие, и при поимке вы бы, несомненно, покончили с собой. Но именно этого нам хотелось избежать. Вас ожидают на Сарке и хотят получить живьем.

Для меня это дело представляло особый интерес, и пришлось убедить Отдел безопасности, что я в одиночку сумею доставить вас на Сарк, без шума и особых затруднений. Согласитесь, так оно все и вышло.

Честно говоря, поначалу я усомнился, тот ли вы, кто нам нужен. Разве можно приходить в космопорт, надев обычный деловой костюм? Это невероятно дурной тон. Мне казалось, что никто не стал бы притворяться яхтсменом, не переодевшись соответствующим образом. Я подумал, что вас нарочно выставили как приманку и вы хотите попасть под арест, а тем временем настоящий преступник ускользает в другом направлении.

Итак, я сомневался, а потому стал вас по-всякому испытывать. Сунулся с ключами от корабля совсем не туда, где вход. Ни одна яхта не открывается справа от воздушного шлюза. У любой из них люк может быть только слева. Вы даже не удивились моей ошибке. Нисколько! Потом я спросил, способен ли ваш корабль проделать путь от Флорины до Сарка менее чем за шесть часов. Вы ответили, что такое бывает. Потрясающе! К вашему сведению, рекордное время для такого перелета — более девяти часов.

И я понял, что при таком полном неведении элементарных вещей вы не можете быть приман-

кой. Мы-то ведь искали как раз невежественного туземца. Оставалось только подождать, пока вы уснете (а судя по вашему виду, спать вам хотелось смертельно), взять бластер и занять подходящую позицию для прицела. Шапочку я с вас снял из чистого любопытства — хотелось взглянуть, как сочетается саркитский костюм с соломенными волосами.

Теренс вдруг увидел нейрохлыст. Но Генро, то ли заметив, как ходят желваки на скулах пленника, то ли угадав, о чем он думает, предупредил:

— Я не имею права убить вас в случае нападения, даже ради самообороны. Но не надейтесь, что это дает вам преимущество. Посмейте шевельнуться — и останетесь без ноги.

Боевой дух окончательно покинул Теренса. Он стиснул руками голову и застыл.

— Знаете, почему я вам все это рассказываю? — вкрадчиво спросил Генро.

Теренс не ответил.

— Во-первых, — продолжил Генро, — мне приятно видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц и особенно не выношу, когда туземцы убивают саркитов. Мне приказали доставить вас в целости и сохранности, в инструкциях вовсе не говорилось, что я должен сделать путешествие приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо полностью представлять себе ситуацию, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, дальнейшие шаги вам придется делать самостоятельно.

— Что?! — вскинулся Теренс.

— Департамент безопасности извещен о вашем прибытии. Флоринианский филиал послал туда сообщение, как только мы покинули атмосферу планеты. Можете не сомневаться. Однако, если вы помните, я упомянул, что это дело представляет для меня особый интерес и я убедил депар-

тамент безопасности доверить его мне одному. А мое участие в корне меняет расстановку сил.

— Не понимаю вас, — без особой надежды пробормотал Теренс.

— Я сказал, что вас ожидают на Сарке и хотят получить живьем. Но ждет вас не департамент безопасности, а Трантор! — как ни в чем не бывало пояснил Генро.

Глава 14
ПЕРЕБЕЖЧИК

Селима Джунца никак нельзя было назвать человеком невозмутимым и хладнокровным. И целый год разочарований отнюдь не умерил его темперамент. Джунц не мог тихо сидеть, попивая вино, пока все вокруг готово рухнуть. Короче говоря, он не был Лудиганом Эйблом.

И когда Джунц, выйдя из себя, возопил, что Сарку не дозволено похищать и удерживать у себя сотрудника МКБ, вне зависимости от претензий к транторианской разведке, Эйбл твердо сказал:

— Думаю, вам лучше переночевать здесь, доктор.

— У меня есть дела поважнее, — холодно отрезал Джунц.

— Не сомневаюсь, доктор, не сомневаюсь. Но если уж убивают моих людей, то Сарк и впрямь чувствует себя безнаказанным. Вполне возможно, что и с вами этой ночью произойдет какая-нибудь неприятность. Так давайте немного подождем и посмотрим, что сулит нам грядущий день.

Джунц начал было возражать, что бездействие ни к чему не ведет, но Эйбл, не теряя холодной и едва ли не оскорбительной невозмутимости,

вдруг словно бы оглох. И Джунца настойчиво препроводили в спальню.

Лежа в постели, доктор изучал слегка мерцающие фрески потолка (в частности, превосходную копию «Битвы за луны Арктура» Ленхадена), зная, что все равно не уснет. Неожиданно он уловил легкий запах сомнина и, не успев сделать второй вдох, провалился в сон. Искусственная вентиляция быстро очистила спальню от снотворного газа, однако Джунц получил достаточно, чтобы крепко проспать восемь часов.

Когда он проснулся, комнату заливал бледный свет зари. Доктор изумленно уставился на Эйбла.

— Который час? — спросил он.

— Шесть.

— Великий Космос! — Джунц вскочил с постели. — Рано же вы поднялись!

— А я и не спал.

— Что?

— Я страдаю от недосыпа, поверьте. Увы, антисомнин больше не действует на меня так, как в молодости.

— Минутку, если позволите, — пробормотал Джунц.

В то утро обычные процедуры заняли и того меньше времени. Джунц вернулся в спальню, застегивая ремень мундира и поправляя магнитный шов.

— Так что вы хотели сказать? — спросил он. — Вряд ли вы стали бы поднимать меня в шесть часов, если у вас нет никаких новостей.

— Вы правы, доктор, вы правы.

Эйбл сел на кровать, где спал Джунц, и, запрокинув голову, расхохотался. Смех был довольно высоким, но негромким. Но зубы из крепкого, чуть желтоватого пластика никак не соответствовали бледным старческим деснам.

— Прошу прощения, Джунц, — наконец выдохнул посол. — Я немного не в себе. От этой искусственной бессонницы на меня находит неприличное легкомыслие. Пожалуй, пора попросить Трантор, чтобы мне прислали на смену кого-нибудь помоложе.

— Так в чем дело? — не без яду, но одновременно и с надеждой в голосе спросил Джунц. — Выяснилось, что они так и не поймали нашего полевика?

Несмотря на досаду, в голосе его все-таки мелькнула нотка надежды.

— Нет, к несчастью, он у них. Боюсь, приступ легкомыслия вызван исключительно тем, что саркиты и не думали трогать нашу сеть. Она невредима.

Джунца так и подмывало выпалить: «К чертям вашу сеть!» — но он прикусил язык.

— Они знали о том, что Хоров — наш агент. Это несомненно, — продолжал Эйбл. — Могли проведать и о других людях на Флорине, но там одна мелкая сошка. Саркиты это прекрасно понимают, а потому просто установят наблюдение за известными агентами и не станут особо донимать.

— Одного уже убили, — напомнил Джунц.

— И не думали, — возразил Эйбл. — Стрелял один из спутников космоаналитика, переодетый в форму патрульного.

— Не понимаю, — округлил глаза Джунц.

— Это довольно запутанная история. Не хотите ли позавтракать вместе со мной? Сам я отчаянно проголодался.

За кофе Эйбл рассказал Джунцу о том, что произошло за последние тридцать шесть часов.

Доктор был поражен. Забытый кофе остывал на столе.

— Допустим, беглецы спрятались именно на этом корабле, но ведь их могут и не обнаружить... Если вы пошлете своих людей в космопорт...

— Ба! Вы и сами прекрасно знаете, что на любом нынешнем корабле обязательно определят излишки тепла, выделяемого телом.

— А вдруг этого не заметили? Точные приборы не ошибаются, но человек...

— Не стоит выдавать желаемое за действительное. Послушайте, по достоверным сведениям, именно сейчас, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, Сквайр Файфский собрал на совещание других Великих Сквайров. Обычно от одного межконтинентального совещания до другого — что от звезды до звезды в Галактике. Совпадение?

— Межконтинентальное совещание из-за космоаналитика?

— Да, сам по себе он не такая важная персона. Но мы сделали эту тему важной. Целый год Космоаналитическое Бюро упорно искало пропавшего сотрудника.

— Не Бюро, — возразил Джунц, — а я. По правде сказать, я действовал почти неофициально.

— Сквайры этого не знают и не поверили бы в любом случае. Трантор тоже проявил интерес к судьбе ученого.

— По моей просьбе.

— И опять-таки они этого не знают и не поверили бы никаким нашим словам.

Джунц встал, и стул автоматически отодвинулся от стола. Крепко сцепив руки за спиной, он начал расхаживать по ковру взад-вперед, взад-вперед и при этом хмуро поглядывал на Эйбла.

Посол спокойно потянулся за второй чашкой кофе.

— Как вы обо всем узнали? — наконец не выдержал ученый.

— О чем?

— Обо всем. Как и когда космоаналитик пробрался на корабль. Как и каким образом староста спасся от погони. Уж не обманываете ли вы меня?

— Помилуйте, доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди вели поиски параллельно со мной. Прошлой ночью вы позаботились меня усыпить, чтобы я вам случайно не помешал, — вдруг вспомнил Джунц запах сомнина.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную связь с некоторыми из своих агентов. То, что я узнал, проходит под грифом, скажем так, особых материалов. Если вас и «усыпили», то исключительно ради вашей безопасности. И вы остались целы.

— Но, чтобы знать такие подробности, вам надо иметь шпионов в самом правительстве Сарка.

— Да, естественно.

Джунц резко повернулся к послу:

— Шутить изволите?

— А вас это удивляет? Да, Сарк славится стабильным правительством и лояльным населением. Причина ясна, ведь даже самый бедный саркит по сравнению с флоринианином — настоящий аристократ и может считать себя представителем правящего класса.

Но вспомните: Сарк вовсе не планета миллиардеров, как полагают на большинстве других планет Галактики. Прожив здесь год, вы могли в этом убедиться. В среднем уровень жизни здесь — такой же, как и по всей Галактике, и не намного выше, чем у наиболее обеспеченных людей на Флорине. В общем, всегда найдется достаточно тех, кто зави-

дует горстке богачей, купающихся в роскоши, и они с готовностью окажут мне услугу.

Величайшая слабость саркийского правительства в том, что на протяжении многих столетий оно привыкло искать заговоры и беспорядки только на Флорине. Правители успели забыть, что необходимо приглядывать и за собственным народом.

— Если «необеспеченные саркиты» и существуют, то вряд ли они принесут вам очень большую пользу, — заметил Джунц.

— По отдельности — нет, зато вместе они могут стать отличным подспорьем для более высокопоставленных агентов. Даже среди правящего класса есть люди, осознавшие опыт последних двух веков. Они убеждены, что рано или поздно Трантор распространит влияние на всю Галактику, и в общем-то правы. А кое-кто полагает, что власть успеет смениться еще при их жизни, и предпочитает заранее перейти на сторону победителя.

На лице Джунца отразилось брезгливое недоверие.

— Послушать вас, так вся межзвездная политика — грязная игра.

— Так и есть, но, как бы вам ни претила грязь, не стоит отрицать, что она существует. Кроме того, у политики есть и светлые стороны. Вспомните об идеалистах. Представьте себе, что несколько членов саркийского правительства служат Трантору не ради денег или будущей власти, но искренне веря в необходимость единого правления для всего человечества, а такое правление, на их взгляд, способен обеспечить только Трантор. Один из таких людей, мой лучший агент, служит в департаменте безопасности и в настоящее время везет ко мне старосту.

— Но вы ведь говорили, что староста схвачен!

— Да, департаментом безопасности, то есть моим агентом, служащим в Отделе безопасности. — Эйбл нахмурился и грустно добавил: — Но после этой истории он больше не сумеет принести мне особой пользы. Отпустив старосту, агент выдаст себя. В лучшем случае его разжалуют, а в худшем посадят.

— И каковы ваши дальнейшие планы?

— Пока не знаю. Прежде всего нам надо заполучить старосту. Я уверен только в одном: они прибудут в космопорт. А что будет дальше... — Эйбл пожал плечами, и морщины на его желтоватой коже слегка разгладились. — Сквайры, кстати, тоже рассчитывают потолковать со старостой, не сомневаясь, что он у них в руках. В общем, сейчас вопрос стоит так: кто успеет первым — мы или они. А до тех пор ничего существенного произойти не может.

Но Эйбл ошибался.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике обладали правом экстерриториальности. Как правило, это сводилось к благим пожеланиям, помимо тех случаев, когда планета обладала достаточной силой, чтобы внушать почтение. По сути дела, только послы Трантора оставались по-настоящему независимы на территории своего посольства.

Транторианское посольство на Сарке занимало площадь около квадратной мили и охранялось патрульными в имперской форме с соответствующими знаками отличия. Ни один саркит не мог войти сюда иначе, как по приглашению, а вооруженный саркит — вообще никогда. В случае нападения транторианская охрана могла в течение

двух-трех часов давать отпор целому саркитскому моторизованному полку, но за ее плечами стояла сплоченная мощь миллиона миров.

И посольство оставалось неприкосновеным.

Более того, оно обладало прямым сообщением с Трантором в обход саркийских портов прибытия и отправления. Из трюмов транторианского грузового судна, зависавшего на высоте ста миль от поверхности планеты (на границе так называемого «планетного» и «свободного» пространства), выскальзывали гирокорабли с лопастями для полета в атмосфере и устремлялись к небольшим площадкам на территории посольства.

Однако тот гирокорабль, что застыл сейчас над посольством, не предусматривался расписанием и вообще не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух взмыли маленькие истребители посольства, подняла к небу свой раскладной ствол иглопушка, задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

По радиоэфиру заметались передачи — на корабль и с него. В ответ на уверенные и грозные предупреждения шли путаные и беспокойные отговорки.

Лейтенант Камрум снял наушники и доложил:

— Ничего не понимаю! Этот человек кричит, что его собьют через две минуты, если мы не позволим опуститься, и требует убежища.

В рубку вошел капитан Эльют.

— Ну да, — хмыкнул он. — А потом Сарк заявит, что мы вмешиваемся в его внутренние дела, и, если Трантор это признает, от нас мокрого места не останется. Кто он такой?

— Не признается, — озабоченно ответил лейтенант. — Требует соединить с послом. Может, вы поговорите с ним, капитан?

Коротковолновый передатчик захрипел, и из него донесся полуистерический вопль:

— Есть кто живой? Ну все, я спускаюсь. Правда-правда! Не могу больше ждать, говорю вам! — Под конец голос сбился на писк.

— Великий Космос! — выдохнул капитан. — Я знаю, кто это. Пусть садится! Под мою ответственность!

Посыпались приказы. Гирокорабль прянул вниз быстрее, чем от него ожидалось, поскольку управляли им неопытные, скованные ужасом руки. Иглопушка бесстрастно держала небо под прицелом.

Капитан переключился на прямую линию посла, и весь персонал посольства был поднят по тревоге. Эскадрилья саркийских кораблей, появившихся над площадкой минут через десять после беглеца, часа два грозно кружила вокруг посольства, потом исчезла.

Обедали втроем: Эйбл, Джунц и новоприбывший. Посол держался как на редкость нелюбопытный хозяин. Несколько часов он упорно воздерживался от расспросов и не интересовался, с какой стати Великому Сквайру вдруг понадобилось искать убежище.

Джунц не мог похвастать столь безграничным терпением.

— О Великий Космос! Что вы собираетесь с ним делать? — шепнул он.

— Ничего, — улыбнулся Эйбл. — Во всяком случае, пока не выясню, где староста. Люблю, знаете ли, видеть все козыри на руках, прежде чем ходить. А поскольку Сквайр сам пришел ко мне, неопределенность тяготит его куда больше.

Эйбл оказался прав. Дважды Сквайр порывался что-то сказать, и оба раза посол останавливал его:

— Мой дорогой Сквайр! Толковый разговор нельзя вести на пустой желудок, — и с улыбкой приказывал принести очередное блюдо.

За вином Сквайр сделал новую попытку:

— Вы наверняка захотите узнать, почему я улетел со Стинского континента.

— Даже не представляю, какая причина могла бы заставить Сквайра Стинского спасаться от саркийских кораблей, — со скрытой усмешкой признался Эйбл.

Сквайр Стинский пристально взглянул на собеседников. Худосочное тело и бледное лицо сквайра подрагивали от внутреннего напряжения. Длинные волосы были собраны в букли, скрепленные тоненькими заколками, и те, сталкиваясь, шелестели всякий раз, как он поворачивал голову, словно твердили о пренебрежении своего хозяина к новомодным коротким стрижкам. Одежды источали легкий, изысканный аромат.

Эйбл, заметив, как Джунц недовольно поджимает губы и бессознательно поправляет свои собственные короткие и густые волосы, прикинул, что было бы занятно понаблюдать за реакцией космоаналитика, если бы Сквайр Стинский явился в более привычном для него виде — нарумяненный и с выкрашенными в медный цвет ногтями.

— Сегодня мы проводили межконтинентальное совещание, — начал Великий Сквайр.

— Вот как? — обронил Эйбл. Рассказ о совещании он выслушал даже не моргнув глазом.

— И нам предоставили двадцать четыре часа! — с негодованием подвел итог сквайр. — То есть уже шестнадцать. Правда!

— Так вы Икс! — вскричал Джунц, который за это время просто извелся. — Вы Икс и пришли сюда, потому что вас вычислили. Ну что ж, прекрасно. Эйбл, вот кто подтвердит личность и историю моего сотрудника. Мы заставим их выдать нашего человека...

Сквозь его густой баритон с трудом пробился писклявый голос Сквайра Стинского:

— Нет, право же! Вы с ума сошли! Все не так! Правда! Хватит! Дайте мне сказать... Ваше превосходительство, я не помню, как зовут этого человека...

— Доктор Селим Джунц, Сквайр.

— Так вот, доктор Селим Джунц, я никогда в жизни не видал этого идиота или космоаналитика, кем бы он там ни был. Правда! И не слышал такой чепухи. Я точно не Икс. Клянусь честью! И даже попросил бы вас не упоминать этой дурацкой буквы. Подумать только! Чтобы кто-то поверил в нелепую мелодраму Сквайра Файфского!

Джунц с трудом взял себя в руки.

— Тогда зачем вам было убегать? — буркнул он.

— Ради всего Сарка, неужели не ясно? Умереть можно! Вы что, не понимаете, для чего Сквайр Файфский все это затеял?

— Если вы нам объясните, сквайр, — спокойно вмешался Эйбл, — даю слово, перебивать вас никто не будет.

— Ну наконец-то! Благодарю *вас*, — с уязвленным видом обронил Сквайр. — Другие недооценивают меня только потому, что я не интересуюсь всякими документами, статистикой и прочей скучной ерундой. Но для чего тогда Гражданская Служба, спрошу я вас? Нет, ну правда! Почему Великий Сквайр не может позволить себе и впрямь быть Великим Сквайром?

Но, знаете ли, я вовсе не дурачок, хоть и люблю радости жизни. Правда! Может, остальные и слепы, но я-то понимаю, что Сквайру Файфскому наплевать на космоаналитика. Кстати, я не думаю, что этот тип существует. Год назад Файфскому пришла в голову такая мысль, вот он и толкует ее на разные лады до сих пор.

Он нас самих держит за идиотов. А другие клюнули на его удочку! Болваны! Да Сквайр Файфский все прекрасно *разыграл* с этой ужасной чушью про идиотов и космоаналитиков. Не удивлюсь, если вдруг окажется, что тот, кто десятками убивает патрульных, — один из агентов Файфского. А будь это настоящий туземец, Файфский наверняка его нанял. С него станется! Запросто пошлет туземцев против своих и глазом не моргнет. Вот как он низок!

В любом случае, все это — только предлог, чтобы разорить всех нас, а самому стать диктатором Сарка. Вам понятно?

Никакого Икса нет, но если Файфского не остановить, то завтра он по всем каналам разошлет сообщения о заговорах и бунтах, а потом объявит себя Вождем. У нас на Сарке вот уже пятьсот лет не было диктатора, но Файфского это не трогает. Он отменит даже конституцию. Правда!

Один я намерен его остановить. Вот почему мне пришлось бежать. Останься я на Стине, давно сидел бы под домашним арестом.

Сразу после совещания я связался с личным космопортом, и — представляете? — оказалось, что он уже захвачен людьми Файфского. Это вопиющее нарушение автономии материков! Просто хамство. Правда! Но, при всей своей изворотливости, Сквайр Файфский далеко не всегда блистает умом. Он предусмотрел, что кто-то из нас может попытаться покинуть планету, и взял

космопорты под надзор, но, — тут Сквайр Стинский хищно ухмыльнулся, издав некое подобие смешка, — до него не дошло, что надо бы послать людей и в гиропорты.

Видно, считал, что на планете для нас безопасных мест не найдется. Но я сразу же вспомнил о транториаиском посольстве. Другие до этого не додумались. Просто умереть от них можно. Особенно от Сквайра Борского. Знаете его? Такой противный... И грязный! Все время намекает мне, что мытье и приятный запах — это нечто ужасное.

Сквайр изящно поднес кончики пальцев к носу и глубоко вдохнул.

Посол, видя, что Джунц теряет терпение, слегка коснулся его руки.

— Вы оставили дома семью, — заметил он. — Быть может, вы не подумали, что благодаря этому обстоятельству у Сквайра Файфского есть способ повлиять на ваши решения?

— Я никак не мог запихнуть в гироплан всех своих близких, — немного покраснев, ответил Сквайр. — Файф не посмеет их тронуть. Кроме того, завтра я возвращаюсь домой.

— Как? — спросил Эйбл.

Великий Сквайр воззрился на посла, от удивления приоткрыв рот.

— Я предлагаю вам союз, ваше превосходительство. Вы не можете делать вид, что Трантор совершенно *не интересуется* Сарком. И конечно, вы уведомите Файфа, что любая попытка изменить конституцию приведет к вмешательству со стороны империи.

— Вряд ли это осуществимо, даже если правительство меня поддержит, — возразил Эйбл.

— То есть как это неосуществимо? — негодующе крикнул Сквайр Стинский. — Если Файф-

ский получит контроль над всей торговлей киртом, то поднимет цены, потребует концессий на быстрые поставки и все такое!

— А разве вы пятеро, контролируя эту торговлю, еще не взвинтили цены до предела?

Стин откинулся на спинку кресла.

— Ну, как сказать... Я не входил в подробности. Вы бы еще цифры у меня спросили! Боже, да вы ничем не лучше Бортского! — Стин тотчас спохватился и хихикнул: — Шучу, конечно. Нет, я имею в виду, что, устранив Файфского, с четырьмя остальными сквайрами *можно* договориться. Будет только справедливо, если в обмен на помощь Трантор получит преференции, а то и небольшую долю в торговле.

— А как мы добьемся, чтобы вмешательство не переросло в общегалактическую войну?

— Ну правда, неужели не ясно? Как вы не понимаете? Вы не будете *агрессорами*. Вы поможете предотвратить гражданскую войну и уберечь торговлю киртом от хаоса. Я официально объявлю, что обратился к вам за помощью. Это далеко не агрессия. Вся Галактика будет на вашей стороне. А то, что Трантор в результате только выиграет, вообще никого не касается. Правда!

Эйбл, сцепив шишковатые пальцы, немного подумал.

— Не верится мне, что вы готовы перейти на сторону Трантора.

Улыбчивое лицо Сквайра Стинского на миг исказилось от ненависти и злобы.

— Лучше Трантор, чем Файф, — бросил он.

— Не нравится мне размахивать кулаками. Не стоит ли немного выждать и посмотреть, как будут развиваться события?.. — предложил Эйбл.

— Только не это! — вскрикнул Сквайр. — Нельзя медлить ни минуты! Если вы не прояви-

те твердость прямо сейчас, потом будет поздно. Сквайр Файфский зашел слишком далеко и теперь не может отступить, не потеряв лицо. Если вы поможете мне сейчас, то вас поддержит население Стина, а тогда присоединятся и другие Великие Сквайры. Но достаточно потерять хотя бы день — и Файфский запустит свою пропагандистскую машину. Меня заклеймят предателем и перебежчиком. Правда! *Меня!* Предателем! Файфский воспользуется антитранторианскими настроениями и предрассудками, а они, не в обиду вам будь сказано, довольно сильны на Сарке.

— А что, если мы попросим Сквайра Файфского предоставить нам возможность увидеться с космоаналитиком?

— Чего ради? Файфский тут же вывернет все наизнанку. Нам он доказывал, что флоринианский идиот — космоаналитик, а вам докажет, что космоаналитик — флоринианский идиот. Вы не знаете этого человека. Он *ужасен!*

Эйбл размышлял, что-то невнятно мурлыкая себе под нос и в такт покачивая указательным пальцем.

— Между прочим, у нас есть староста, — наконец объявил он.

— Какой староста?

— Тот, что убил патрульных и саркита.

— Ах вот оно что! Вы что, в самом деле думаете, будто Файфскому не наплевать на такие пустяки, когда речь идет о захвате всего Сарка?

— Да, именно так я и думаю. Видите ли, важен не сам староста, а то, при каких обстоятельствах мы его поймали. Полагаю, мой дорогой Сквайр, Файфский выслушает меня и, более того, станет весьма уступчив.

Впервые за все время знакомства с Эйблом Джунц почувствовал, что всегдашняя холодность старика дала трещину: сейчас в его голосе явственно звучало удовлетворение, почти торжество.

Глава 15
ПЛЕННИК

Высокородной Сэмии Файфской не так уж часто доводилось слышать отказ. И совсем неслыханно, чтобы она не могла добиться желаемого за несколько часов.

Начальником космопорта был все тот же капитан Рэйсети. Вежливо, почти подобострастно он извинялся, выражал глубокие сожаления, изъявлял преданность, но при этом железно стоял на своем, ни пяди не уступал под ее натиском.

Наконец Сэмия вынуждена была перейти от требований к ссылкам на гражданские права, как самая обыкновенная саркитка.

— Полагаю, будучи гражданкой Сарка, я имею право встретить любой приходящий корабль, — ядовито заметила она.

Начальник порта откашлялся, и выражение его лица стало еще более скорбным.

— Моя госпожа, мы ни в коем случае не хотим лишить вас законных прав. Однако мы получили строгий приказ Великого Сквайра, вашего отца, не допустить, чтобы вы присутствовали при посадке.

— Так вы приказываете мне покинуть порт? — ледяным тоном спросила Сэмия.

— Нет-нет, моя госпожа. — Казалось, начальник рад пойти на компромисс. — В приказе нет ни слова о том, что вам нельзя пребывать на территории порта. Поэтому вы можете остаться,

если угодно. Но при всем почтении к вам, моя госпожа, мы не пустим вас к посадочным площадкам.

Капитан удалился, а Сэмия осталась сидеть в бесполезной роскоши своей машины, остановленной в сотне футов от выхода из порта. За ней, несомненно, следили, выжидая дальнейших шагов. Вздумай Сэмия проехать еще чуть-чуть — и наперерез, пожалуй, отправят патрульные экипажи.

Девушка гневно стиснула зубы. Со стороны отца это просто нечестно! С ней все всегда обращались как с ребенком. Но сегодня Сэмии показалось, что он наконец-то стал ее понимать...

При виде дочери отец даже встал с кресла, чего не случалось ни разу с тех пор, как умерла мать. Он обнял Сэмию, ласково похлопал по плечу и отложил ради нее все дела. Даже приказал секретарю выйти из кабинета, зная, что дочери противно бледное, безжизненное лицо флоринианина.

Все было почти как прежде, до того как дедушка умер и Великим Сквайром стал отец.

— Миа, дитя мое, я потерял счет минутам! — воскликнул он. — Никогда не думал, что перелет с Флорины до Сарка может тянуться так долго. Узнав, что на твоем корабле, посланном ради твоей безопасности, спрятались эти туземцы, я чуть не сошел с ума.

— Папа! Тебе незачем было беспокоиться.

— Вот как? А я-то думал отправить на подмогу весь военный флот.

Они посмеялись над этой нехитрой шуткой. И прошло несколько минут, пока Сэмии удалось вернуться к интересующей ее теме.

— Как ты поступишь с туземцами, папа? — как бы между прочим полюбопытствовала она.

— Зачем тебе знать, Миа?

— Но ты же не думаешь, что они собирались убить тебя или шпионить.

Файф улыбнулся:

— Не забивай себе голову такими мрачными мыслями.

— Ну, признайся, ты ведь так не думаешь? — настаивала Сэмия.

— Конечно нет.

— Прекрасно! Я разговаривала с ними, папа, и я не верю, что это преступники. Всего-навсего безобидные, запуганные существа. И меня не волнуют выдумки капитана Рэйсети.

— Эти «безобидные и запуганные существа» нарушили чересчур много законов, Миа.

— Но к ним нельзя относиться как к обычным преступникам, папа! — с тревогой воскликнула она.

— Это еще почему?

— Мужчина — не туземец. Он с планеты, которую называет Земля. Этого человека подвергли психозондированию, и он не отвечает за свои поступки.

— Что ж, дорогая, департамент безопасности во всем разберется. Давай предоставим это дело специалистам.

— Нет, тут слишком важный вопрос. В департаменте этого не поймут. Никто не поймет. Кроме меня!

— Одной тебя во всем мире, Миа? — Сквайр Файфский со снисходительной улыбкой поправил упавший ей на лоб локон.

— Да, кроме меня! — подтвердила Сэмия. — Все остальные сочтут его сумасшедшим, но я-то *знаю*, что это не так. Этот землянин говорит, что

Флорине и всей Галактике угрожает большая опасность. Он космоаналитик, а такие люди, как тебе известно, специально занимаются космогонией. Он говорит правду!

— Откуда ты знаешь, что он в самом деле космоаналитик, Миа?

— Он так сказал.

— А в чем заключается опасность?

— Он не помнит. Его же психозондировали. Разве ты не понимаешь, что это самое веское доказательство? Он слишком много знал. А кто-то счел выгодным утаить правду. — Сэмия, подавив желание оглянуться через плечо, инстинктивно понизила голос до шепота: — Неужели ты не понимаешь, папа? Будь теория космоаналитика неверна, его не стали бы психозондировать.

— А почему, в таком случае, его не убили? — спросил Сквар и тотчас пожалел об этом. Ему не следовало раззадоривать свое упрямое чадо.

Сэмия немного подумала и, не найдя разумного объяснения, предложила:

— Распорядись, чтобы департамент безопасности допустил меня к нему, и я это узнаю. Космоаналитик доверяет мне, я знаю. Поэтому мне он скажет гораздо больше, чем людям из отдела. Прошу тебя, прикажи им, папа. Это очень серьезно.

Сквайр тихонько погладил ее сжатые кулачки и снова улыбнулся:

— Не сейчас, Миа, не сейчас. Через несколько часов нам доставят еще одного пленника. Ну а потом — возможно.

— Какого пленника? Туземца, который убивал патрульных?

— Его самого. Корабль приземлится через час.

— А до тех пор с туземкой и космоаналитиком ничего не случится?

— Нет.

— Прекрасно! Я встречу корабль. — Она встала.

— Куда ты, Миа?

— В порт, отец. Мне нужно о многом порасспросить и этого туземца. — Она рассмеялась. — Я докажу тебе, что твоя дочь — настоящий детектив.

Но Сквайр Файфский и не подумал улыбнуться в ответ.

— Лучше не стоит, — предупредил он.

— Почему?

— Для меня весьма существенно, чтобы прибытие этого человека на Сарк не вызвало огласки. А твое появление в порту будет слишком заметным.

— Ну и что?

— Я не могу объяснить тебе тонкости политического управления, Миа.

— Тоже мне «политика». — Она наклонилась к отцу, чмокнула в лоб и ушла.

А теперь Сэмия беспомощно сидела в машине, наблюдая, как на фоне предвечернего ясного неба вырастает темная точка.

Нажав кнопку, она достала из внутреннего отделения очки. Вообще-то они служили для наблюдения за пируэтами одноместных гиропланов во время игры в стратосферное поло, но годились и для более серьезного дела. Сэмия надела очки, и темное пятнышко превратилось в миниатюрный корабль, точнее, судя по оснастке, в яхту.

По крайней мере, у Сэмии оставалась возможность следить за прибытием корабля, замечать подробности и обдумывать вопросы для будущего разговора с туземцем. Ведь она, конечно, сумеет поговорить с ним *потом*.

Сарк заполнил весь экран. Внизу расстилались материк и часть океана, кое-где окутанные облаками.

— В космопорте будет не слишком много охраны, — объяснил Генро слегка рассеянным тоном, так как ему приходилось еще и следить за пультом. — Я сказал, что ажиотаж вокруг корабля только внушит Трантору подозрения, а успех операции зависит от того, чтобы империя оставалась в неведении, пока не станет слишком поздно. Так что пусть вас это особо не беспокоит.

— Какая разница? — угрюмо пожал плечами Теренс.

— Для вас — немалая. Я сяду на ближайшую к Восточным воротам площадку. Как только мы коснемся грунта, выходите через аварийный шлюз на корме и быстрым шагом идите к воротам. Только не вздумайте бежать. У меня есть для вас кое-какие документы, но они могут помочь, а могут и не помочь. В случае непредвиденных трудностей действуйте как сочтете нужным. Судя по тому, что вы наделали на Флорине, тут на вас можно полагаться. За воротами будет ждать машина. Она и доставит вас в посольство. Это все.

— А вы?

Постепенно безликое смешение коричневых, зеленых, синих и белых пятен превращалось в живую поверхность планеты — равнины, реки и горы.

Генро холодно и невесело улыбнулся:

— Вам достаточно думать о себе самом. Как только выяснится, что вы сбежали, меня могут пристрелить, как предателя. Однако если я буду в таком беспомощном состоянии, что физически не сумел бы вас задержать, то просто уволят за

глупость. Последний вариант, я думаю, предпочтительнее, поэтому прошу вас перед уходом угостить меня нейрохлыстом.

— Вы хоть представляете, каково получить такой удар? — спросил Теренс.

— Вполне. — На висках у Генро выступили капельки пота.

— Почем вам знать, вдруг я потом вас убью? Я же убил сквайра, как вы помните.

— Да, помню. Но это ничего вам не даст, только напрасно задержит. А я попадал и не в такие передряги.

Поверхность Сарка заполнила экран, и изображение сфокусировалось на ближайшей равнине. Потом и ее границы пропали из виду, и теперь перед глазами возникло нечто вроде саркитского города, сверкающего всеми цветами радуги.

— Надеюсь, вам не взбредет в голову действовать на свой страх и риск, — обронил Генро. — Сарк неподходящее место для этого. Либо Трантор, либо сквайры, помните.

Город на экране теперь виделся ясно. Зеленый квадрат пригорода превратился в космодром и неумолимо увеличивался в размерах.

— Если Трантор не приютит вас в течение часа, то к концу дня вы несомненно попадете к сквайрам. От лица империи я ничего не могу обещать, но что сделает с вами Сарк, известно точно.

Теренс когда-то работал в Гражданской Службе, а потому отчетливо представляет, как саркиты обойдутся с убийцей сквайра.

Порт не сходил с экрана, но Генро больше не смотрел на него. Переключив приборы, он направил лучевой импульс вниз. В миле над поверхностью корабль медленно развернулся и стал опускаться на корму.

В сотне ярдов над площадкой взревели двигатели. Несмотря на гидравлические рессоры, Теренс ощутил сильную вибрацию, и ему стало не по себе.

— Возьмите хлыст, — скомандовал Генро. — И поживее! На счету каждая секунда. Аварийный шлюз сам закроется за вами. Пройдет пять минут, прежде чем встречающие удивятся, почему я не открываю главный шлюз, еще через пять они ворвутся сюда, и столько же займут поиски. Итого у вас есть пятнадцать минут, чтобы выйти из порта и сесть в машину.

Вибрация прекратилась, и наступила тишина — корабль достиг Сарка. Включились диамагнетические поля. Яхта, приняв горизонтальное положение, легла на площадку.

— Быстрее! — крикнул Генро. На одежде его выступили пятна пота.

Теренс, опустив голову и не смея поднять глаза, взмахнул нейрохлыстом...

Теренса пронзил холод саркитской осени. Он в свое время так много лет провел в этом порой довольно суровом климате, что успел почти позабыть о ласковом тепле вечного лета Флорины. Воспоминания о Гражданской Службе нахлынули с такой отчетливостью, словно Теренс и не покидал мир сквайров.

Но сейчас Теренс был беглецом, и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства одного из хозяев.

Двигался он быстро, подстраивая шаг к стуку сердца и оставляя все дальше за спиной корабль вместе с застывшим в агонии Генро. Аварийный шлюз тихо закрылся, выпустив старосту на широкую мощеную дорогу. Вокруг сновали спешив-

шие по делам рабочие и механики. Никто не останавливался и не заглядывал Теренсу в лицо. С какой стати?

Видел ли кто-нибудь, как он выскользнул из корабля?

Теренс сам себя убеждал, что нет, иначе за ним бы уже гнались.

Он поднес руку к голове — шапочка вновь плотно прикрывала волосы, но теперь ее украшал медальон, по словам Генро служивший опознавательным знаком. Агенты Трантора сразу увидят, как сверкает на солнце этот металлический кругляшок.

Теренс мог бы сорвать его и положиться на удачу. Найти другой корабль (если сумеет), как-нибудь улететь с Сарка (если выйдет), сбежать (если удастся).

Слишком много «если»! В глубине души Теренс понимал, что достиг конечной точки и, как сказал Генро, выбирать может только одно из двух: или Трантор, или Сарк. Империя внушала ему ненависть и страх, но Сарк он в любом случае выбрать не мог.

— Вы! Эй, вы!

Староста замер и в испуге стал озираться по сторонам. Ворота — всего в сотне футов. Он мог бы добежать... Но бегущего там точно не пропустят. Нет, удирать было нельзя.

Из окна роскошной машины на Теренса смотрела молодая женщина. Такой машины он ни разу не видел за все пятнадцать лет службы на Сарке. Металл сверкал и искрился, как драгоценный камень.

— Подойдите сюда, — приказала женщина.

Теренс медленно приблизился. Генро сказал, что машина Трантора будет ждать за воротами. Или нет? Но разве стали бы посылать на такое рискованное задание девушку? Почти девочку. С прекрасным смуглым лицом.

— Вы с только что приземлившегося корабля, верно? — спросила она.

Теренс молчал.

— Ну отвечайте же! — нетерпеливо бросила Сэмия. — Я видела, как вы оттуда выходили! — Она похлопала по очкам. Теренс когда-то видел такие.

— Да, конечно, — пробормотал он.

— Садитесь!

Она открыла дверцу. Внутри машина оказалась еще более роскошной. Мягкие сиденья источали легкое благоухание.

— Вы один из членов экипажа?

«Она проверяет меня», — подумал Теренс.

— Вы знаете, кто я. — Он дотронулся указательным пальцем до медальона.

Машина беззвучно тронула с места и развернулась.

У ворот Теренс вжался в мягкую и прохладную спинку кресла, обтянутого киртом. Но опасения его были напрасны.

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файфская, — властным тоном заявила хозяйка машины охранникам и выехала за пределы.

Лишь через несколько секунд до усталого сознания Теренса дошел смысл этих слов. Когда он нервно подался вперед, машина уже мчалась по экспресс-полосе со скоростью сто миль в час.

Один из рабочих порта, поглядев вслед удаляющейся машине, приподнял воротник куртки и что-то сказал. Потом он вошел в здание и вновь принялся за работу. Начальник, сердито нахмурив брови, решил, что всерьез потолкует с Типпом насчет дурной привычки всякий раз курить по полчаса.

За воротами порта один из сидевших в машине мужчин с досадой переспрашивал:

— Уехал на машине с девушкой? На какой машине? С какой девушкой?

Несмотря на саркитскую одежду, произношение выдавало в нем обитателя одной из планет Арктура, принадлежавших Транторианской Империи.

Зато его напарник был настоящим саркитом и регулярно смотрел выпуски светской хроники. Когда роскошная машина выехала из ворот и с бешеной скоростью промчалась мимо, он привстал на сиденье:

— Это госпожа Сэмия! Других таких машин нет. Во имя Галактики, что же теперь нам делать?

— Следовать за ними, — сухо ответил напарник.

— Но это ведь госпожа Сэмия...

— Для меня она — ничто. И для тебя тоже. Иначе зачем ты здесь?

Они развернулись и выехали на скоростную полосу широкого шоссе.

— Мы их не догоним, — проворчал саркит. — Едва заметив преследование, она мигом уйдет от нас. Такая машина выжмет все двести пятьдесят.

— Ну, пока не делает и сотни, — фыркнул арктурианин.

Несколько минут спустя он добавил:

— Едет эта твоя Сэмия явно не в отдел.

Прошло еще несколько минут.

— И не во дворец Файфского, — уточнил арктурианин.

Машина Сэмии все продолжала путь, и транторианский агент с раздражением подвел итог:

— Пусть меня выкинут в открытый космос, если я знаю, куда она едет.

— А действительно ли убийца сквайра с ней? Вдруг это подстроено нарочно, чтобы увести нас с поста? Госпожа Сэмия не пытается отвязаться от нас и не выбрала бы такую броскую машину, не желай она привлечь внимание. Ее же и за две мили видно!

— Так-то оно так, но Файфский не стал бы посылать свою дочь только для того, чтобы убрать нас с дороги. Тут куда больше сгодились бы патрульные.

— Может, это вовсе не Сэмия?

— Сейчас выясним. Она останавливается. Живее! Тормози за поворотом!

— Я хочу поговорить с вами, — заявила девушка.

Теренс пришел к выводу, что это не обманный трюк, как он сначала вообразил, и пред ним в самом деле Сэмия Файфская. Эта юная особа явно полагала, что никто не смеет противиться ее желаниям.

Она даже ни разу не взглянула, нет ли за ними погони. Зато Теренс во время поворотов трижды видел сзади одну и ту же машину, неизменно сохранявшую дистанцию. Это явно не могло быть совпадением. Либо их преследовали транториане, что вполне устраивало Теренса, либо саркиты. В последнем случае высокородная дама стала бы неплохой заложницей.

— Я готов говорить, — ответил он.

— Вы были на корабле, доставившем туземца с Флорины? Того, что виновен во всех этих убийствах?

— Я ведь сказал, что да.

— Прекрасно. Я привезла вас сюда, чтобы нас никто не перебивал. Итак, туземца допрашивали по пути на Сарк?

Такая наивность, подумал Теренс, не может быть напускной. Сэмия Файфская и вправду не знает, кто он.

— Да, — осторожно ответил Теренс.

— Вы присутствовали на допросе?

— Да.

— Прекрасно! Я так и думала. Кстати, почему вы ушли с корабля?

Этот вопрос, подумал староста, следовало бы задать в первую очередь.

— Я должен был доставить особый отчет... — Он замялся.

Сэмия тотчас ухватилась за эти слова:

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я возьму вас под защиту. Скажу, что приказала вам ехать со мной.

— Да, моя госпожа.

Эти слетевшие с языка слова глубоко поразили старосту. Сэмия Файфская принадлежала к самому знатному и могущественному роду на планете, а он — всего лишь флоринианин. Но тому, кто смог убивать патрульных, было легко научиться убивать сквайров, а убийце сквайров ничто не мешает смотреть на высокородную даму.

Теренс взглянул на нее твердо и испытующе. Удивительно красивая девушка!

Но Сэмия, будучи самой знатной госпожой на всем Сарке, не удостоила его вниманием.

— Расскажите мне все, что слышали во время допроса, — приказала она. — Я хочу услышать самый подробный отчет о признаниях туземца. Это очень важно.

— Могу ли я узнать, почему вас интересует туземец, моя госпожа?

— Нет, не можете, — спокойно ответила она.

Староста не представлял, что ей говорить. С одной стороны, он с минуты на минуту ожидал появления преследователей. С другой — его все больше волновало присутствие молодой и красивой девушки на расстоянии вытянутой руки.

Теоретически чиновникам Гражданской Службы и старостам запрещалось вступать в интимные

отношения с женщинами. На практике все нарушали этот запрет при первом удобном случае. У Теренса тоже был кое-какой опыт, но от страха и постоянной спешки не очень удовлетворительный.

Тем сильнее на него действовали соседство юной красавицы, роскошь машины, уединение...

Сэмия ждала рассказа, и ее темные (очаровательно темные) глаза горели от любопытства, полные розовые губы приоткрылись от нетерпения, а изящное тело было еще соблазнительнее оттого, что его облегал кирт. И она даже представить не могла, что кто-либо осмелится лелеять помыслы, опасные для госпожи Сэмии Файфской.

Та часть сознания Теренса, что беспокоилась о преследователях, умолкла.

И он вдруг понял, что в конечном счете убийство сквайра — еще не самое тяжкое преступление.

Теренс даже не заметил, как пододвинулся к Сэмии. Ее изящный стан неожиданно оказался в его объятиях, Сэмия на миг оцепенела, потом попыталась крикнуть, но Теренс заглушил ее крик поцелуем...

На плечо старосты легла тяжелая рука. Сквозь открытую дверь в спину ударил порыв ветра. Он ухватился за оружие, но было поздно — бластер вырвали из рук.

Сэмия беззвучно глотала воздух.

— Ты видел, что он вытворял? — с ужасом спросил саркит.

— Делов-то! — фыркнул арктурианин.

Он положил небольшую черную коробочку во внутренний карман и, загладив шов, распорядился:

— Забирай его!

Саркит, кипя от ярости, выволок Теренса из машины.

— И она позволила ему, — пробормотал он себе под нос, — позволила!

— Кто вы? — вдруг возмутилась Сэмия. — Вас подослал мой отец?

— Попрошу без вопросов, — отрезал арктурианин.

— Вы чужеземец! — гневно сверкнула глазами аристократка.

— Клянусь Сарком, я разобью ему башку, — рявкнул саркит, занося кулак.

— Прекрати! — Арктурианин заломил ему руку за спину.

Саркит недовольно заворчал:

— Всему есть пределы. Я еще могу простить убийство сквайра — сам прихлопнул бы парочку, но стоять и смотреть, как туземец вытворяет такое, — это выше моих сил.

— Туземец? — неестественно пронзительным голосом переспросила Сэмия.

Саркит злобно сорвал шапочку с головы Теренса. Староста побледнел, но не шелохнулся и не отвел взгляда от девушки, а его соломенные волосы тихонько трепетали на ветру.

Сэмия беспомощно забилась в самый дальний уголок сиденья и, прикрыв лицо обеими руками, так стиснула пальцы, что кожа под ними побелела.

— Что будем с ней делать? — буркнул саркит.

— Ничего.

— Она нас видела и поднимет на ноги всю планету, прежде чем мы успеем отъехать хотя бы на милю.

— Ты хочешь убить госпожу Файфскую? — ехидно осведомился арктурианин.

— Нет, конечно. Но мы можем испортить ей машину. А когда она доберется до радиофона, мы будем в безопасности.

— Это ни к чему.

Арктурианин сунул голову в машину:

— Моя госпожа, у нас мало времени. Вы меня слышите?

Сэмия не проронила ни звука.

— Вам лучше выслушать меня, — продолжил арктурианин. — Извините, что помешал вам в такой момент, но, к счастью, он не совсем упущен. Я действовал достаточно быстро и успел запечатлеть эту сцену на тривидео. Это не блеф. Негатив будет доставлен в надежное место через пару минут, и, если вы попытаетесь нам мешать, мне придется поступить довольно некрасиво. Надеюсь, вы все поняли.

Арктурианин повернулся к напарнику:

— Она ничего не расскажет. Ни словечка. Идите за мной, староста.

Теренс последовал за арктурианином. Он не мог обернуться и посмотреть еще раз на бледное, осунувшееся лицо в машине.

Что бы с ним теперь ни случилось, староста совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на всем Сарке, ощущал легкое прикосновение ее нежных, ароматных губ.

Глава 16
ОБВИНЯЕМЫЙ

У дипломатии — свой язык и свои правила поведения. Все переговоры между представителями суверенных государств, если они ведутся в строгом соответствии с протоколом, выглядят чрезвычайно формально, чопорно и даже смешно. Словосочетание «нежелательные последствия» означает здесь войну, а «необходимые уступки» — капитуляцию.

В частной беседе Эйбл предпочитал не использовать двусмысленный язык дипломатии. Благодаря частному каналу связи, соединявшему его со Сквайром Файфским, посол мог позволить себе оставаться стариком, ведущим приятную беседу за кубком вина.

— Вас нелегко застать, Сквайр Файфский, — обронил он.

Сквайр выглядел спокойным и беззаботным.

— Трудный день. Я был занят, Эйбл, — улыбнулся он.

— Да, я слыхал кое-что.

— От Сквайра Стинского? — ввернул Файфский.

— Отчасти. Он провел у нас около семи часов.

— Я знаю. Отчасти это моя вина. Вы собираетесь нам его выдать?

— Боюсь, что нет.

— Сквайр Стинский — преступник.

Эйбл коротко рассмеялся и взболтал кубок, наблюдая за тем, как со дна лениво поднимаются пузырьки.

— Я думаю, сквайра можно назвать политическим эмигрантом. На транторианской территории его защищает межзвездный закон.

— А правительство империи вас поддержит?

— Думаю, что да, Сквайр Файфский. Я бы не продержался на этой работе тридцать семь лет, если бы не знал, что Трантор одобрит, а что — нет.

— Сарк в моем лице может потребовать, чтобы вас отозвали.

— Ну и чего вы этим добьетесь? Я человек миролюбивый, и вы хорошо меня знаете. А мой преемник может оказаться совершенно непредсказуемым.

Файф, немного помолчав, решил сменить гнев на милость:

— По-моему, у вас есть какое-то предложение.

— Да. Вы забрали одного из наших людей.

— И кто же это?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений Трантора.

— Вам Сквайр Стинский о нем рассказал?

— Помимо всего прочего, да.

— Он видел этого землянина?

— Этого Стинский мне не говорил.

— Ах вот как! Учитывая обстоятельства, боюсь, что вам не следует особо доверять его словам.

Эйбл поставил кубок на стол и сложил руки, поигрывая пальцами.

— Это не имеет значения, — сказал он. — Я уверен, что землянин существует на самом деле. Мы можем договориться, Великий Сквайр. У нас — Сквайр Стинский, а у вас — землянин. В каком-то смысле мы на равных. Прежде чем вы осуществите свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет государственный переворот, почему бы нам не собраться и не обсудить общее положение с киртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, — исключительно наше внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что, независимо от политических изменений, в поставках кирта перебоев не будет. Думаю, это должно полностью удовлетворить законные интересы Трантора.

Эйбл, отхлебнув вина, сделал вид, будто обдумывает сказанное.

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант, — наконец вздохнул он. — Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флори-

нианских подданных. Некий староста. Называет себя Мирлином Теренсом.

У Файфа вспыхнули глаза.

— Мы подозревали это. Клянусь Сарком, Эйбл, существуют какие-то пределы открытого вмешательства Трантора в дела нашей планеты. Похищенный вами человек — убийца. Вы не вправе дать ему политическое убежище.

— Так вы хотите его получить или нет?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы предлагаете?

— Провести упомянутое совещание.

— Ради паршивого убийцы-флоринианина? Конечно нет.

— Но тот способ, каким староста пытался ускользнуть от нас, довольно забавен. Вас он наверняка заинтересует...

Джунц расхаживал взад и вперед, покачивая головой. Уже давно наступила ночь, и он бы с удовольствием лег спать, но знал, что опять не обойдется без сомнина.

— Я мог бы пригрозить силой, как хотел Сквайр Стинский, — объяснял Эйбл. — Но это был бы скверный ход. Не стоило так ужасно рисковать ради весьма проблематичного результата. Впрочем, пока к нам не доставили старосту, и я не видел альтернативы, кроме, конечно, политики выжидания.

Джунц энергично покачал головой:

— Нет. Что-то нужно было предпринять. А это — просто шантаж...

— Полагаю, с технической точки зрения так и есть. Но что, по-вашему, я должен был сделать?

— Именно то, что сделали. Я не лицемер, Эйбл. Или стараюсь не быть таковым. Не мне

осуждать ваши методы, коль скоро я рассчитываю получить от них максимум пользы. Интересно только знать, что будет с девушкой.

— Ей ничто не грозит, до тех пор пока Файфский соблюдает наши договоренности.

— Мне ее жаль. Я возненавидел аристократов Сарка за то, что они сделали с Флориной, но этой девушке невольно сочувствую...

— Ну да, чисто по-человечески. Однако по большому счету вина лежит на Сарке. Слушайте, старина, вы когда-нибудь целовались в машине?

На лице Джунца мелькнула улыбка.

— Да.

— Вот и я тоже, хотя это было так давно, что я почти не помню. Должно быть, сейчас этим занимается моя старшая внучка, я не любопытствовал. Что такое сорванный в машине поцелуй, как не выражение самого естественного чувства в Галактике? Но что произошло в данном случае? Девушка из семьи, занимающей очень высокое положение, по недоразумению оказалась в одной машине, скажем так, с преступником. Он не упустил возможности ее поцеловать, поддавшись порыву и не спросив согласия. И что должна чувствовать девушка? Что чувствует ее отец? Недовольство? Возможно. Гнев? Определенно. Оскорбился ли он, счел ли себя уязвленным? Все это естественно. Но воспринимать случившееся как позор — нет. Чувствовать себя опозоренным до такой степени, чтобы во избежание огласки ставить под удар важные государственные дела? Бессмыслица.

Но именно так и обстоит дело. Такое может случиться только на Сарке. Госпожа Сэмия виновна только в упрямстве и некоторой наивности. Наверняка ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова и будет целоваться без счету с кем угодно, кроме флоринианин, никто и слова не

скажет. Но Сэмия поцеловалась с флоринианином.

Не имеет значения, что девушка не знала, кто он. Не важно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем этот снимок, то жизнь для них с отцом превратится в кошмар. Я видел, какое лицо было у Файфского, когда он смотрел на копию. А ведь там и не скажешь наверняка, что Сэмию обнимает флоринианин. На старосте саркитская одежда и шапочка, закрывающая волосы. Но Сквайр понимал, что слухи об этом тотчас подхватят многочисленные любители жареного, и для них этот снимок станет неопровержимым доказательством. А скандалом не преминут воспользоваться политические враги Файфского. Вы назвали это шантажом, Джунц. Вероятно, это и есть шантаж, но сработать он мог только на одной-единственной планете во всей Галактике. Их нездоровая социальная система сама дала нам в руки оружие, и я не жалею, что пустил его в ход.

Джунц вздохнул:

— Так о чем вы в конце концов договорились?

— О том, чтобы встретиться завтра в полдень.

— Так Файфский продлил свой ультиматум?

— На неопределенный срок. Я прибуду в его кабинет собственной персоной.

— Стоит ли идти на такой риск?

— Ну, вряд ли я особенно рискую. Там будут свидетели. И мне не терпится живьем увидеть космоаналитика, которого вы так долго искали.

— А я включен в ваш список? — заволновался Джунц.

— Конечно. И староста тоже. Он понадобится нам, чтобы опознать космоаналитика. Да, и Стин, естественно. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю вас.

Транториапский посол, подавив зевок, обратил на Джунца слезящиеся глаза:

— А теперь, если вы не против, я отправлюсь в постель. Я не спал целых два дня и одну ночь, а мой изношенный организм больше не выдержит антисомнина. Мне надо отдохнуть.

С тех пор как трехмерная передача достигла совершенства, важные совещания редко проходили лицом к лицу, и Сквайр Файфский воспринимал материальное присутствие старого посла как явную непристойность. На темно-оливковой коже Великого Сквайра было нелегко заметить краску гнева, но, судя по выражению лица, он кипел.

Тем не менее Сквайр вынужден был молчать. Он не смел сказать ни слова. Оставалось лишь хмуро разглядывать гостей.

Эйбл! Старый пройдоха в поношенной одежде, за спиной которого миллионы планет.

Джунц! Темнокожий волосатый надоеда, чье упрямство и вызвало кризис.

Стин! Предатель! Не смеет поглядеть в глаза!

Староста! Вот на кого смотреть тягостнее всего... Туземец, опозоривший его дочь прикосновением, но все еще живой и недосягаемый за стенами транторианского посольства. Будь он сейчас один, Файф скрипел бы зубами и молотил кулаками по столу. Но при нынешних обстоятельствах на его лице не должен дрогнуть ни один мускул.

Если бы только Сэмия... Файф тут же отбросил эту мысль. Своеволие дочери — результат его собственного недосмотра, и сейчас ее поздно винить. Она не пыталась найти себе оправдание или смягчить вину, но тут же рассказала ему всю правду — как пыталась играть в межзвездного сыщика и как чудовищно закончилась это игра. Сгорая от боли и

стыда, Сэмия положилась на его понимание и вполне заслужила, чтобы отец ее простил. Он спасет девочку от позора, даже если это означает крах всех тщательно разработанных планов.

— Это совещание мне навязали, — начал Великий Сквайр. — Не вижу смысла что-либо говорить, но готов всех выслушать.

— Я думаю, первым захочет высказаться Стин, — заметил Эйбл.

Сквайр Стинский съежился под исполненным презрения взглядом Сквайра Файфского.

— Вы заставили меня перейти на сторону Трантора, Сквайр Файфский! — крикнул он. — Вы нарушили принцип автономии. Нет, ну правда, вы ведь не могли ожидать, что я соглашусь на это?

Сквайр Файфский не ответил, и Эйбл, не скрывая пренебрежения, поторопил его оппонента:

— Ближе к делу, Стин. Вы уверяли, будто у вас есть что сказать. Так говорите!

Впалые щеки Сквайра Стинского порозовели без всяких румян.

— Да, я скажу, и прямо сейчас. Само собой, я не детектив, каким мнит себя Сквайр Файфский, но думать умею. Правда! И я думал. Вчера Сквайр Файфский нам поведал целую историю о загадочном изменнике, которого назвал Иксом. Но я понял, что эти страшные сказки — только повод объявить чрезвычайное положение. Меня Файф ни на миг не сумел одурачить!

— Так никакого Икса нет? — спокойно осведомился Файф. — Тогда почему *вы* сбежали? Когда человек бросается в бега, никаких других обвинений не нужно.

— Вот как? Правда? — вспылил Сквайр Стинский. — А я могу унести ноги из горящего дома, даже если сам его не поджигал?

— Давайте дальше, Сквайр Стинский, — проворчал Эйбл.

Тот провел языком по пересохшим губам и задумчиво уставился на собственные ногти (потом, во время разговора, он то и дело тихонько их поглаживал).

— Но чуть погодя я подумал: а зачем выдумывать такую невероятную историю, городить столько сложностей и прочее? Это не похоже на Сквайра Файфского. Правда! Я его знаю. Все мы его знаем. У него совсем нет воображения, ваше превосходительство. Гадкий грубиян! Почти такой же гадкий, как Сквайр Бортский.

Сквайр Файфский нахмурился:

— Это серьезный разговор или детский лепет, господин посол?

— Продолжайте, Сквайр Стинский, — вздохнул Эйбл.

— Я продолжу, если мне перестанут мешать. О боги! Интересно, на чьей вы стороне? Так вот, я сказал себе (а дело было после обеда): «Зачем человеку вроде Сквайра Файфского выдумывать сказки?» Ответ напрашивался сам собой: Файфский не мог такое выдумать, с его-то умом! А значит, это правда. Должно быть правдой. И конечно, патрульных убивали на самом деле, хотя Файфский вполне мог это подстроить.

Сквайр Файфский пожал плечами.

— Но кто тогда Икс? Не я. Правда! Точно не я! Но готов признать, что им может быть только Великий Сквайр. А кто из Великих Сквайров больше всех знает об этом? Какой Великий Сквайр целый год пытался запугивать остальных историей про космоаналитика, рассуждая насчет «объединения усилий», иными словами, требуя диктаторских полномочий для себя? Я скажу вам, кто такой Икс!

Стин вскочил, и его макушка, оказавшись над верхним краем проекционного куба, словно растворилась в пустоте. Стин воздел указующий перст:

-- Это он, Сквайр Файфский! Он нашел космоаналитика, а потом, после первого совещания, на время убрал с дороги, поняв, что нас не особо впечатлили всякие глупые угрозы. И вот теперь, подготовив государственный переворот, он снова вытащил откуда-то космоаналитика. Правда!

Сквайр Файфский устало повернулся к Эйблу:

— Он закончил? Если да, то уберите его отсюда. Один вид этого типа — невыносимое оскорбление для глаз любого порядочного человека.

— Вам есть что сказать в ответ? — спросил Эйбл.

— Конечно нет. Что тут обсуждать? Этот человек явно не в себе и просто несет чушь.

— Вы не можете вот так от меня отмахнуться! — взвизгнул Сквайр Стинский и, продолжая стоять, окинул взглядом собрание. Глаза его сузились, а кожа у ноздрей побелела от злости. — Послушайте, Файфский утверждал, что его агенты нашли записи в кабинете врача. Тот якобы погиб в дорожной катастрофе, после того как, обследовав космоаналитика, установил, что его психозондировали. По словам Сквайра Файфского, врача убил Икс, чтобы о космоаналитике не стало известно. Спросите его самого! Спросите, так ли он говорил.

— Допустим, и что дальше? — скривился Сквайр Файфский

— А поинтересуйтесь, как он сумел раздобыть записи врача, погибшего за несколько месяцев до этого. Правда!

— Ерунда, — отрезал Сквайр Файфский. — Так мы будем тратить время до бесконечности. Место погибшего врача занял другой; он-то и сохранил

все записи. Вы полагаете, что после смерти того или иного медика его картотеку уничтожают?

— Разумеется, нет, — ответил Эйбл.

Сквайр Стинский, пробормотав нечто невразумительное, снова сел.

— Ну? — бросил Сквайр Файфский. — Кто-нибудь еще хочет высказаться? Предъявить очередные обвинения? Или есть другие предложения? — Голос его звучал тихо и чуть подрагивал от сдерживаемого гнева.

— Что ж, оставим пока в стороне то, что сказал Сквайр Стинский, — отозвался Эйбл. — Сейчас мы с Джунцем переходим к следующему делу — тому, что, собственно, и привело нас сюда. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

Руки Сквайра Файфского, все это время спокойно лежавшие на виду, вцепились в край стола. Сквайр насупил брови.

— Уточняю: у нас под стражей находится человек с пониженным интеллектом, утверждающий, что он космоаналитик. Я приказал доставить его сюда.

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. С той минуты, как они опустились на Сарк, прошел целый день, а Лона не переставала удивляться здешним чудесам. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, поражали сказочным великолепием. Из отверстия в трубе шла вода — стоило только нажать кнопку. От стен исходило тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем Лона вообще могла представить. И все, кто с ней разговаривал, были роскошно одеты.

Потом Валону провели по комнатам, полным всякого рода удивительных и непонятных вещей, и, наконец, она попала в самую большую из этих

комнат, где почти ничего не было, но собралось довольно много людей: сурового вида господин за столом, другой, совсем старый и морщинистый, — в кресле; да еще трое...

И один из них — староста!

Валона подскочила и бросилась к нему:

— Староста! Староста!

Но там никого не было!

Староста встал и помахал ей рукой:

— Отойди немного назад, Валона. Отойди назад!

Девушка пролетела сквозь него, попыталась ухватить за рукав, но староста отпрянул. Валона опять подалась вперед и чуть не упала, не обнаружив там ничего, кроме воздуха. Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Староста вновь повернулся к девушке, но она, не поднимая головы, с ужасом уставилась на свои ноги.

Обе они прошли сквозь массивную ручку кресла старосты. Валона ясно видела, какая она тяжелая и крепкая, но не ощущала даже легчайшего прикосновения. Девушка вытянула дрожащую руку, и пальцы ее вошли в обивку кресла, как в пустоту.

Валона вскрикнула и упала без чувств. Староста невольно протянул руки, чтобы ее поддержать, и последнее, что почувствовала девушка, — как она падает сквозь них, точно сквозь воздух телесного цвета.

Очнулась Валона, сидя в кресле. Рик держал ее за руку, а с другой стороны стоял морщинистый господин.

— Не бойся, милая, — сказал он. — Это просто картинка. Ну, знаешь, как фотография...

Валона огляделась. Староста сидел на прежнем месте, но не смотрел на нее. Девушка показала на него пальцем:

— Разве староста не там?

— Это трехмерная проекция, Лона, — вдруг вставил Рик. — Староста сейчас где-то в другом месте, а мы смотрим на него отсюда.

Валона покачала головой. Если так говорит Рик, значит, это правда. И все-таки она опустила глаза, побаиваясь смотреть на людей, которые вроде бы тут и одновременно — где-то еще.

— Так вам известно, что такое трехмерная проекция, молодой человек? — спросил Рика Эйбл.

— Да, сударь. — Этот день выдался нелегким и для Рика, но если Валону все вокруг ошеломляло, то ему, напротив, казалось знакомым и понятным.

— А где вы узнали о ней?

— Не помню. Я знал об этом раньше... до того как забыл.

Сквайр Файфский спокойно продолжал сидеть за столом, пока Валона пыталась пообщаться со старостой.

— Сожалею, что позволил привести сюда истеричную туземку, нарушившую ход встречи, — едко ввернул он. — Но так называемый космоаналитик настаивал на ее присутствии.

— Не волнуйтесь, — в тон отозвался Эйбл. — Но как я заметил, ваш флоринианин с пониженным интеллектом неплохо представляет, что такое трехмерная проекция.

— Полагаю, его старались поднатаскать, — ответил Сквайр.

— Этого человека допрашивали, после того как доставили на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эйбл повернулся к Рику:

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, какое я могу вспомнить, — спокойно объяснил тот.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только старосту. И Лону, конечно.

— Это, — Эйбл указал на Файфа, — величайший из когда-либо живших сквайров. Ему принадлежит целый мир. Что вы думаете о нем?

— Я землянин, — гордо ответил Рик. — И мной он не владеет.

— Сомневаюсь, что взрослого флоринианина можно до такой степени отучить от покорности, — заявил Эйбл, обращаясь к Великому Сквайру.

— Даже пустив в ход психозонд? — насмешливо осведомился сквайр.

Транторианский посол опять взглянул на Рика.

— Вам знаком этот человек? — спросил он.

— Нет, сударь.

— Это доктор Селим Джунц. Он занимает важный пост в Межзвездном Космоаналитическом Бюро.

Рик пристально посмотрел на Джунца:

— Тогда это один из моих начальников. Но, — добавил он с легкой грустью, — я не знаю доктора. Или не могу вспомнить.

Джунц угрюмо покачал головой:

— Я никогда не видел его, Эйбл.

— Ну, это следовало бы записать, — пробормотал Сквайр Файфский.

— А теперь послушайте, Рик, — не отступался посол. — Я расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы внимали ей всем своим разумом и думали. Думали и думали! Понятно?

Рик кивнул.

Эйбл медленно заговорил, и на протяжении долгих минут единственным звуком в кабинете Сквайра Файфского был его голос. Все это время Рик сидел крепко закрыв глаза и стиснув зубы. Кулаки его непроизвольно прижались к груди, голова поникла. Казалось, Рика терзает мучительная агония.

Эйбл последовательно излагал события в том виде, как представил их Сквайр Файфский. Он рассказал о сообщении, где говорилось об опасности, о том, как документ перехватили, о встрече космоаналитика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли и выхаживали на Флорине, о враче, который осматривал его и затем погиб, о постепенно всплывающих воспоминаниях...

— Вот такая история, Рик, — подытожил посол. — Я рассказал вам все. Что-нибудь показалось вам знакомым?

— Я помню последнюю часть, — медленно, с трудом вздохнул Рик. — Последние несколько дней. Но проскальзывает и кое-что из более отдаленного прошлого. Быть может, это случилось у доктора, когда я снова начал говорить. Правда, все довольно смутно, но... это все.

— Однако вы вспоминаете и гораздо более ранние события. Скажем, опасность, грозящую Флорине, — настаивал Эйбл.

— Да-да! Это первое, о чем я вспомнил.

— Тогда почему бы вам не попытаться восстановить, что было потом? Вы опустились на Сарк и встретили кого-то...

— Не могу. Не могу вспомнить! — простонал Рик.

— Попытайтесь!

Рик взглянул на посла. Его бледное, измученное лицо покрыла испарина.

— Я помню слово.

— Какое слово, Рик?

— Оно ничего не значит.

— Все равно скажите.

— Это связано с чем-то давним и видится смутно. Совсем смутно. Я сидел за столом. И кажется, кто-то сидел напротив. А потом он стоял и смотрел на меня сверху вниз. Тогда я и услышал слово.

— Какое слово? — терпеливо спросил Эйбл.

Рик, сжав кулаки, выдавил:

— «Файфский»!

Все, кроме Сквайра Файфского, вскочили с мест. Сквайр Стинский взвизгнул: «Я же говорил вам!» — и зашелся пронзительным хохотом.

Глава 17
ОБВИНИТЕЛЬ

— Покончим с этой комедией! — сдержанным тоном потребовал Сквайр Файфский.

Сквайр долго выжидал, пока все успокоятся и снова сядут, и на его суровом лице не отражалось ни тени эмоций. Рик склонил голову и крепко закрыл глаза, словно вглядывался в измученный мозг, пытаясь обнаружить в глубинах памяти что-нибудь еще. Валона прижала его к себе, ласково поглаживая по щеке.

— Почему вы называете это комедией? — возмутился Эйбл.

— А разве не так? Я согласился на эту встречу только под давлением, но даже тогда ответил бы отказом, знай я, что переговоры обернутся судилищем надо мной, а предатели и убийцы выступят в роли прокурора и присяжных.

Эйбл нахмурился.

— Это не суд, сквайр, — с ледяной учтивостью возразил он. — Доктор Джунц здесь для того, чтобы выручить сотрудника Межзвездного Космоаналитического Бюро. Это его право и обязанность. Я защищаю интересы Трантора в смутное время. У меня нет никаких сомнений в том, что Рик и есть пропавший космоаналитик. Мы можем покончить с этой частью совещания немедленно, если вы согласитесь передать Рика доктору Джунцу для дальнейшего установления его личности, в том числе — и медицинского осмотра. Естественно, нам понадобится ваша помощь, чтобы найти человека, виновного в незаконном использовании психозонда, и принять меры против любых попыток подобных действий в отношении представителей межзвездной организации.

— Вот так речь! — хмыкнул Сквайр Файфский. — Но ваши намерения очевидны. Что произойдет, если я выдам этого человека? Полагаю, Межзвездное Космоаналитическое Бюро сумеет найти в нем то, что хотело. Бюро объявило себя межзвездной организацией, не связанной с местными правительствами, но разве не общеизвестно, что Трантор финансирует две трети его годового бюджета? Сомневаюсь, что любой мало-мальски объективный наблюдатель назовет его совершенно независимым. Нет, все заключения Бюро по поводу этого человека будут служить имперским интересам Трантора.

И что оно обнаружит? Это не менее очевидно. К пострадавшему постепенно вернется память, и Бюро начнет публиковать ежедневные отчеты. Мало-помалу он «вспомнит» все необходимые подробности. Для начала мое имя. Затем мой внешний вид. После этого все, что я говорил. Меня торжественно объявят виновным ради восстановления

справедливости. Трантор будет вынужден временно оккупировать Сарк, но эта оккупация затянется навеки.

Однако никакой шантаж не может заставить человека отступить дальше определенных границ. И вы, господин посол, этих границ достигли. Если вам нужен этот человек, пусть Трантор присылает за ним военный флот!

— Никто и не думал угрожать вам применением силы, — возразил Эйбл. — Но я заметил, что вы тщательно обошли вопрос о своем участии в описанной космоаналитиком сцене и даже не попытались опровергнуть обвинение.

— А никаких обвинений там не было, и мне нет нужды их отрицать. Этот человек вспомнил или утверждает, что вспомнил, одно слово. И что с того?

— Но разве сам факт не достаточно красноречив?

— Нисколько. Имя Сквайра Файфского на Сарке знают все. Даже если так называемый космоаналитик не лукавит, то за год, проведенный на Флорине, он, как пить дать, не раз слышал это имя. Да и сюда прилетел на корабле, где находилась моя дочь, — вот вам еще одна возможность. Таким образом, мое имя могло вполне естественно примешаться к его фрагментарным воспоминаниям. Конечно, столь же вероятно, что этот человек лжет и заранее подготовил свои обрывки «откровений».

Эйблу пока не приходило в голову ничего путного. Он оглядел других. Джунц мрачно хмурился, пощипывая подбородок. Стин, глупо улыбаясь, что-то бормотал себе под нос. Флоринианский староста невидящим взглядом уставился в пол.

Молчание нарушил Рик.

— Послушайте! — крикнул он, вырываясь из рук Валоны и вскакивая с места. Бледное лицо нервно подрагивало, глаза расширились от боли.

— Очередное откровение, я полагаю, — скривился Сквайр Файфский.

— Слушайте! Мы сидели за столом. В чай было что-то подмешано. Мы спорили. Не помню, по какому поводу. Вдруг я почувствовал, что не могу шевельнуться. Не могу говорить. Я мог только сидеть и думать: «Великий Космос! Меня опоили!» Я хотел встать, позвать на помощь, убежать, но тщетно. Потом пришел тот, Файфский. Раньше он кричал на меня, а теперь — нет. Это было ни к чему. Он просто стоял надо мной. Я ничего не мог сказать. Не мог двинуть пальцем. Лишь смотрел на него, подняв глаза. — Рик замолчал.

— И этим человеком был Сквайр Файфский? — спросил Селим Джунц.

— Я помню только имя.

— Но он был похож на этого сквайра?

Рик даже не повернулся посмотреть.

— Я не помню, как выглядел тот, — просто сказал он.

— Вы уверены?

— Я пытался, — почти простонал Рик. — Вам не понять, как это трудно. Больно! Как будто в мозг вонзается раскаленная докрасна игла. Вот сюда! — Он прикоснулся к голове.

— Я понимаю, что вам больно, — с искренним сочувствием проговорил Джунц, — но постараться надо. Посмотрите на этого человека. Оглянитесь и посмотрите!

Рик медленно повернулся к Сквайру Файфскому, внимательно посмотрел на него и отвел глаза.

— Ну, теперь вы вспомнили? — осведомился Джунц.

— Нет! Нет!

Файф зловеще ухмыльнулся:

— Ваш человек забыл слова или пытается сделать спектакль более достоверным и вспомнить мое лицо в следующий раз?

— Повторяю: я никогда его не видел, — вспылил Джунц, — и тем более не разговаривал с ним. Никто не собирается на вас клеветать, и я устал от ваших обвинений. Мне нужна только правда.

— Тогда могу я задать ему пару вопросов?

— Пожалуйста.

— Благодарю вас за любезность. Ну, Рик, или как там тебя зовут... — Файф сменил тон и заговорил с той повелительной интонацией, что сквайры всегда использовали, обращаясь у туземцу.

— Да, сударь.

— Ты помнишь, как кто-то подошел к тебе с другого конца стола, когда ты, выпив отравленный чай, потерял способность двигаться. Так?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, — как этот человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Совершенно верно, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх, или, во всяком случае, пытался?

— Именно так, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

На несколько секунд Сквайр Файфский застыл. Только его тонкогубый рот слегка растянулся, на выбритых до синевы скулах заходили желваки, да слегка вздернулся узкий подбородок. А потом Великий Сквайр вдруг соскользнул с кресла.

Именно соскользнул! Казалось, будто Сквайр Файфский у себя за столом встал на колени.

Но сквайр обогнул стол, и все увидели, что он стоит.

У Джунца закружилась голова. Этот человек, такой грозный и величественный в своем кресле, на самом деле был уродливым карликом.

Коротенькие искривленные ножки с трудом ковыляли, волоча грузное тело и непомерно большую голову. Лицо побагровело от натуги, но глаза взирали на мир все так же надменно. Сквайр Стинский глупо хихикнул, но тотчас закашлялся, когда этот взор ожег его. Другие потрясенно молчали.

Рик, широко открыв глаза, смотрел, как к нему приближается этот уродец.

— Так это я подходил к тебе из-за стола? — бросил Сквайр Файфский.

— Я не помню лица, сударь.

— Я не спрашиваю, помнишь ты лицо или нет. Я спрашиваю, помнишь ли ты вот это. — Сквайр взмахнул руками, окинув себя с ног до головы. — Ну, мог ли ты забыть мой облик, походку?

— Думаю, я не должен был забыть, — виновато пробормотал Рик, — но, сударь, я действительно не помню.

— Но ведь ты сидел, он стоял, и ты смотрел на него снизу вверх, правда?

— Да, сударь.

— Стало быть, этот человек возвышался над тобой?

— Да, верно.

— Хотя бы это помнишь наверняка?

— Помню.

Сквайр подошел еще ближе:

— Как по-твоему, я смотрю на тебя сверху вниз?

— Нет, сударь, — покачал головой Рик.

— А ты смотришь на меня снизу вверх?

Несмотря на то что Рик сидел, а Великий Сквайр стоял, их глаза находились на одном уровне.

— Нет, сударь.

— Так мог ли я быть тем человеком?

— Нет, сударь.

— Точно не мог?

— Точно.

— Но ты все-таки утверждаешь, что запомнил слово «Файфский».

— Я помню это слово, — упрямо повторил Рик.

— Значит, кто-то просто воспользовался моим именем?

— Наверное.

Сквайр Файфский повернулся, медленно, с достоинством проковылял обратно к столу и снова сел в кресло.

— С юных лет я еще никому не показывался стоя, — буркнул он. — Ну как, у вас остались какие-то причины продолжать совещание?

Эйбл испытывал смущение и досаду. Дело принимало самый неудачный оборот. Сквайр Файфский с каждым шагом умудрялся доказывать свою правоту, оставляя оппонентов в дураках, и успешно играл роль мученика. Транторианцы, используя шантаж, принудили его к встрече и предъявили ложные обвинения, каковые он с легкостью опроверг одно за другим.

Теперь Великий Сквайр позаботится распространить по всей Галактике свою видеоверсию совещания, причем, чтобы выставить Трантор в дурном свете, ему даже не надо слишком передергивать.

Эйбл принялся подсчитывать потери. Подвергнутый психозондированию космоаналитик уже не принесет Трантору особой пользы. Любое его воспоминание отныне назовут подложным и превратят в посмешище, сколько бы правдивым оно ни было на самом деле. Рика признают орудием транторианского империализма, к тому же изрядно подпорченным.

Однако посол все еще колебался, и слово взял Джунц:

— Мне кажется, у нас остаются довольно веские причины пока не заканчивать совещание. Мы еще не выяснили, кто виноват в психозондировании. Вы обвинили Сквайра Стинского, а он обвинил вас. Пусть оба вы ни при чем и в данном случае ошиблись, но тем не менее по-прежнему уверены, что виновным может быть только Великий Сквайр. Тогда кто именно?

— Какая разница? — спросил Сквайр Файфский. — Уж вам-то совершенно все равно. Теперь мы сами разберемся, без вмешательства Трантора и Космоаналитического Бюро. Рано или поздно я найду предателя. Вспомните: тот, кто пустил в ход психозонд, намеревался прибрать к рукам всю торговлю киртом, и я не дам ему спастись от расплаты. Как только мы поймаем виновного, ваш человек вернется к вам в целости и сохранности. Это единственное предложение, какое я могу вам сделать, и оно весьма разумно.

— А как вы поступите с виновным?

— Это исключительно внутреннее дело, и оно вас не касается.

— Напротив, — темпераментно возразил Джунц. — Дело очень серьезное и касается не только судьбы одного космоаналитика. Удивительно, как вы до сих пор не осознали, что Рика психозондировали вовсе не потому, что он сотрудник нашего Бюро.

Эйбл не совсем понимал, чего добивается Джунц, но тотчас поспешил его поддержать.

— Доктор конечно же имеет в виду сообщение об опасности, — любезно напомнил он.

Сквайр Файфский пожал плечами:

— Насколько мне известно, никто за последний год не придавал этой опасности особого значения,

в том числе и доктор Джунц. Однако, раз уж ваш сотрудник здесь, спросите его об этом сами.

— Разумеется, он не сумеет вспомнить, — с досадой бросил Джунц. — Психозондирование глубже всего затрагивает логические цепи суждений. Есть вероятность, что математические способности, конкретные цифры и факты вообще никогда не восстановятся.

— Тогда вопрос исчерпан, — сказал Сквайр Файфский. — Что тут можно поделать?

— Кое-что вполне определенное. Кое-кто знает правду, а именно — тот, кто применил психозонд. Сам он, конечно, не космоаналитик и не понимает подробностей, однако разговаривал со специалистом, пока тот еще был в здравом уме и твердой памяти. Наверняка этот неизвестный выяснил достаточно, чтобы мы догадались о сути проблемы. Не сумей он уразуметь хотя бы главное, явно не стал бы разрушать источник информации. И все же, для очистки совести... Что вы помните, Рик?

— Только то, что существует опасность и связана она с космическими течениями, — пробормотал тот.

— Даже если вам удастся выяснить суть дела, что это вам даст? — проворчал Сквайр Файфский. — Насколько можно доверять всяким бредовым теориям, что постоянно выдумывают спятившие космоаналитики? Многим из них кажется, будто они постигли все тайны Вселенной, а на самом деле больные головы не в состоянии воспринять показания приборов.

— Не исключено, что вы правы. Почему бы не дать мне возможность разобраться? Или вас это пугает?

— Я против того, чтобы поползли всякие зловещие слухи, поскольку независимо от того, правди-

вы они или ложны, могут подорвать торговлю киртом. Вы согласны со мной, Эйбл?

Посол насторожился. Сквайр Файфский подталкивал его к ловушке, чтобы любые нарушения поставок кирта в условиях государственного переворота можно было свалить на Трантор, но не на того напал. Эйбл был далеко не худшим игроком, а потому спокойно и невозмутимо повысил ставки.

— Не совсем. Я полагаю, что стоит выслушать доктора Джунца, — заметил он.

— Благодарю, — кивнул ученый. — Итак, вы, Сквайр Файфский, сказали, что, кем бы ни был человек, прибегнувший к психозондированию, ему пришлось убить врача, после того как тот обследовал Рика. А это значит, что виновный каким-то образом следил за Риком, пока тот оставался на Флорине.

— Ну и?

— Такой надзор не мог не оставить следов.

— Вы говорите так, будто туземцы способны помнить, кто за ними наблюдал.

— А почему бы и нет?

— Вы не саркит, а потому допускаете элементарные ошибки, — заявил Сквайр Файфский. — Уверяю вас: любой туземец твердо знает свое место. Туземцы не приближаются к сквайрам, а если сквайр сам подходят к ним, то мигом опускают глаза долу. Они понятия не имеют, что такое «наблюдать».

Джунц содрогнулся от негодования. Сквайры настолько привыкли повелевать, что не видели ничего дурного или постыдного в открытом признании своего деспотизма.

— Обычные туземцы — возможно, — заметил он. — Но у нас тут есть человек, которого не назовешь обычным туземцем. Мне кажется, он достаточно ясно показал, что не похож на

смиренного флоринианина. До сих пор этот человек не сказал ни слова, и, по-моему, пора задать ему пару вопросов.

— Свидетельство туземца — не в счет. Кстати, пользуясь случаем, я вновь требую от Трантора выдачи этого преступника для того, чтобы он предстал перед судом Сарка.

— Позвольте мне для начала с ним поговорить.

— Я полагаю, будет полезно допросить его, Сквайр Файфский, — вмешался Эйбл. — Если этот человек окажется упрямым и несговорчивым, мы можем рассмотреть ваше требование о его выдаче.

Теренс, до сих пор упорно рассматривавший собственные нервно скрученные пальцы, вскинул голову.

Джунц повернулся к нему:

— Рик жил в вашем поселке с тех пор, как его нашли на Флорине, не так ли? — спросил он.

— Да.

— И все это время вы также находились там? Я имею в виду, не отлучались ли вы надолго по делам?

— Старосты по делам не ездят. Все их внимание сосредоточено на поселке.

— Хорошо. Постарайтесь успокоиться, никто не хочет вас уязвить. Вероятно, в ваши обязанности входило узнавать обо всех прибывающих в ваш поселок сквайрах?

— Конечно, если они к нам собирались.

— А за это время кто-нибудь из сквайров к вам приезжал?

Теренс пожал плечами:

— Пару раз. Обычная инспекция. Сквайры не любят пачкать руки киртом, то есть необработанным, естественно.

— Не забывай об уважении! — рявкнул Сквайр Файфский.

Теренс посмотрел на него:

— А вы попробуйте меня заставить!

— Пусть староста и Джунц говорят между собой, — примирительно улыбнулся Эйбл. — А мы с вами, Сквайр Файфский, будем зрителями.

Джунцу понравилась дерзость Теренса, но он не хотел отвлекаться от темы:

— Прошу вас, староста, отвечайте на мои вопросы, не думая о посторонних предметах. Так кто именно из сквайров посещал ваш поселок в этом году?

— Откуда мне знать? — сердито воскликнул Теренс. — Я не могу ответить на этот вопрос. Сквайры — это сквайры, а туземцы — туземцы. И, даже будучи старостой, для саркитов я остаюсь туземцем. Я не встречаю их у ворот поселка и не спрашиваю имена. Мне просто присылают уведомление с надписью «старосте». А там сообщается, что такого-то числа будет проверка и мне надлежит сделать соответствующие приготовления. Затем я должен проследить, чтобы рабочие надели парадные костюмы, прилежно выполняли работу и на фабрике было чисто. Кирта должно быть вдоволь, все обязаны демонстрировать, как они счастливы и довольны. Дома следует привести в порядок, на улицах усилить охрану. На тот случай, если сквайрам вздумается посмотреть на туземные танцы, под рукой надо держать несколько танцовщиц — и чтобы никаких уродин...

— Это не важно, староста, — перебил Джунц.

— Вам не важно. Но не мне, — проворчал Теренс.

После общения с флоринианами из Гражданской Службы речи старосты подействовали на Джунца, как глоток свежего воздуха. И он решил использовать все влияние МКБ, чтобы Теренса ни в коем случае не выдали сквайрам.

— Таковы мои обязанности, — более спокойным тоном продолжал староста. — Когда прибывает инспекция, я стою в линейке вместе с остальными. Мне никто не докладывает, кто эти сквайры. Я с ними не разговариваю.

— А не было ли подобной инспекции приблизительно за неделю до убийства врача? Надеюсь, вам известно, когда произошло убийство.

— Кажется, я слышал об этом в сводке новостей. По-моему, никакой инспекции не было. Хотя поклясться не могу.

— Кому принадлежат ваши земли?

Уголок губ Теренса дрогнул.

— Сквайру Файфскому.

Совершенно неожиданно Сквайр Стинский вскочил с кресла.

— О, послушайте! — возопил он. — Нет, правда! Всеми этими расспросами вы играете на руку Сквайру Файфскому, доктор Джунц. Так вы ничего не добьетесь, разве не понятно? Нет, ну правда! Неужто вы всерьез полагаете, будто Файфский был настолько заинтересован в слежке за недоумком, чтобы лично мотаться на Флорину? И на что тогда патрульные? А?

— Но ведь это совершенно особый случай, — взволнованно проговорил Джунц. — Не только экономика, но, возможно, и физическое существование планеты зависят от разума одного-единственного человека. Вполне естественно, что тот, кто применил психозонд, не мог полагаться только на бдительность патрульных.

— Даже после того, как он почти разрушил этот самый мозг? — хмыкнул Файф.

Эйбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. В руки Файфа вслед за остальными уплывала его последняя ставка.

— Тогда оставался ли поблизости какой-то определенный патрульный или, быть может, несколько? — вновь без особой уверенности начал Джунц.

— Не знаю. Для меня они просто люди в мундирах, все на одно лицо.

Джунц, повинуясь порыву, взглянул на Валону. За мгновение до этого девушка, внезапно побелев, широко раскрыла глаза. И это не укрылось от доктора.

— А что ты скажешь, девушка? — спросил он.

Но она лишь безмолвно покачала головой.

«Мы больше ничего не можем сделать. Все кончено», — с тоской подумал Эйбл.

Но Валона, отчаянно дрожа, поднялась на ноги.

— Я хочу сказать... — чуть слышно выдохнула она.

— Не бойся, девушка, говори. Так в чем дело? — встрепенулся Джунц.

Валона, задыхаясь и нервно ломая пальцы, с нескрываемым ужасом пролепетала:

— Я всего-навсего деревенская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Просто я не представляю, как бы все могло быть по-другому... Мой Рик и вправду много значил? Ну, то есть настолько, как вы сказали?

— Да, я думаю, он значил невероятно много, и значит до сих пор, — мягко ответил Джунц.

— Тогда насчет пригляда вы правильно догадались. Тот, кто привез его на Флорину, не посмел бы и глаз с него спускать. А как же иначе? Ну, то есть вдруг бы Рика побил начальник фабрики, забросали камнями мальчишки или он, того хуже, заболел и умер? Да и в поле Рик сразу бы пропал, если бы его вовремя не нашли. Нет, тут полагаться на удачу не стали бы. — Теперь Валона говорила плавно и уверенно.

— Продолжай, — кивнул Джунц, глядя на нее во все глаза.

— И только один человек следил за Риком с самого начала. Он нашел его в поле, велел мне позаботиться о нем, держал подальше от неприятностей и вообще приглядывал каждый день. Он даже знал о докторе, потому что я ему рассказала. Это он! Он!

Голос Валоны сорвался на крик, а палец твердо указывал на Мирлина Теренса, старосту.

И на сей раз даже сверхчеловеческое спокойствие Сквайра Файфского дало трещину. Цепляясь за край стола, он приподнял с кресла грузное тело, словно хотел наброситься на старосту.

Глава 18
ПОБЕДИТЕЛИ

Все как будто онемели от удивления. Даже Рик, застыв на стуле, мог только переводить недоверчивый взгляд с Валоны на Теренса.

Наконец тишину нарушил визгливый смех Стина.

— Охотно верю, правда! — веселился Сквайр. — Я всегда говорил, что туземец — на жалованье у Сквайра Файфского. Теперь вы понимаете, что за человек этот Файфский? Он нанял туземца, чтобы...

— Гнусная ложь!

Как ни странно, возмутился не Сквайр Файфский, а староста. Флоринианин вскочил. Глаза его пылали от возбуждения.

— Что — ложь? — уточнил Эйбл, опомнившийся от изумления первым.

Теренс окинул его недоуменным взглядом.

— То, что сказал Сквайр, — наконец выпалил он. — Никто из саркитов мне не платит.

— А то, что сказала девушка? Это тоже неправда?

Теренс облизал пересохшие губы.

— Нет, она верно угадала. Психозонд применял я. Не смотри на меня так, Лона! — поспешно добавил он. — Я не хотел повредить Рику. Вообще не хотел, чтобы так получилось. — Староста опять сел.

— Все это подстроено, — вознегодовал Сквайр Файфский. — Не знаю точно, что вы затеяли, Эйбл, но само предположение, будто убийца-флоринианин мог совершить еще и это преступление, выглядит абсурдно. Как известно, только у Великого Сквайра хватило бы на то знаний и возможностей. Или вы пытаетесь спасти своего наемника Сквайра Стинского, сфабриковав липовые признания?

Теренс, сжав кулаки, снова привскочил с места:

— Я не беру денег и от Трантора!

Сквайр Файфский пропустил это мимо ушей.

Джунц стряхнул оторопь последним, и до него не сразу дошло, что староста на самом деле вовсе не рядом, хоть и на территории посольства, и что в проекции он не более реален, чем Сквайр Файфский, пребывающий за двадцать миль отсюда. Ученому захотелось подойти к старосте, хлопнуть по плечу и потолковать с ним наедине, но ничего подобного он сделать не мог.

— Нет смысла спорить, пока мы не выслушаем этого человека, — заявил Джунц. — Давайте узнаем подробности. Если психозонд и вправду использовал он, то нам чертовски необходимо выяснить подоплеку. Ну а коли староста взял на себя чужую вину, это станет очевидно из того, что он сумеет рассказать о предположениях нашего сотрудника.

— Если вы хотите знать, что произошло, я вам скажу! — крикнул Теренс. — Мне больше незачем держать это в тайне. Все равно — либо Сарк, либо Траитор, так что вались все в космос! По крайней мере, есть шанс вытащить кое-что на поверхность. — Староста презрительно и насмешливо указал на Сквайра Файфского: — Вот это — Великий Сквайр! Только Великий Сквайр способен утверждать, будто никто, кроме Великих Сквайров, не обладает достаточными возможностями и познаниями для применения психозонда. Но что ему известно? Разве кто-нибудь из саркитов хотя бы догадывается об истинном положении вещей?

Саркиты не участвуют в управлении. Этим занимаются флориниане! Флорининаская Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут их, отправляют по адресу. А ведь именно эти бумаги и правят Сарком. Конечно, большинство из нас настолько забиты, что не смеют и пикнуть в знак протеста, но знаете ли вы, какие дела мы при желании способны провернуть под самым носом у наших проклятых сквайров? Так вот, послушайте, что сделал я.

Год назад я временно служил начальником перевозок в космопорте. Это записано в моем послужном списке. Правда, вам пришлось бы докапываться до истины, поскольку официально начальником считался саркит. Но у него было одно звание, а всю работу выполнял я. Мое имя значится только в особом разделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не снизошел бы до того, чтобы в него заглядывать.

Когда местное отделение Межзвездного Космоаналитического Бюро прислало в порт сообщение космоаналитика, предлагая встретить корабль с машиной «Скорой помощи», документ получил именно я, а начальству передал только

то, что почел нужным. О возможной гибели Флорины я не упомянул.

Я устроил все так, чтобы встретить космоаналитика в маленьком пригородном порту. Сделать это не составило труда. Все рычаги и нити управления Сарком были у меня в руках. Я ведь служил в Гражданской Службе, не забывайте. Вздумай Великий Сквайр совершить то же, что и я, он был бы вынужден отдать соответствующий приказ флоринианину. А вот я мог действовать без чьей бы то ни было помощи. Это — к вопросу о знаниях и возможностях.

Итак, я встретился с космоаналитиком и спрятал его как от властей Сарка, так и от Бюро. Я вытянул из него все сведения, какие сумел, чтобы использовать их ради Флорины и против Сарка.

— Так это ты послал нам те письма? — невольно вырвалось у Файфа.

— Да, Великий Сквайр, их послал я, — спокойно признал Теренс. — Я рассчитывал завладеть достаточной долей киртовых полей, чтобы договориться с Трантором на собственных условиях и выкинуть сквайров со своей планеты.

— Безумец!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не вышло. Я представился космоаналитику как Сквайр Файфский. Это было необходимо, поскольку он знал, что Сквайр Файфский — самое влиятельное лицо на планете, и, пока он считал меня таковым, мог говорить открыто. Как ни смешно, но он всерьез думал, будто Сквайра заботит благо Флорины.

К несчастью, у космоаналитика оказалось еще меньше терпения, чем у меня. Он твердил, что с каждым днем промедления близится катастрофа, а я прекрасно понимал, что на переговоры с Сарком уйдет масса времени. В конце концов сдерживать его стало затруднительно, и я прибег к

психозондированию. Зонд я сумел достать. Я видел, как его применяли в больницах, и кое-что знал об этом. К несчастью, как выяснилось, недостаточно.

Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев сознания. Это очень простая операция. Я до сих пор не понимаю, что произошло. Думаю, страх и тревога оказались не только на поверхности, но и гораздо глубже и зонд автоматически следовал за ними, попутно разрушая интеллект. В результате на руках у меня осталось лишенное разума существо... Прости, Рик.

Рик, все это время внимательно слушавший рассказ, грустно сказал:

— Не следовало так со мной обращаться, староста, но я понимаю ваши чувства.

— Да, — вздохнул Теренс. — Ты ведь и сам жил на Флорине, знаешь о патрульных и сквайрах, видел разницу между Верхним и Нижним Городом.

Староста немного помолчал.

— Итак, мне нужно было что-то делать с беспомощным космоаналитиком, — продолжал он. — Я не мог допустить, чтобы его нашел кто-то, способный установить личность. И убить тоже не мог. Вдобавок я полагал, что рано или поздно память восстановится, а мне были необходимы его знания, не говоря уж о том, что, убив ученого, я терял всякую надежду на помощь со стороны Трантора и Межзвездного Космоаналитического Бюро, а она мне со временем наверняка пригодилась бы. Наконец, в те дни я еще не научился убивать.

Я позаботился, чтобы меня отправили на Флорину старостой, и взял космоаналитика с собой, выправив ему поддельные документы. Потом его как бы случайно нашли в поле, и я велел Валоне присматривать за ним. В первое время ничего опасного для меня не происходило, за исключе-

нием истории с врачом. Тогда мне пришлось проникнуть на энергостанцию Верхнего Города. Вполне посильная задача. Инженеры там, конечно, саркиты, но все остальные — флоринианe. На Сарке я усвоил энергомеханику в достаточной степени, чтобы закоротить силовую линию. Правда, я три дня выжидал подходящего случая. С тех пор убивать мне легко. Но я никак не предполагал, что врач делал копии карточек и держал в обеих приемных. А надо бы это предусмотреть.

Со своего места Теренс отчетливо видел хронометр Сквайра Файфского.

— С тех пор как Рик начал кое-что вспоминать, прошло сто часов, а кажется, будто сто лет. Теперь вы знаете всё.

— Нет, не всё, — возразил Джунц. — В чем заключалась опасность для целой планеты?

— Думаете, я разобрался в подробностях теории, возникшей у космоаналитика? Прости, Рик, но все это звучало как полный бред.

— Нет, — покачал головой Рик. — Мои заключения не могли быть бредом.

— Космоаналитик прилетел на корабле, — напомнил Джунц. — Где этот корабль?

— Давно переплавлен, — ответил Теренс. — Я составил приказ о сдаче корабля на лом, и мой начальник подписал его не глядя. Саркиты ведь никогда не читают бумаг. Так что и это прошло гладко.

— А бумаги Рика? Вы сказали, что он вам показывал какие-то расчеты.

— Передайте этого человека нам, — вдруг предложил Сквайр Файфский. — У нас он быстро заговорит.

— Нет, — возразил Джунц. — Первое преступление староста совершил против Бюро. Он похитил космоаналитика и самым разрушитель-

ным образом воздействовал на его сознание. Он принадлежит нам.

— Джунц прав, — подтвердил Эйбл.

— А теперь послушайте, — заявил Теренс. — Я ни слова не скажу, не получив гарантий. Мне известно, где бумаги Рика. Без меня их не найдут ни саркиты, ни транториане. Если эти бумаги вам нужны, предоставьте мне политическое убежище. Попытайтесь понять: все, что я сделал, совершено из любви к своей планете. Саркиты и транториане называют себя патриотами, так почему надо отказывать в этом флоринианину?

— Господин посол обещал передать вас Бюро, — сказал Джунц, — а я даю слово, что вас не вернут Сарку. Конечно, за преступление против космоаналитика придется отвечать перед судом, и я не могу обещать, что вас оправдают, но, если сейчас вы согласитесь с нами сотрудничать, это станет весомым аргументом в вашу пользу.

Теренс изучающе посмотрел на ученого:

— Что ж, попытаюсь поверить вам, доктор... По словам вашего сотрудника, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую образованию новой звезды.

— Что?! — воскликнули все, кроме Валоны.

— То есть оно вот-вот взорвется ко всем чертям, — насмешливо уточнил Теренс. — И тогда Флорина исчезнет, как облако табачного дыма.

— Я не космоаналитик, — пробормотал Эйбл, — но слышал, что взрыв звезды предсказать невозможно.

— Верно. Во всяком случае, так было до сих пор. Рик не объяснил вам, что привело его к подобным выводам? — спросил Джунц.

— Думаю, в бумагах есть все расчеты. Я помню только, что взрыв как-то связан с углеродным течением.

— С каким течением?

— Рик несколько раз повторил «углеродное космическое течение, углеродное космическое течение». А еще — «каталитический эффект».

Сквайр Стинский захихикал. Сквайр Файфский нахмурился. А Джунц погрузился в задумчивость.

— Прошу прощения, — наконец сказал он. — Я отлучусь ненадолго, но скоро приду.

Джунц вышел за пределы кубического рецептора и исчез.

Через пятнадцать минут он вернулся и с удивлением оглядел кабинет Великого Сквайра. На месте оставались только Эйбл и Сквайр Файфский.

— А где другие?..

— Мы ждали только вас, доктор Джунц, — пояснил Эйбл. — Ваш сотрудник и девушка уже едут в посольство. Совещание закончено.

— Закончено? О Великая Галактика, мы же только начали! Мне надо объяснить вам, как образуются новые звезды.

Посол нетерпеливо заерзал в кресле:

— Это вовсе не обязательно, доктор.

— Напротив, совершенно необходимо! Дайте мне хотя бы пять минут.

— Пусть говорит, — улыбнулся Сквайр Файфский.

— Начну с начала. Уже в самых ранних научных исследованиях галактической цивилизации было установлено, что звезды получают энергию от происходящих в их недрах ядерных реакций. С давних пор было известно, что существует два, и только два типа таких реакций, способных дать необходимое количество энергии. Оба они ведут к превращению водорода в гелий. Первый тип реакции происходит непосредственно: два ядра водорода соединяются с двумя нейтронами и образуют ядро гелия. Во втором случае превращение прохо-

дит несколько этапов. Конечный результат — тот же: водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Ядра эти не вступают в соединение, а вновь образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода используется снова и снова, образуя огромные массы гелия. Иными словами, углерод служит катализатором. Обо всем этом знали еще в доисторические времена, когда человечество существовало всего на одной планете, если такое когда-нибудь было.

— Ну, коль скоро это общеизвестный факт, — заметил Сквайр Файфский, — вы лишь напрасно тратите время.

— Но это *все*, что мы знаем. Идет ли в звездах только одна из этих реакций или обе — никогда не удавалось точно установить. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту, либо другую теорию. Но как правило, мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий, как более простому варианту.

Так вот, теория Рика, по всей видимости, заключается в следующем. Непосредственное превращение водорода в гелий — это *нормальный* источник звездной энергии, но в определенных условиях подключается углеродный катализ и, подстегивая этот процесс, разогревает звезду.

В пространстве есть течения. Это вы тоже знаете. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них бесчисленное множество атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. *Кроме атомов углерода!* Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится неустойчивой. Я не знаю, сколько лет, столетий или миллионов лет нужно, чтобы

атомы углерода просочились в недра звезды, но, вероятно, это занимает много времени. Следовательно, углеродное течение должно быть очень широким, а звезда — войти в него под небольшим углом. Во всяком случае, как только количество углерода, просочившегося в недра звезды, достигает критического уровня, излучение ее неожиданно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Понимаете?

— И все это вы придумали за пару минут на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям старосты, космоаналитик произнес год назад? — осведомился Великий Сквайр.

— Да-да, но в этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Не выдвини ее Рик, несомненно, вот-вот представил бы кто-нибудь другой. В действительности подобные предположения делались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Это было еще до того, как техника космического анализа достигла высокого уровня, и никому не удавалось объяснить причины внезапного роста содержания углерода в атмосфере той или иной звезды.

Но теперь мы знаем: существуют углеродные течения. Мы можем нанести их движение на карту, выяснить, какие звезды входили в них за последние десять тысяч лет, проверить и сравнить это с записями о появлении новых звезд и вспышках радиации. Именно это, судя по всему, и сделал Рик, а расчеты и наблюдения должны быть в тех бумагах, что он пытался показать старосте. Но сейчас все это не главное. Необходимо немедленно начать эвакуацию Флорины.

— Так я и думал, — сдержанно заметил Сквайр.

— Извините, Джунц, но это невозможно, — добавил Эйбл.

— Почему?

— Когда именно взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тому, как сильно Рик беспокоился уже год назад, то у нас мало времени.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно нет.

— А когда вы сумеете это сделать?

— Трудно сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их надо будет проверить.

— А готовы ли вы ручаться, что эта теория окажется верной?

Джунц нахмурился:

— Лично я в этом уверен, но ни один ученый не станет ручаться за ту или иную версию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуировать население Флорины лишь на основании домыслов.

— Я думаю, рисковать населением целой планеты никак нельзя.

— Будь Флорина обычной планетой, я бы с вами согласился. Но она — источник кирта для всей Галактики. Вы требуете невозможного.

— Вы что, сговорились с Великим Сквайром, пока я отсутствовал? — рассердился Джунц.

— Позвольте мне кое-что объяснить вам, доктор, — вступил в разговор Сквайр. — Правительство Сарка никогда не согласится на эвакуацию Флорины, даже если Космоаналитическое Бюро признает эту вашу теорию верной. Трантор не сможет силой заставить нас пойти на это, поскольку, объяви империя войну за продолжение поставок кирта, многие планеты перешли бы на его сторону, но за их прекращение не станет воевать никто.

— Вот именно, — подхватил Эйбл. — Боюсь, нас не поддержит даже собственное население.

Джунц испытывал все более стойкое отвращение к политиканам. Население целой планеты

для них ничто по сравнению с экономической необходимостью!

— Послушайте меня, — отчеканил он. — Дело касается не только одной планеты, но и всей Галактики. Каждый год в Галактике взрывается около двадцати новых звезд. Кроме того, приблизительно на двух тысячах из сотни миллионов звезд характеристики излучения слишком неустойчивы, чтобы их планеты, если они есть, могли быть пригодны для жизни. Люди расселились по миллиону звездных систем. Стало быть, раз в пятьдесят лет одна планета обречена на вымирание. И это исторический факт. За пять тысяч лет для каждой планеты набегает пятидесятипроцентная вероятность, что звезда взорвется и обратит ее в пыль.

Если Трантор ничего не сделает для Флорины, обрекая ее население на огненную смерть, это станет предупреждением для всех обитателей Галактики. Они поймут, что, когда наступит их очередь, помощи ждать бесполезно, особенно если тут замешаны экономические интересы кучки богачей. Стоит ли идти на такой риск, Эйбл?

Но помогите Флорине — и вы покажете всем остальным, что Трантор берет на себя ответственность, ценя человеческую жизнь превыше всего. Этим вы завоюете авторитет и признание. А такого никогда не добиться силой.

Эйбл склонил голову, но тотчас решительно возразил:

— Нет, Джунц. Лично я на вашей стороне, но это непрактично. Я не могу полагаться на эмоции, когда речь идет о вполне предсказуемой политической реакции на прекращение торговли киртом. Честно говоря, по-моему, разумнее было бы совсем воздержаться от проверки этой теории. Уж слишком много потрясений она может вызвать.

— Но что, если она верна?

— Будем исходить из того, что это не так. Полагаю, что, покинув совещание на несколько минут, вы побеседовали с другими представителями Космоаналитического Бюро?

— Да.

— Ладно, не важно. Трантор обладает достаточным влиянием, чтобы остановить эти исследования.

— Боюсь, что нет. Только не исследования такой важности. Господа, скоро мы узнаем тайну дешевого кирта. Взорвется солнце Флорины или нет, но через год киртовой монополии не станет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого главного вопроса, Файф. Из всех обитаемых планет кирт растет только на Флорине. В других местах из его семян получается обыкновенная целлюлоза. Вероятно, по воле случая Флорина оказалась единственной населенной планетой в системе, чья звезда пребывает на стадии превращения в новую. И стадия эта могла длиться тысячу лет, если звезда вошла в углеродное течение под малым углом. Таким образом, весьма вероятно, что кирт и предвзрывная стадия взаимосвязаны.

— Чепуха, — выпалил Файф.

— Неужели? Тогда почему кирт на Флорине становится киртом, а на других планетах это обычная целлюлоза? Ученые перепробовали множество способов искусственного выращивания, но, действуя вслепую, ничего не добились. Теперь же они узнают, что надо включить в эксперимент факторы, сопутствующие образованию новой звезды.

— Воспроизвести спектр излучения флорининианского солнца уже пытались, — гневно бросил Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, способных передать только видимую и ультрафиолето-

вую части спектра. А как насчет инфракрасного излучения и того, что лежит за его пределами? Магнитных полей? Эмиссии электронов? Космических лучей? Я не физик и не биохимик, так что тут могут быть и неизвестные мне факторы. Но отныне этим займутся специалисты по физической биохимии, а их в Галактике немало. Ручаюсь вам, не пройдет и года, как они найдут решение.

Таким образом, экономика переходит на сторону человечества. Галактика жаждет дешевого кирта, и если люди получат его или проникнутся уверенностью, что это не за горами, то они поддержат эвакуацию Флорины пусть не из человеколюбия, но хоть ради удовольствия выбить почву из-под ног жадных саркитов.

— Блеф! — проворчал Сквайр Файфский.

— А вы тоже так думаете, Эйбл? — требовательно спросил Джунц. — Если Трантор поможет сквайрам, то все поймут, что он спасает не свободную торговлю, а монополию. Стоит ли идти на такой риск?

— А на риск развязать войну? — рявкнул Сквайр.

— Войну? Чушь! Сквайр, через год ваши владения на Флорине обесценятся, взорвется солнце или нет. Так продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор способен за нее заплатить.

— Купить планету? — ошарашенно пробормотал Эйбл.

— А почему бы и нет? Средства у Трантора на это есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Если спасение сотен миллионов жизней для вашего правительства — недостаточно серьезная причина, напомните о дешевом кирте. Империя на это пойдет.

— Я подумаю. — Эйбл посмотрел на Сквайра Файфского. Тот опустил глаза.

— И я подумаю, — через некоторое время выдавил сквайр.

Джунц хрипло рассмеялся:

— Только не раздумывайте слишком долго. Вся эта история с киртом мигом распространится. Слухи уже ничем не остановить. А тогда ни у одного из вас не будет свободы действий. Лучше уж поторгуйтесь сейчас!

Староста выглядел подавленным.

— Это правда? — допытывался он. — На самом деле? Флорины больше не будет?

— Правда, — вздохнул Джунц.

Теренс бессильно уронил руки.

— Если вам нужны бумаги Рика, то они спрятаны среди статистических карточек у меня дома. Я взял старые — на сто лет назад и раньше. Никому и в голову не пришло бы в них заглядывать.

— Послушайте, — сказал Джунц. — Я уверен, что мы сумеем договориться с Бюро. Нам нужен на Флорине человек, хорошо знающий тамошних людей. Тот, кто помог бы нам объяснить им обстановку, прикинул бы, как лучше проводить эвакуацию, и выбрать наиболее подходящую для этого планету. Вы не согласились бы взять это на себя?

— И таким образом избежать кары за убийство? Почему бы и нет? — Глаза старосты вдруг наполнились слезами. — Но я все равно проиграл. У меня не будет планеты, не будет дома. Мы все — в убытке. Флориниане теряют планету, саркиты — богатство, транториане — возможность захватить этот источник процветания. Победителей нет.

— Если не считать, что в новой Галактике, избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в

Галактике, где есть кирт для всех и возможно политическое единство, выигравшие все-таки есть, — мягко возразил Джунц. — Целый квадрильон. Люди Галактики — вот кто победители!

Эпилог
ГОД СПУСТЯ

— Рик! Рик! — Селим Джунц через весь космопорт бросился к кораблю, протягивая руки. — И Лона! Я никогда бы не узнал вас обоих! Ну, здравствуйте! Как дела?

— Как нельзя лучше. Насколько я понимаю, наше письмо до вас дошло? — усмехнулся Рик.

— Конечно. Расскажите, что вы обо всем этом думаете?

Они вместе направлялись к конторе Джунца.

— Утром мы побывали в своем старом поселке, — грустно сказала Валона. — Поля совсем опустели.

Внешне она сейчас больше напоминала подданную империи, чем флоринианскую крестьянку.

— Да, тому, кто здесь жил раньше, должно быть, тягостно на это смотреть. Даже мне порой становится не по себе, но я не улечу до последнего. Излучение флоринианского солнца представляет громадный интерес для науки.

— Столько людей эвакуировано меньше чем за год! Похоже, дело организовано на совесть.

— Мы стараемся, Рик. О, я думаю, теперь мне следовало бы называть вас настоящим именем.

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я — Рик. Это по-прежнему единственное имя, какое я помню.

— Вы еще не решились когда-нибудь вернуться к космоанализу?

Рик покачал головой:

— Решение-то я принял, но ответ — отрицательный. Я ведь не вспомню всего. Какая-то часть памяти ушла безвозвратно. Но меня это не огорчает. Я вернусь на Землю... Кстати, я надеялся встретить здесь старосту.

— Боюсь, не выйдет. Он куда-то отправился сегодня. По-видимому, не хотел столкнуться с вами. Я думаю, он чувствует себя виноватым. А вы на старосту не в обиде?

— Нет, — ответил Рик. — У него были добрые намерения, и потом, он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Во всяком случае, я встретил Лону. — Рик обнял ее за плечи.

Валона посмотрела на него и улыбнулась.

— Кроме того, — продолжал Рик, — староста даже вылечил меня, как ни странно. Я понял, почему стал космоаналитиком. Насколько мне известно, почти треть всех космоаналитиков родом с одной планеты, с Земли. Человек, выросший в радиоактивном мире, вечно ощущает страх и ненадежность. Один неверный шаг означает смерть, и у нас нет врага страшнее, чем поверхность нашей собственной планеты. Потому-то в нас так велико беспокойство, доктор Джунц. Мы боимся планет и счастливы только в космосе. Это единственное место, которое кажется нам безопасным.

— А теперь у вас исчезло это чувство, Рик?

— Совершенно верно. Я его даже не помню. Вот в чем дело. Староста настроил зонд так, чтобы стереть беспокойство, но позабыл об ограничителях. Он думал, что имеет дело с недавним, поверхностным ощущением. Ведь староста понятия не имел о врожденной тревоге землян.

В результате зонд избавил меня сразу от всего. В каком-то смысле это принесло пользу, даже если попутно мне пришлось испытать много неприятностей. Теперь мне не надо жить в космосе. Я могу вернуться на Землю, найти там работу. На Земле люди всегда нужны.

— Почему бы нам не сделать для Земли то, что мы сделали для Флорины? — задумчиво пробормотал Джунц. — Людям Земли вовсе не обязательно жить в страхе и вечной тревоге. Галактика велика.

— Нет, — с чувством ответил Рик. — Это другой случай. У Земли есть прошлое, доктор Джунц. Пусть в это многие не верят, но мы-то, земляне, знаем, что именно там родина человечества.

— Возможно. Не могу судить, так это или нет.

— Поверьте. Эту планету нельзя покидать ни в коем случае. Наступит день — и мы преобразим ее, сделаем такой, как раньше. А до тех пор мы останемся.

— И я теперь — женщина Земли, — тихо добавила Валона.

Рик посмотрел на горизонт. Верхний Город, как всегда, сверкал и переливался, но совершенно обезлюдел.

— Многие еще остались на Флорине? — спросил Рик.

— Около двадцати миллионов, — отозвался Джунц. — Сейчас мы работаем медленнее, чем раньше. Приходится учитывать множество факторов. Те люди, что пока здесь, не должны терять работу и еще несколько месяцев протянуть как экономическая единица. Само собой, переселение пока на первой стадии. Большинство вывозимых отсюда людей до сих пор живут во временных лагерях на соседних планетах. Но это неизбежные трудности.

— И когда отсюда улетит последний человек?

— Никогда.

— Не понимаю.

— Староста неофициально попросил разрешения остаться. И получил согласие, тоже по обходным каналам. Общественность об этом не узнает.

— Остаться? — Рик был поражен. — Но во имя всей Галактики, почему?

— Не знаю, — улыбнулся Селим Джунц. — Но вы, кажется, объяснили это, рассказывая о Земле. Староста чувствует то же, что и вы. «Я не могу и мысли допустить, — говорит он, — чтобы оставить Флорину умирать в одиночестве».

Создатель Галактической Империи

В 1975 г. канадский журнал любителей НФ (фэнзин) «Реквием» провел опрос среди своих читателей, предложив назвать десять самых известных современных писателей-фантастов. Писем пришло множество, причем не только из Канады, но и из США. Однако в большинстве из них на первом месте стояло одно и то же имя, одна и та же фамилия — Айзек Азимов.

Как ни удивительно, но выдающийся американский фантаст (возможно — самый великий из всех, что жили в XX в.) был нашим соотечественником. Исаак Азимов родился в 1920 г. в местечке Петровичи, недалеко от Смоленска. И кто знает, как сложилась бы в дальнейшем судьба еврейского мальчика, если бы его родители не решили уехать за океан, в Соединенные Штаты, едва только представится такая возможность. Они были сыты по горло ужасами российской Гражданской войны, не оставившей в покое и Смоленскую губернию. Через два года семья евреев-эмигрантов Азимовых покинула Советскую Россию и осела в Нью-Йорке, где давно существовала большая еврейская община. Маленький Исаак не только вырос в этом поразительном городе небоскребов, но и прожил здесь всю жизнь, справедливо считая

себя «коренным ньюйоркцем». Вскоре его отец открыл в городе небольшую кондитерскую лавочку. В 1928 г. Азимовы получили американское гражданство, а к этому времени восьмилетний Исаак уже привык отзываться на американизированное «Айзек». И миллионам читателей во всем мире он стал известен именно как Айзек Азимов.

Интерес к научной фантастике у Азимова проявился еще в детстве. Он много и жадно читал научно-фантастические журналы, некоторое время даже был членом объединения любителей научной фантастики «Футурианцы», основанного писателем и редактором Дональдом Уолхеймом. И пробовал свои силы в полюбившемся жанре. Первым опубликованным фантастическим произведением Азимова стал рассказ «Затерянные у Весты», вышедший в 1939 г. в журнале «Эмейзинг сториз». Уже в этом тексте видны все характерные черты Азимова как писателя-фантаста: точное научное обоснование всего происходящего, хорошо закрученный сюжет и неожиданная, хотя и строго обусловленная предыдущим «сцеплением событий», развязка.

Однако профессиональным литератором Айзек Азимов стал только с 1958 г. Ведь он был не только выдающимся фантастом, но и хорошим ученым. Азимов окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке, получив диплом химика. Затем он учился в аспирантуре, а уже после Второй мировой войны защитил диссертацию по биохимии. (Позже Азимов даже был профессором Бостонского университета.) В 60-х гг. XX в. он также выступал и как популяризатор научных знаний. Интересные книги Азимова по самым разным отраслям познакомили многих молодых американцев с удивительным миром современной науки.

Но все же главной его любовью, его призванием оставалась научная фантастика.

В многогранном творчестве Азимова выделяются две темы, начатые им в рассказах, вышедших в

годы Второй мировой войны. Первая тема — это судьба роботов, искусственных разумных созданий, история их развития и взаимоотношений с человечеством. Именно Азимов создал знаменитые «Три закона роботехники», которые учитывали (или с которыми спорили) практически все американские фантасты, позже писавшие о роботах. Именно он сумел «очеловечить» образ робота в НФ, рисуя вместо «чудовища Франкенштейна», мечтающего об уничтожении своего создателя, искренних, умных и честных искусственных существ, настоящих друзей человека.

Другой темой, которой Азимов посвятил множество произведений, стала судьба Галактической Империи человечества. Возникла эта тема в творчестве фантаста вроде бы случайно — под влиянием одной прочитанной книги, «Истории упадка и разрушения Римской империи» английского историка Э. Гиббона. Впечатляющая картина постепенного одряхления, а затем и распада величественного государства буквально заворожила Айзека Азимова. И одновременно он задался мыслью — а можно ли избежать подобного краха? Конечно, не в прошлом, а в отдаленном будущем, когда человечество станет гораздо более могущественным. Спасительное лекарство от погружения человечества в ночь галактического варварства Азимов видел в любимой им науке. В трилогии об «Основании» он изобретает фантастическую научную дисциплину — «психоисторию», якобы позволяющую на целые века прогнозировать развитие человеческого общества. Герои «Основания» — математик Хэри Сэлдон и его сторонники — готовы осторожно направлять развитие человечества на протяжении тысячелетия смуты, наступившей после падения власти планеты Трантор над Галактикой.

В мае 1942 г. цикл о гибели Галактической Империи начал публиковаться в журнале научной фантастики «Эстаундинг сайенс фикшн». Молодо-

го писателя активно поддержал известный редактор Джон Кэмпбелл, возглавлявший в эти годы журнал. Кэмпбелл ведь был знаменит не только тем, что ввел в литературу целую плеяду замечательных писателей-фантастов, но и тем, что многим из них просто дарил идеи для произведений. Вот и в данном случае он посоветовал Азимову не ограничиваться задуманным циклом рассказов, а продолжить его, превратив сначала в роман, а затем и в трилогию.

К 1950 г. трилогия об «Основании» была закончена. Однако Азимова «тема» не отпускала. Он описал «закат» Галактической Империи и первые часы надвигающейся «ночи человечества», эпохи мятежей и безвластия на просторах космоса. Но не могла же империя возникнуть на пустом месте. Понятно, что ее возникновению должны были предшествовать долгие годы расселения рода человеческого по Галактике. Можно было бы попытаться описать отдельные эпизоды в истории «космического фронтира» — движущейся границы, все дальше и дальше уходившей от прародины человечества, подобно тому как поселенцы в США в XIX в. все дальше и дальше продвигались на Дикий Запад, пока не «уперлись» в Тихий океан.

Рассказ о предыстории Галактической Империи, начатый Азимовым в 1950 г. в романе «Камешек в небе», повествовал о Земле как о планете, зараженной радиацией, о планете-изгое, давшей жизнь человечеству, но теперь постепенно пустеющей. Как ни странно, главную идею, пронизывающую эту книгу А. Азимова, можно выразить словами российского ученого К.Э. Циолковского: «Земля — колыбель человечества. Нельзя вечно жить в колыбели». Человечество было вынуждено покинуть свой разрушающийся дом, но за это получило во владение необъятный мир — целую Галактику.

Вслед за «Камешком в небе» вышел роман «Звезды как пыль», но только в 1952 г., после того

как в октябре в «Эстаундинг сайенс фикшн» стал публиковаться роман «Космические течения», читателям и критикам стало ясно — перед ними новая трилогия Азимова, позже названная «имперской». Именно в «Космических течениях» американский фантаст виртуозно связал историю Галактической Империи, изложенную в трилогии об «Основании», с событиями, описанными в двух романах о радиоактивной Земле.

Эту книгу можно назвать самым «имперским» из романов Айзека Азимова. Трилогия об «Основании» и ее дальнейшие продолжения — эта история кризиса и распада Галактической Империи землян. А вот «Космические течения» — это самое начало движения Трантора к своему величию. Не случайно одним из наиболее значимых моментов в романе стали размышления транторианского посла Лудигана Эйбла над картой Галактики: «Карта была исторической и позволяла поэтапно наблюдать за развитием событий. Транторианская республика высвечивалась только в изначальном положении, но стоило повернуть ручку на одно деление, соответствующее пятидесяти годам, как вокруг центральных планет загорались все новые красные огоньки. На десятом делении красное пятно широко расплескалось по Галактике, охватив едва ли не половину планет. И красный цвет ассоциировался с кровью не только в воображении того, кто смотрел на эту карту.

По мере того как Транторианская республика превращалась в Транторианскую Конфедерацию, а затем в Транторианскую Империю, ее путь устилали тела погибших людей, остовы взорванных кораблей, обломки уничтоженных планет. Но постепенно Трантор набирался сил, и красный цвет стал нести с собой мир.

Сейчас Трантор балансировал на грани нового превращения: из Транторианской Империи в Галактическую, а тогда красный цвет распространится на

всю Галактику и наступит вселенский мир — Pax Trantorica.

Эйблу хотелось, чтобы все так и произошло».

Транторианская Империя — это империя Закона и Порядка. Она развивалась не движимая некоей мессианской идеей, а просто объединяя народы, которые желали жить мирно и по общим, понятным всем законам. В «Космических течениях» представлена заря Галактической Империи. Даже не заря — примерно полчаса до восхода. Трантор — самая грозная держава Галактики, но еще не единственное государство, объединяющее все человечество. В известном смысле «Космические течения» описывают переломный момент в истории Галактики — Трантор сокрушает своего главного политического противника — планету Сарк. Но происходит это не в результате запланированной военной операции, а в ходе целого ряда случайностей и непредвиденных событий. Азимов, всегда склонный видеть в истории действие сложнейших, математически постигаемых законов, подчеркивает, что логика эволюции человеческого общества — на стороне будущей Галактической Империи. Развитие детективного сюжета в данном случае имеет вспомогательный характер — фантаст словно фиксирует шаги «Командора Истории».

Правда, позже Азимов склонился к взгляду на то, что история человечества в будущем все же должна жестко управляться, вестись к определенной цели некими силами и обществами. Результатом таких воззрений стал амбициозный проект, начатый писателем в 1982 г. и продолжавшийся до конца жизни, — в своих новых произведениях фантаст связывал друг с другом две главные темы в своем творчестве — тему взаимоотношений роботов и человека с историей Галактической Империи. В поздних книгах А. Азимова, начиная с романа «Роботы Утренней Зари» (1983) и заканчивая вышедшей уже посмертно книгой «Путь к Основанию» (1993), роботы выступают в качестве

хранителей и спутников человечества. Они усиленно заботятся о том, чтобы люди не свернули с предначертанного пути — объединения в единое человечество в рамках Галактической Империи.

Айзек Азимов умер в 1992 г., написав за пятьдесят с лишним лет своей творческой деятельности более 400 различных книг. Не все они равнозначны по уровню, но среди них есть настоящие и безусловные шедевры. Такие, как роман «Космические течения».

В романе человечество достигло таких пределов развития, что стремится бороться с космическими силами, с могуществом природы. Поэтому вовсе не обнаружение преступника, лишившего разума главного героя книги — космоаналитика Рика, является настоящим финалом «Космических течений». Истинный итог — разгадка тайны планета Флорина и вовлечение Трантора в борьбу за ее спасение. Человечество оказывается на пороге зрелости, когда получает возможность решать воистину космические задачи. И эта зрелость — эпоха Галактической Империи.

Глеб Елисеев

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ. *Роман* 7

Г. Елисеев. Создатель Галактической Империи 281

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Роман

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*

Редактор *М.В. Малькова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректоры *О.А. Левина, А.В. Максименко*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 21.02.2003
Формат 76x90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,34. Уч.-изд. л. 11,98
Тираж 7 000 экз. Заказ № 939

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трубная, 24, корп. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

АЙЗЕК
АЗИМОВ

ФАНТАСТИКА

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Айзек Азимов (1920—1992) — один из самых прославленных писателей мира, автор научно-популярных и фантастических книг, детективов и лимериков, исторических исследований, путеводителей по Библии и Шекспиру. Он начал публиковаться в 18 лет, в 22 года к Азимову пришла слава писателя-фантаста. Его творчество отмечено престижными премиями «Небьюла» и «Хьюго», а также премиями Говарда Блэксли — Ассоциации американских кардиологов, Джеймса Грэйди — Американского химического общества, Вестингаузовской премией за популяризацию науки.

В романе «Космические течения» космоаналитик с планеты Земля подвергается воздействию психозонда. В результате он теряет память и проводит дни на планете Флорина. Неожиданно землянин начинает вспоминать, что он знает тайну грядущей гибели Флорины, связанную с космическими течениями...

ISBN 5-9524-0360-3
9 785952 403604

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®